

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 1
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 1
2020

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 1
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 1
2020

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджея Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карилов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мاستепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шutow**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	24.03.2020
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan
- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	24.03.2020
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства.....	8
---	----------

Сергей С. Жильцов

Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве.....	18
--	-----------

Владимир А. Пономарев

Непризнанные государства постсоветского пространства: проблемы и перспективы.....	29
--	-----------

Зейнаб З. Бахтуридзе, Наталия А. Васильева

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Трансформация экономики Украины в условиях кризиса: некоторые итоги, проблемы и перспективы.....	42
---	-----------

Артем Г. Пылин

Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития.....	55
--	-----------

Елена С. Устинович, Максим А. Бочанов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества.....	63
---	-----------

Елена Г. Гарбузарова

Политика Украины в языковой сфере: основные итоги.....	73
---	-----------

Елена А. Маркова

Визуализация современного политического пространства: исследовательские приоритеты.....	84
--	-----------

Марат Г. Гогугадзе

Значение Афганистана для региональной безопасности в Южной и Восточной Азии.....	94
---	-----------

Насратуллах Раван, Олег Е. Гришин

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Будущее России и Украины в представлениях русских интеллигентов времен гражданской войны (по малоизвестным публикациям в крымских газетах 1919–1920 гг.).....	104
--	------------

Сергей Б. Филимонов

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Coronavirus hits former-Soviet countries.....	8
--	----------

Sergey S. Zhiltsov

The U.S. Policy of Democracy Promotion in the Post-Soviet Space.....	18
---	-----------

Vladimir A. Ponomarev

Unrecognized States of the Post-Soviet Space: Problems and Prospects.....	29
--	-----------

Zeynab Z. Bakhturidze, Natalia A. Vasilyeva

ECONOMY

Transformation of the Ukrainian Economy in Conditions of the Crisis: some Results, Problems and Prospects.....	42
---	-----------

Artem G. Pylin

Political and Economic Barriers of the Development of State Policy on the Creation of Institutions of Regional Development.....	55
--	-----------

Elena S. Ustinovich, Maxim A. Bochanov

POLITICS

Russia in Turkmenistan: the Policy of Strengthening Cooperation.....	63
---	-----------

Elena G. Garbuzarova

Language Policy of Ukraine: Major Results.....	73
---	-----------

Elena A. Markova

Visualization of Modern Political Space: Research Priorities.....	84
--	-----------

Marat G. Gogvadze

Importance of Afghanistan for Regional Security in South and East Asia.....	94
--	-----------

Oleg E. Grishin, Nasratullah Rawan

HISTORY AND RELIGION

The future of Russia and Ukraine in the representations of russian intelligents of the civil war (on small-publications in crimean newspapers 1919–1920 years).....	104
--	------------

Sergey B. Filimonov

Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

Аннотация: 2020 год открыл новую страницу в развитии стран постсоветского пространства. Эпидемия коронавируса, которая началась в китайском городе Ухань, распространилась на все страны мира, в том числе, на страны постсоветского пространства. Ее влияние уже сказалось на социально-экономическом развитии стран постсоветского пространства. Закрытие границ, остановка туризма, введение жестких ограничений на транспортное сообщение стали первыми мерами, которые позволили снизить уровень заболевших. В тоже время, эти меры сказались на двусторонних и многосторонних торгово-экономических отношениях между странами постсоветского пространства.

Все страны постсоветского пространства предприняли шаги, направленные на выделение дополнительных средств для борьбы с коронавирусом. Были сформированы специальные фонды, начался пересмотр бюджетных расходов и доходов. Однако уже в первые месяцы страны столкнулись с экономическими проблемами, преодоление которых потребует значительного времени.

Эпидемия коронавируса происходит на фоне кризисных явлений в мировой экономике и резком падении цен на нефть. Экономические модели развития, основанные на наращивании потребления без роста экономики, повышении уровня внешнего и внутреннего долга показали свою несостоятельность. В этих условиях, страны постсоветского пространства, которые находятся в сильной зависимости от внешнего фактора, также испытывают значительные экономические трудности.

Наконец, сильное влияние оказывает ценовая «война» на нефтяном рынке. Попытки США и Саудовской Аравии добиться доминирования на нефтяном рынке, в том числе, за счет вытеснения с него России, оказали дестабилизирующее влияние на мировой рынок нефти. Этот фактор оказал прямое влияние на те страны постсоветского пространства, которые добывают и экспортируют углеводородные ресурсы.

В целом, эпидемия коронавируса, которая происходит на фоне проблем в мировой экономике и нефтяного соперничества, окажет негативное влияние на экономическое и политическое развитие стран постсоветского пространства. Влияние эпидемии, ее последствия, будут ощущаться в странах постсоветского пространства еще долгие годы.

Ключевые слова: коронавирус, постсоветское пространство, нефть, мировая политика, мировая экономика

Для цитирования: Жильцов С. С. Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):8-17. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-8-17>

Статья поступила 19.03.2020

Принята в печать 21.03.2020

Опубликована 24.03.2020

Coronavirus hits former-Soviet countries

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
sszhiltsov@mail.ru

Abstract: The year of 2020 started a new chapter in the development of former-Soviet countries. The coronavirus epidemic, which began in the Chinese city of Wuhan, has spread to affect all countries throughout the world, including the countries of the former Soviet Union. Its influence has already affected the economic and social development of the countries in the post-Soviet space. Closing borders, stopping tourism, and imposing severe restrictions on transport services were the first measures that contributed to reducing the incidence rates. At the same time, these measures affected bilateral and multilateral trade and economic relations among the countries of the post-Soviet space.

All countries of the post-Soviet space have taken steps to allocate additional funds to combat coronavirus. Ad hoc funds were formed, the review of budget expenditures and revenues began. However, in fact in the first few months the countries faced economic distress, the overcoming of which could take considerable time.

The coronavirus epidemic is taking place against the backdrop of global economic crisis and a sharp drop in oil prices. Economic development models based on increasing consumption without economic growth, increasing the level of external and internal debt have shown their insolvency. In these conditions, the countries of the post-Soviet space, which are highly dependent on the external factor, have also experienced significant economic hardships.

Finally, the «price warfare» in the oil market has a strong influence. The United States and Saudi Arabia's attempts to achieve dominance in the oil market, by displacing Russia from it, as well, have had a destabilizing impact on the world oil market. This factor has had a direct impact on those former-Soviet countries that produce and export hydrocarbon resources.

In general, the coronavirus epidemic, taking place against the backdrop of global economic challenges and oil competition, will have a negative impact on the economic and political development of former-Soviet countries. The impact of the epidemic, its consequences, will affect the former-Soviet countries for many years to come.

Keywords: coronavirus, post-Soviet space, oil, world politics, world economy

For citation: Zhiltsov S. S. Coronavirus hits former-Soviet countries. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):8-17. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-8-17>

Received 19.03.2020

Revised 21.03.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия коронавируса уже оказала огромное влияние на мировую экономику и мировую политику. Страны постсоветского пространства не стали исключением, также столкнувшись с комплексом проблем. Они уже оказывают негативное влияние на их социально-экономическое и политическое развитие. Пандемия коронавируса дополнилась кардинальными изменениями в мировой экономике и падением цен на нефть. Эти факторы способны отбросить назад экономики стран постсоветского пространства, одновременно кардинально изменив их внутрисоциальное развитие, скорректировать внешнеполитические приоритеты.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Столкнувшись с пандемией коронавируса страны постсоветского пространства были вынуждены действовать в режиме реагирования. Среди мер, которые были приняты можно выделить закрытие границ, введение режима чрезвычайного положения, резкое ограничение перемещений населения внутри каждой из стран.

В Казахстане был разработан антикризисный пакет мер, направленный на поддержание экономики. Так, 16 марта 2020 года президент Казахстана подписал Указ «О дальнейших мерах по стабилизации экономики» [1]. Согласно документу, «правительство имеет право устанавливать предельные тарифы и цены на продовольствие и другие товары...». Поддержка экономики оценивалась в 10 млрд. долларов. Чуть менее половины бюджета Казахстана фор-

мируется за счет поступлений из нефтяной отрасли. При том у Казахстана в бюджет на 2020 год была заложена цена за нефть в размере 57 долларов за баррель [2]. Соответственно, даже при цене нефти в 35-40 долларов за баррель бюджет страны недополучит несколько миллиардов долларов. Цена в 20-25 долларов за баррель наносит сильнейший удар по бюджету Казахстана. За первые два месяца текущего года, когда страны жили в условиях коронавируса привели к тому, что Казахстан потерял около 1 млрд. долларов [3].

Схожие программы противодействия пандемии были разработаны в других странах постсоветского пространства. В Узбекистане она оценивается в 1 млрд. долларов. В феврале была образована специальная республиканская комиссия во главе с премьер-министром, на которого возложена задача по противодействию пандемии коронавируса. Хотя уже в первые месяцы текущего года, ожидалось, что в Узбекистане из-за падения цена на энергоносители могут сократиться поступления от экспорта газа, а девальвация национальной валюты уменьшит платежеспособный спрос на текстиль, сельскую продукцию.

Грузия опубликовала план стимулирования туристического сектора в размере около 290 млн. долларов. Азербайджан готов потратить до 600 млн. долларов на меры, которые должны смягчить экономические последствия коронавируса. Киргизия стала страной, которой МВФ выделил на борьбу с коронавирусом 120 млн. долларов.

В экономической сфере ситуация уже не внушает оптимизма. Во всех странах постсоветского пространства произошла девальвация национальных валют. В целом, в конце года следует ожидать рост инфляции, которая превысит 10%, а ВВП могут уйти в «минус».

Страны намерены пересмотреть бюджеты на текущий год, увеличив их дефицитную часть, сформировать различные фонды. Практически все страны уже столкнулись с девальвацией курса национальных валют, что также сказалось на социально-экономической ситуации. Растут ожидания увеличения безработицы. При этом в странах отсутствуют четкие представления относительно экономической политики, которая позволила бы преодолеть последствия пандемии. Есть лишь предварительные оценки, что остановка работы предприятий, прекращение туризма, снижение грузопотоков и другие ограничения, вводимые каждым из стран мира, ухудшат положение государств, а негативные последствия будут сказываться на протяжении длительного времени.

Коронавирус и ценовая война за нефть оказали сильное влияние на мировую экономику. Однако в отличие от развитых стран государства постсоветского пространства не обладают значительными финансовыми ресурсами и экономическим потенциалом, который бы позволил с минимальными потерями пройти сложный период.

В каждой из стран постсоветского пространства значительная часть населения не имеет финансовых накоплений и живет от зарплаты до зарплаты. В этих условиях, чтобы сохранить социально-политическую стабильность государство будет вынуждено выделять дополнительные средства для поддержки населения, что негативно повлияет на другие сектора экономики. Более того, в случае продолжения эпидемии

коронавируса власти будут вынуждены идти на радикальные меры и антикризисные меры требуют значительных финансовых средств.

Часть стран постсоветского пространства рассчитывает решить свои проблемы за счет внешнего финансирования. На Украине рассматривают различные варианты получения дополнительных средств у МВФ и проведение реструктуризации внешнего долга. Очевидно, что подобные меры позволят решить тактические задачи, однако еще больше усилят зависимость от западных стран.

НЕФТЯНОЙ ШОК

Пандемия и нефтяная «война» уже скасалась на странах, которые добывают углеводородные ресурсы. Как известно, 6 марта 2020 года страны Организации стран экспортеров нефти (ОПЕК) и России не удалось договориться о продлении сделки по сокращению добычи нефти. Провал переговоров России со странами, входящими в ОПЕК, привели к началу сложной игры каждой из сторон. Цены на нефть сначала снизились на треть. Так, 9 марта 2020 года мировые цены на нефть снизились с 50 долларов до 32,6 долларов за баррель [4].

Свою энергетическую игру вели США. За счет падения цены на нефть они рассчитывали потеснить на рынке Россию и развивать собственную добычу сланцевой нефти. Хотя, как отмечал президент американской торговой палаты в России Алексис Родзянко, развал сделки ОПЕК+ может негативно повлиять на сферу добычу сланцевой нефти в США [5].

Вряд ли все участники ожидали такого сильного падения, которое по времени совпало с пандемией коронавируса. В компании Goldman Sachs считали, что как и в случае с атипичной пневмонией в 2003 году,

это повлечет падение глобального спроса на нефть на 260 тыс. баррелей в сутки в 2020 году из-за снижения потребности в авиатопливе [6]. Однако, падение спроса оказалось гораздо сильнее.

Данная ситуация затрагивает интересы страны постсоветского пространства, которые завязаны на нефти. Так, Россия, Казахстан, Азербайджан сформировали свои бюджеты, когда цены на углеводородные ресурсы находились на достаточно высоком уровне.

Пандемия коронавируса привела к снижению экономической активности. Следствием этого стало уменьшение потребления энергоресурсов. Новые прогнозы говорят о снижении потребления углеводородных ресурсов в Европе и Китае. Последний выступает одним из основных потребителей газа, добываемого в странах Центральной Азии. Ежегодные поставки из региона до последнего времени составляли порядка 50 млрд. кубометров газа в год. Снижение потребления газа в Китае, зафиксированное в начале 2020 года, по всей видимости приведет к пересмотру Пекином своей энергетической политики.

В тоже время, и Китай испытывает сильное влияние падения цен на нефть и пандемию коронавируса. Борьба с коронавирусом уже стоила Китаю потери в экономике. В январе–феврале 2020 года основные макроэкономические показатели снизились на 13-25%. При этом промышленное производство уменьшилось на 13,5%, а розничные продажи упали на 20,5% [7]. В январе 2020 года было подсчитано, что борьба с последствиями эпидемии коронавируса могут стоить Китаю до 1% ВВП [8]. В целом, как отмечал заместитель директора ИМЭМО им. Е.М. Примакова Александр Ломанов, «бесспорно, что эпидемия затормозит экономическое развитие» [9].

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР

Ситуация в мировой энергетике и коронавирусу, сказались на энергетической политике Китая. Для стран Центральной Азии Пекин является одним из основных потребителей углеводородных ресурсов. Соответственно, уже в первые месяцы 2020 года зафиксировано снижение поставок газа из стран Центральной Азии в Китай. В феврале текущего года спрос на природный газ в Китае упал на 17% [10].

При этом страны Центральной Азии обеспечивают примерно такой объем поставок в Китай — около 50 млрд. м³ газа в год из трех стран — Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. 5 марта агентство Reuters сообщило, что PetroChina приостановила импорт природного газа, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства [11]. Это подтвердил министр энергетики Казахстана Нурлан Ногаев, который сообщил, что страна сократила экспорт газа в Китай на 20-25% [12].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Пандемия коронавируса окажет влияние на политические процессы практически в каждом из государств. Девальвация национальной валюты, рост цен на продукты питания и товары, сокращение социальных расходов скажутся на электоральных настроениях. Между тем, уже в ближайшее время выборы должны пройти в ряде стран постсоветского пространства. В этих условиях действующим в каждом из государств властям будет сложно получить поддержку населения.

В тоже время, оппозиция может использовать данные процессы для усиления своих позиций. В итоге, в ряде стран постсоветского пространства, можно ожидать обострение политического соперничества. Особенно, если пандемия коронавируса за-

тянется и власти не смогут снизить ее негативное влияние.

Экономические проблемы могут повысить заинтересованность элит постсоветского пространства в усилении своей власти. Примечательно, что в Киргизии «неожиданно» выступили с инициативой вновь вернуться к вопросу об изменении формы правления. Был внесен законопроект «О назначении референдума по определению государственного устройства Кыргызской Республики (всенародного голосования)». Он предлагает провести референдум, на котором вынести вопрос о форме правления: парламентской или президентской.

Сложности в социально-экономической сфере могут инициировать новые дискуссии о внешнеполитических приоритетах. До последнего времени ориентация на западных или восточный внешнеполитический вектор обосновывалась, прежде всего, экономическими выгодами. Несмотря на более чем скромные результаты, страны постсоветского пространства последовательно придерживались курса на интеграцию в мировую экономику. Однако эпидемия коронавируса, а также проблемы в мировой экономике, которые еще больше сузят возможности для государств постсоветского пространства, могут усилить их заинтересованность в расширении взаимодействия друг с другом. Особенно в случае резкого обнищания населения и нарастания социально-экономических проблем.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МИРА

В периоды кризисных событий возрастает запрос на объяснение происходящих изменений. Специалисты по международным отношениям укажут на изменения в отношениях между государствами, экономисты — на проблемы в действующей модели, а эксперты по теориям заговора — на роль углеводородных ресурсов. Неслучайно, эти

специалисты утверждают, что именно запах нефти и природного газа ведет Америку к региональным конфликтам [13]. В тоже время очень часто оказывается, что за различными конспирологическими теориями стоят экономические интересы компаний, политических групп или государств. Например, атаки на башни-близнецы Международного торгового центра 11 сентября 2001 года были вызваны не только планами террористов, но и ситуацией на финансовом рынке и в частности, банкротством Enron Corporation и финансовым крахом Аргентины. Эти и другие аналогичные события как правило вызваны экономическими проблемами, которые не удавалось решить законными способами или хотелось их скрыть за масштабными и эффектным событиями, отвлекающими внимание.

В начале марта 2020 года была опубликована статья Уильяма Энгдала «Приставной шаг — это не футуристический сценарий: паника и постпандемическое будущее?» [14]. Свою публикацию он основывал на документе «Сценарии для будущего технологии и международного развития» («Scenarios for the Future of Technology and International Development»). Он был опубликован десять лет назад, 2010 г., Фондом Рокфеллера. По словам исследователя, для современных событий был подготовлен сценарий «Пандемическая паника». Документ описывал один из вариантов оказания влияния на все стороны общественной жизни, в том числе: влияние пандемии на экономику, борьбу против Китая.

Очевидно, что беспрецедентные меры, принимаемые всеми странами в первом квартале 2020 года, ведут к ограничению прав и свобод. Подобные технологии управления государством и решении экономических проблем могут быть востребованы в будущем. Для постсоветского пространства это еще более актуально в условиях

неэффективной модели экономики. Борьба за ресурсы, оставшиеся после распада СССР, в последнее десятилетие усилилась. В каждом из государств элиты ведут непримиримую борьбу. В это соперничество активно включены ведущие страны, которые за счет постсоветского пространства стремились хоть как-то поправить свое экономическое положение и решить внутривнутриполитические задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия коронавируса, мировые цены на нефть и проблемы в мировой экономике станут основными факторами, которые будут определять последующую ситуацию в странах постсоветского пространства. Вопрос заключается в том, насколько сильным будет влияние этих факторов, которые способны кардинально изменить внутривнутриполитический ландшафт и скорректировать их внешнеполитический вектор.

Нефтяной фактор уже не раз вмешивался в ход мировой политики. Так, нехватка нефти вкупе с эпидемией гриппа 1918 года вывела германскую военную машину из строя [15]. Через сто лет история повторяется. Страны ведут беспощадную войну за нефть, соперничают за рынки, используя для этого все доступные средства. Нынешнее ценовое сражение является наиболее острым по той причине, что сопровождается эпидемией коронавируса, которая может нанести сокрушительный удар по мировой экономике. Кроме этого, современные события могут кардинально изменить расстановку сил в мире, усилив позиции одних и ослабив возможности других.

Для стран постсоветского пространства коронавирус будет иметь серьезные последствия. Прежде всего, стоит ожидать падения ВВП. Кроме того, значительные ресурсы страны будут вынуждены тратить на социальные выплаты и поддержание

социально-политической стабильности. Значительные группы населения в странах постсоветского пространства не имеют накоплений, которые бы им позволили длительное время не покупать лекарства, продовольствие. Тем более, что в каждой из стран возможен значительный рост безработицы.

В первом полугодии 2020 года прямые и значительные потери понесут авиационные компании. Они потянут за собой авиационную отрасль в целом и смежные производства. Корона вирус затронет фирмы, занятые в туризме. Это гостиничный бизнес, кафе и рестораны. Во втором «эшелоне» будут находиться торговые и развлекательные центры, для которых даже реструктуризация кредитов не улучшит положение.

Конечно, будут и другие сектора экономики, которые пострадают как напрямую, так и из-за низкого платежного спроса, который не сможет восстановиться в сжатые сроки. Это сектор услуг, банковский сектор, строительство и недвижимость.

В выигрышной ситуации после эпидемии окажутся страны, которые смогут поддерживать внутренний спрос, не допустят резкого сжатия отдельных сегментов экономики. Стратегия поддержания спроса и политика сохранения занятости позволит сохранить позиции внутри страны и в мировой экономике.

В долгосрочной перспективе негативные влияния девальвации национальных валют могут проявиться в полной мере: снижение объема внутренних инвестиций и практически полное прекращение притока зарубежных инвестиций создадут мощное препятствие для возобновления роста экономики [16].

США, европейские страны, Китай и другие внерегиональные государства на протяжении нескольких десятилетий оказывали

на страны постсоветского пространства сильное влияние. В условиях нового экономического кризиса, который уже привел к падению основных макроэкономических показателей, страны постсоветского пространства окажутся в фокусе повышенного внимания. За их счет многие государства попытаются решить свои экономические и политические проблемы.

В свою очередь, элиты стран постсоветского пространства будут вынуждены искать пути решения внутренних политических и экономических проблем. Часть стран стремится получить внешнюю помощь, которая предоставляется в обмен на дальнейшие уступки.

Однако в целом, элиты будут вынуждены искать внутренние резервы, которые усилят внутриполитическую борьбу и стремление контролировать оставшиеся ресурсы. К этому страны будут подталкивать такие

факторы, как неразвитость политических систем, доминирование авторитарных тенденций, отсутствие опыта смены власти. Кроме того, дискуссии элит идут в основном относительно направлений внешнеполитического курса, а не вокруг решения политических и экономических проблем.

Большое влияние на ситуацию будет оказывать Россия, которая по-прежнему выступает доминирующим фактором в экономическом развитии стран постсоветского пространства. Для Москвы ситуация с коронавирусом несет как определенные вызовы, так и дает определенные возможности кардинально укрепить свои позиции. По крайней мере, если не в мировом масштабе, то хотя бы в рамках постсоветского пространства (без Прибалтики). Тем более, что всех редакциях концепции внешней политики России постсоветскому пространству уделяется особое внимание.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента Республики Казахстан «О дальнейших мерах по стабилизации экономики». 2020. 16 марта. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-dalneishih-merah-po-stabilizacii-ekonomiki (дата обращения: 16.03.2020)
2. Васильев Е. Обвал цен на нефть: Казахстан пересмотрит бюджетные расходы, Россия откупорит кубышку. 2020. 9 марта. URL: <https://ia-centr.ru/experts/egor-vasilev/obval-tsen-na-neft-kazakhstan-peresmotrit-byudzhetye-raskhody-rossiya-otkuporit-kubyshku/> (дата обращения: 14.03.2020)
3. Никоноров А. Миллиард долларов — потери Казахстана от падения спроса на нефть и медь. 2020. 16 марта. URL: <https://365info.kz/2020/03/milliard-dollarov-poteri-kazahstana-ot-padeniya-sprosa-na-neft-i-med> (дата обращения: 16.03.2020)
4. Кризис по-центральноазиатски: Китай и Россия, нефть. 2020. 10 марта. URL: <https://caa-network.org/archives/19346> (дата обращения: 12.03.2020)
5. Башкатова А. Нефтяные цены вернулись на 17 лет назад. *Независимая газета*. 2020. 19 марта. С. 1,4.
6. Мишина В., Павловский П. Китайский коронавирус ищут в российских аэропортах. *Коммерсант*. 2020. 23 января. С. 5.
7. Едовина Т. Хуже пока не было. *Коммерсант*. 2020. 17 марта. С. 1
8. Комраков А. Вирус мирового кризиса добрался до России. *Независимая газета*. 2020. 31 января. С. 1,4.
9. Скосырев В. В Китае запретили играть в футбол на стадионах. *Независимая газета*. 2020. 31 января. С. 6.
10. Cocklin J. LNG Recap: China to Offer Tariff Exemptions; Global Gas Outlook Dims

- Further. 2020. February 18. URL: <https://www.naturalgasintel.com/articles/121073-Ing-recap-china-to-offer-tariff-exemptions-global-gas-outlook-dims-further> (дата обращения: 18.03.2020)
11. Aizhu Ch., Jaganathan J. Petro China suspends some gas contracts as coronavirus hits demand: sources. 2020. March 5. URL: <https://uk.reuters.com/article/us-petrochina-gas-exclusive/exclusive-chinas-top-gas-importer-petrochina-declares-force-majeure-on-imports-sources-idUKKBN20S10W> (дата обращения: 6.03.2020)
 12. Вааль Т. Почти на четверть сократил Казахстан экспорт газа в Китай. 2020. 11 марта. URL: <https://vlast.kz/novosti/37629-pocti-na-cetvert-sokratil-kazahstan-eksport-gaza-v-kitaj.html> (дата обращения: 12.03.2020)
 13. Бернетт Т., Геймз А. Кто на самом деле правит миром? Война между глобализацией и демократией. Санкт-Петербург: Диля; 2007. С. 9.
 14. Engdahl F.W. Lock S. This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future? 2020. March 10. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972> (дата обращения: 10.03.2020)
 15. Кунстлер Дж. Что нас ждет, когда закончится нефть, изменится климат и разразятся другие катастрофы XXI века. Санкт-Петербург: Питер; 2011. С. 52.
 16. Погребняк Е. ЕАЭС: испытание коронавирусом и экономическим кризисом. 2020. 18 марта. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-03-17--eaes-ispytanie-koronavirusom-i-ekonomicheskimi-krizisom-47997> (дата обращения: 18.03.2020)

REFERENCES:

1. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan «On further measures to stabilize the economy». 2020. March, 16. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-dal-neishih-merah-po-stabilizacii-ekonomiki [Accessed: 16.03.2020] (In Russ.)
2. Vasiliev E. Oil price collapse: Kazakhstan will review budget expenditures, Russia will uncork the egg-pot. 2020. March 9. URL: <https://ia-centr.ru/experts/egor-vasilev/obval-tsen-na-neft-kazahstan-peresmotrit-byudzhetye-raskhody-rossiya-otkuponit-kubyshku/> [Accessed: 14.03.2020] (In Russ.)
3. Nikonorov A. Billion dollars - Kazakhstan's losses from oil and copper slumping demand. 2020. March, 16. URL: <https://365info.kz/2020/03/milliard-dollarov-poteri-kazhstana-ot-padeniya-sprosa-na-neft-i-med> [Accessed: 16.03.2020] (In Russ.)
4. Crisis on Central Asian Scenarios: China and Russia, oil. 2020. March, 10. URL: <https://caa-network.org/archives/19346> [Accessed: 12.03.2020] (In Russ.)
5. Bashkatova A. Oil prices return to 17 years back. *Nezavisimaya Gazeta*. 2020. March, 19. p. 1,4. (In Russ.)
6. Mishina V., Pavlovsky P. Chinese coronavirus searched at Russian airports. *Kommersant*. 2020. January, 23. p. 5. (In Russ.)
7. Yedovina T. Worst-on-worst so far. *Kommersant*. 2020. March, 17. p.1. (In Russ.)
8. Komrakov A. The global crisis virus reaches Russia. *Nezavisimaya Gazeta*. 2020. January, 31. p. 1.4. (In Russ.)
9. Skosyrev V. China bans playing football at stadiums. *Nezavisimaya Gazeta*. 2020. January, 31. p. 6. (In Russ.)
10. Cocklin J. LNG Recap: China to Offer Tariff Exemptions; Global Gas Outlook Dims Further. 2020. February 18. URL: <https://www.naturalgasintel.com/articles/121073-Ing-recap-china-to-offer-tariff-exemptions-global-gas-outlook-dims-further>

- [to-offer-tariff-exemptions-global-gas-outlook-dims-further](#) [Accessed: 18.03.2020]
11. Aizhu Ch., Jaganathan J. Petro China suspends some gas contracts as coronavirus hits demand: sources. 2020. March 5. URL: <https://uk.reuters.com/article/us-petrochina-gas-exclusive/exclusive-chinas-top-gas-importer-petrochina-declares-force-majeure-on-imports-sources-idUKKBN20S10W> [Accessed: 6.03.2020]
 12. Vaal T. Kazakhstan reduces gas export to China by almost a quarter. 2020. March 11. URL: <https://vlast.kz/novosti/37629-poeti-na-cetvert-sokratil-kazahstan-eksport-gaza-v-kitaj.html> [Accessed: 12.03.2020] (In Russ.)
 13. Burnett T., Cames A. Who really Runs the World? War between globalization and democracy. Saint Petersburg: Dilya; 2007. p. 9. (In Russ.)
 14. Engdahl F.W. Lock S., This Is No Futuristic Scenario: Panic and the Post-Pandemic Future? 2020. March 10. URL: <https://www.globalresearch.ca/lock-step-no-futuristic-scenario/5705972> [Accessed: 10.03.2020]
 15. Kunstler Dzh. What to await when oil to run out, climate to change and other catastrophes of the 21st century to erupt. Saint Petersburg: Peter; 2011. p. 52 (In Russ.)
 16. Pogrebnyak Y. EAEU: challenge coronavirus and economic crisis. 2020. March 18. URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2020-03-17--eas-ispitanie-koronavirusom-i-ekonomicheskim-krisisom-47997> [Accessed: 18.03.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
sszhiltsov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
sszhiltsov@mail.ru

Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве

Владимир А. Пономарев

Министерство иностранных дел России, Москва, Россия,

vaponomarev2017@mail.ru

Аннотация: после распада СССР политика «продвижения демократии» использовалась Вашингтоном для расширения американского влияния на постсоветском пространстве и геополитического противодействия России.

В свете военной кампании в Сирии, эскалации вокруг Ирана, КНДР, Венесуэлы значимость постсоветского пространства для внешнеполитических интересов США снизилась, о чем свидетельствует сокращение американской помощи государствам региона. Одновременно Вашингтон не скрывает своей заинтересованности в сохранении у власти контролируемых и лояльных элит, которое будет обеспечивать проведение нужных реформ и реализацию выгодных бизнес-проектов, в частности, закупку американской продукции военного назначения и сжиженного газа. Особая цель Вашингтона — противодействие влиянию России в регионе, укреплению сотрудничества Москвы с постсоветскими республиками, отрыв последних от России и их переориентация на интересы и ценности «коллективного Запада».

Ключевые слова: продвижение демократии, постсоветское пространство, Агентство США по международному развитию, Д. Трамп

Для цитирования: Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):18-28. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>

Статья поступила 18.02.2020

Принята в печать 03.03.2020

Опубликована 24.03.2020

The U.S. Policy of Democracy Promotion in the Post-Soviet Space

Vladimir A. Ponomarev

Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia,

vaponomarev2017@mail.ru

Abstract: After the collapse of the USSR, U.S. Administrations exploited the policy of «democracy promotion» to expand American influence in the post-Soviet space and to counterbalance Russia.

In the light of the military campaign in Syria, the escalation around Iran, North Korea and Venezuela, the importance of the post-Soviet space for the US foreign policy has declined, U.S. aid to the region was cut.

However, the Trump Administration maintains interest in keeping loyal elites in power to ensure the implementation of reforms and business projects, in particular, with a view to export U.S. military equipment and liquefied natural gas. The U.S. primary goal is to counteract Russian influence in the region, to prevent post-Soviet republics from building stronger ties with Moscow and reorient them towards the «collective West».

Keywords: democracy promotion, post-Soviet space, USAID, Donald Trump

For citation: Ponomarev V. A. The U.S. Policy of Democracy Promotion in the Post-Soviet Space. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):18-28. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>

Received 18.02.2020

Revised 03.03.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

Концепция «продвижения демократии» на протяжении последних десятилетий является одним из ключевых инструментов США, служащих обеспечению американских внешнеполитических интересов и поддержанию статуса мирового лидера. В различных регионах мира она принимает многообразные формы — от радикальных шагов по смене «режимов» до финансовой поддержки гражданского общества и сугубо косметических «рекомендаций» по проведению «открытых и честных» выборов.

После распада СССР политика «продвижения демократии» превратилась в стратегию расширения американского влияния и геополитического противодействия России, инструмент переориентации руководства и населения стран бывшего СССР на США и разрыв связей с Россией.

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

По данной проблематике опубликовано определенное количество работ. Научные статьи: Е. Б. Анашкиной «Роль постсоветского пространства во внешней политике

США» в журнале ИСКРАН «США и Канада: экономика, политика, культура» (2015), В. Батюка и Н. А. Дьяковой «Военная политика США на постсоветском пространстве» в журнале ИМЭМО РАН «Россия и новые государства Евразии» (2009), С. С. Жильцова, Е. Г. Ильиновой «Политика США в отношении Украины (1991–2012)» в Вестнике Российского университета дружбы народов (2014), A. Deus Vult Gomez «John L. O'Sullivan, Manifest Destiny, and American Democratic Messianism» в *Chicago Journals* (2012). Диссертации: Г. С. Минасяна «Политика США на пространстве СНГ» (2008), С. А. Цатуряна «Ненасильственное сопротивление как технология смены режимов во внешней политике США2 (2000–2014 гг.)» (2015), М. А. Бочанова «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве» (2011), А. А. Давыдов ««Продвижение демократии» во внешней политике США в начале XXI века» (2019). Книги: Г. Киссинджера «Дипломатия» (1997) и «Мировой порядок» (2015), P. Burnell *Democracy Assistance: International Co-operation for Democratization*. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2013; T. Carothers *Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ АКТОРОВ В «ПРОДВИЖЕНИИ ДЕМОКРАТИИ»

«Продвижение демократии» находится в списке приоритетов ключевых внешнеполитических институтов США, прежде всего Государственного департамента и Агентства по международному развитию (АМР) [1]. Акцент делается на поддержке, в том числе финансовой, общественных объединений, НПО, политических

партий, обеспечении защиты прав человека, верховенства закона, прозрачности и подотчетности политических институтов и избирательных процессов, проведении экономических реформ, организации студенческих обменов и стажировок и т.д. [2].

В рамках Госдепартамента США программы в области «продвижения демократии» курируют заместитель Госсекретаря по делам гражданской безопасности, демократии и правам человека [3] и созданное в 1994 г. Управление по делам демократии, правам человека и трудовым отношениям [3]. Они координируют работу в области «продвижения демократии» в конкретных странах и регионах, участвуют в подготовке ежегодных докладов Госдепартамента «О состоянии с правами человека в отдельных странах» и «О поддержке США демократии и защите прав человека», в которых дается отчет об основных направлениях деятельности Вашингтона в данной сфере [1].

Ряд других подразделений Госдепартамента также вовлечены в «продвижение демократии». Так, Отдел по международной борьбе с наркотиками и правоохранительной деятельности стремится оказывать другим странам поддержку в области антикоррупционной борьбы, реформы правоохранительных и судебных органов, укреплении верховенства закона и прав человека, активно при этом взаимодействуя с местными госструктурами. Управление Госдепартамента по вопросам образования и культуры курирует различные программы обменов, которые часто имеют элементы «продвижения демократии».

Ведущую роль в разработке и реализации американской политики США в области «демократизации» играет подведомственное Госдепартаменту Агентство США по международному развитию [4]. Основными задачами АМР являются укрепление

верховенства закона и соблюдение прав человека; поддержка подлинных, конкурентных политических процессов и выборов; ускорение развития политически активного гражданского общества; содействие становлению подотчетных населению правительственных структур; формирование благоприятного для США политического и социально-экономического климата в зарубежных странах [5]. Более конкретные задачи Агентства излагаются в разрабатываемых совместно с Госдепартаментом стратегических планах (Стратегический план на 2004–2009 фин. гг. [6], Стратегический план на 2010–2012 фин. гг. [7], Стратегический план на 2014–2017 фин. гг. [8], Стратегический план на 2018–2022 фин. гг. [9]). При этом работа в данной области осуществляется в тесной координации с министерствами обороны, финансов, сельского хозяйства, энергетики, экологии, юстиции, торговли и здравоохранения [9].

Для каждой страны АМР отдельно разрабатывает стратегию «продвижения демократии», программы помощи в области здравоохранения, образования, экономики и других направлениях. Для их реализации активно используются неправительственные организации, лояльные США общественно-политические силы и СМИ.

Среди американских НПО, известных своей деятельностью в области «продвижения демократии», особое место занимают Национальный фонд в поддержку демократии [1], Американский институт предпринимательства, Центр стратегических и международных исследований, Фонды «Открытое Общество» [10], Институт «Открытое общество» — Фонд содействия [10], Национальный демократический институт международных отношений, Международный республиканский институт [11], Корпорация «Вызов тысячелетия» и др.

ПОДХОДЫ США К «ПРОДВИЖЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Распад СССР послужил катализатором для дробления постсоветского пространства и активизации США на ниве «демократизаторства» бывших советских республик, испытывавших трудности в сфере управления, борьбы с коррупцией, урегулирования межэтнических и межнациональных противоречий. Многие американские политики не скрывали, что рассматривали регион не столько как объект «демократического транзита» и продвижения американских интересов, сколько в проекции на продолжение политического и идеологического противостояния США с Россией.

В 1992 г. американский Конгресс принял «Закон о свободе для России и зарождающихся евроазиатских демократий и поддержке свободных рынков» [12], основной задачей которого было заявлено оказание содействия странам на пространстве СНГ в «переходе к демократии и рыночной экономике». В рамках закона на развитие демократии в регионе ежегодно выделялось 2 млрд долл.

С учетом активизации политики Вашингтона на данном направлении в апреле 1993 г. в Госдепартаменте была введена новая должность специального советника Госсекретаря по постсоветским странам, посла по особым поручениям, которую занял С. Тэлботт.

Администрация Б. Клинтона ключевым приоритетом на постсоветском пространстве видела развитие демократических институтов и гражданского общества [13]. Более 70 тысяч граждан из бывших советских республик посетило США в рамках культурных и образовательных программ. Такие программы, по мнению Госдепартамента, должны были способствовать формированию более демократического,

ориентированного на западные ценности мышления. Акцент делался в первую очередь на молодежь [14].

С 1993 по 2000 гг. правительство США помогло многим бывшим республикам СССР создать инфраструктуру для проведения «свободных и справедливых выборов». Помощь в этой области осуществлялась главным образом через АМР и его грантополучателей [15]. Наряду с этим с подачи США Международный фонд избирательных систем предоставлял техническую помощь центральным избирательным комиссиям. Национальный демократический институт и Международный республиканский университет организовали специальные курсы по обучению западным стандартам в области избирательных процессов. Если в начале 1990-х гг., по мнению американских политологов, в республиках не существовало гражданского общества, то к 2000 гг. в них действовали тысячи неправительственных организаций, около 15 процентов из них получали помощь от АМР.

В рамках помощи в области реформирования экономики США способствовали передаче активов стран бывшего СССР в частный сектор. Если в 1989 г. только 5% ВВП производилось частным сектором, то к началу 2000 г. этот показатель составил 60%. С 1992 по 2000 гг. на поддержку рыночных реформ в постсоветских странах было выделено 3,8 млрд долл. Финансирование выделялось на образовательные курсы, небольшие кредиты, консультативные услуги. Приоритетное внимание уделялось развитию малого бизнеса, формированию среднего класса.

При Дж. Буше-младшем ставка была сделана на возвращение оппозиции и организацию «цветных» революций через расшатывание политических систем [16]. В 2003 г. при непосредственном участии США была организована «революция роз» в Грузии,

в 2005 г. — «тюльпановая революция» в Киргизии. В 2002–2004 гг. украинской оппозиции было выделено около 65 млн долл., Киргизии — свыше 70 млн долл. Другим бывшим республикам СССР (Казахстана, Азербайджана, Армении) давались настоятельные «рекомендации» по проведению свободных и демократических выборов, защите права на свободу собраний и др. В этот период в Конгрессе была создана специальная комиссия, которая стала следить за развитием демократического процесса в мире и готовить правительствам разных стран рекомендации.

При Администрации Б. Обамы значительно возросла организационная и финансовая поддержка профильных НПО, увеличилось количество программ образовательных и культурных обменов [17, 18, 19].

Заложенные при предыдущих администрациях концептуальные основы «продвижения демократии» сохранили актуальность и при Администрации Д. Трампа. С одной стороны, будучи республиканцем, президент США продолжает «астробину» внешнюю политику его партии, характеризующуюся напористостью, агрессивностью и безапелляционности в отстаивании интересов национальной безопасности. Активность США на постсоветском пространстве свидетельствуют о сохранении нацеленности Д. Трампа на распространение американского доминирования под предлогом защиты свобод и демократии. Государства бывшего СССР, по сути, ставятся Вашингтоном перед выбором между «свободным демократическим миром» во главе с США и противостоящим ему «авторитарным блоком» «ревизионистских» держав, стремящихся обрушить «либеральный миропорядок».

Одновременно, будучи бизнесменом, Д. Трамп выстраивает внешнеполитическую линию по лекалам бизнес-модели,

руководствуясь критериями «добавленной стоимости», прежде всего, экономической. В этом смысле он придерживается более прагматичного подхода, полагая, что финансирование «продвижения демократии» должно оправдываться конкретными результатами для национальных интересов США и не вести к росту антиамериканских настроений в других странах, что, разумеется, будет влиять и на его внутривнутриполитический рейтинг.

В свете военной кампании в Сирии, эскалации вокруг Ирана, КНДР, Венесуэлы значимость постсоветского региона для внешнеполитических интересов США снизилась. Администрация Д.Трампа урезала помощь Украине с 667 млн долл. в 2016 г. до 204 млн долл. в 2018 г., Грузии — с 81 млн до 34 млн долл., Белоруссии — с 7,9 млн долл. до 0. После публикации содержания телефонного разговора Д. Трампа с президентом Украины В. Зеленским в июле 2020 года президент США дал указание об урезании военной помощи Киеву в размере 250 млн долл.

Тем не менее, посольства США и представительства АМР продолжают деятельность по закреплению американского влияния на постсоветском пространстве посредством создания подконтрольных институтов гражданского общества, финансирования прозападных НПО, продвижения на политические посты прозападных политиков, реализации программ в области государственного управления и развития [20].

Американские посольства регулярно работают с представителями оппозиционных объединений, отслеживают положение правозащитников, национальных и этнических меньшинств, оказывают давление на власти на предмет обеспечения их прав. При этом в диалоге с руководством республик прибегают к инструментам не только «мягкой», но и «жесткой силы» (завуалирован-

ный шантаж, угрозы санкций и заморозки счетов).

Показательна работа американцев во время выборов, результатом которых нередко становятся массовые беспорядки и обвинения действующих властей в якобы имевших место фальсификациях результатов голосования. При этом незаконные митинги организуются оппозицией «по стандартной тактике» проведения подобных мероприятий и в соответствии с заранее подготовленным планом действий.

Представители США, характеризуя итоги выборов в странах с неустраивающим их правительством, как правило, прикрываются оценками БДИПЧ ОБСЕ, критикуя схожесть программных документов политических партий стран, отсутствие в республиках независимых СМИ и по-настоящему альтернативных кандидатов. Такие оценки давались Вашингтоном по итогам президентских выборов в Казахстане и парламентских выборов в Белоруссии в 2019 г.

Ведущую роль в разработке и реализации американской политики США в области «демократизации» играют Госдепартамент, осуществляющий координацию деятельности и отчетность перед Конгрессом, и подведомственное ему Агентство США по международному развитию. Именно АМР является ключевым исполнительным актором «в поле».

Основными задачами АМР на постсоветском пространстве являются: поддержка становления гражданского общества, расширение участия граждан и НПО в демократических процессах и принятии политических решений; обеспечение эффективного, прозрачного и подотчетного управления на государственном и местном уровнях, децентрализации власти, повышение открытости работы правительств и парламентов, гражданский надзор за их деятельностью, создание инклюзивных ин-

ституты управления; помощь в проведении свободных и справедливых выборов, техническая помощь центральным избирательным комиссиям, улучшение условий для политической конкуренции; снижение коррупции и поддержка антикоррупционных институтов; формирование беспристрастных независимых СМИ, повышение их роли и профессионализма, доступа граждан к надежным источникам информации; стимулирование сотрудничества между гражданским обществом, местными органами власти и частным сектором; борьба с торговлей людьми; наращивание потенциала местных НПО, консолидация правозащитного сообщества; помощь молодежи в получении образования, формирование у нее политических и лидерских навыков [21].

Роль представительств АМР в государствах постсоветского пространства в целом идентична, но имеет свои особенности с учетом значимости страны в шкале приоритетов Вашингтона.

Так, с 1992 года АМР предоставило Украине помощь в размере более 3 млрд долл. [20] (самый высокий показатель на постсоветском пространстве).

Целый ряд инициатив реализуется на Украине в сфере реформирования системы управления. Наиболее масштабными из них являются «Ответственная, подотчетная и демократическая ассамблея» (сроки реализации: 25 ноября 2013 г. — 30 июня 2020 г.), «Политика местного самоуправления Украины» (сроки реализации: 14 декабря 2015 г. — 13 декабря 2020 г.), «Децентрализация, обеспечивающая лучшие результаты и эффективность» (сроки реализации: 8 июня 2016 г. — 7 июня 2021 г.).

При поддержке связанных с Госдепартаментом и АМР Национального демократического института международных отношений, Международного республиканского

института и Международного фонда избирательных систем в апреле 2016 г. запущена четырехлетняя программа «Адаптивная и ответственная политика Украины», которую претворяет в жизнь украинский Консорциум по выборам и укреплению политического процесса. В программе особое внимание уделяется содействию подотчетности и инклюзивности политических партий, учету интересов граждан, улучшению условий для политической конкуренции, повышению роли гражданского общества [22].

В Министерстве обороны и Генштабе ВСУ продолжает работать аппарат американских советников, которые оказывают консультативную помощь в выработке стратегий реагирования на вызовы и угрозы, проведении реформ и внедрении зарубежных стандартов, организации работы с личным составом.

Всеукраинская общественная организация «Гражданская сеть ОПОРА» в сотрудничестве с американскими внешнеполитическими структурами реализует «Программу внутреннего надзора за политическими процессами в Украине» (сроки реализации: 1 января 2014 г. — 31 декабря 2020 г.). Ее цель — улучшить избирательный процесс на Украине и соответствующее законодательство, которые бы соответствовали западным стандартам [22].

В рамках «Программы реформирования сектора юстиции» (сроки реализации: с 1 сентября 2016 г. по 7 февраля 2021 г.) основные усилия направлены на создание независимой, подотчетной, прозрачной и эффективной системы правосудия, которая поддерживает верховенство закона и уполномочена бороться с коррупцией [22].

Под эгидой АМР и Корпуса мира с 1 октября 2018 г. реализуется «Программа поддержки малых проектов», рассчитанная до 30 сентября 2023 г. Она нацелена на реализацию проектов устойчивого развития

в различных областях — в сфере здравоохранения, сельского хозяйства, развития малых предприятий [22].

Реализуемая Украинским Хельсинкским правозащитным союзом при поддержке американцев программа «Права человека в действии» (сроки реализации: 30 сентября 2017 г. — 30 сентября 2022 г.) призвана осуществлять мониторинг нарушений в области прав человека и их защиту, в том числе за счет возбуждения судебных процессов и оказания правовой помощи пострадавшим [22].

Другой проект, реализуемый Американским центром международной трудовой солидарности, «Глобальная программа труда: Украина» (сроки реализации: февраль 2016 — январь 2021 гг.) нацелен на поддержку объединений трудящихся.

С 1 октября 2018 г. на Украине действует американская «Медиапрограмма», направленная на укрепление СМИ. Общий бюджет проекта, рассчитанный на 5 лет, составляет 35 млн долл., из которых не менее 50% включают гранты местным украинским организациям.

В Белоруссии на содействие гражданскому обществу и независимым СМИ, реформирование госуправления и поддержку малого и среднего бизнеса начиная с 2011 г. США выделили более 15 млн долл. Особое внимание уделяется оказанию помощи обездоленным группам населения, таким как сироты и трудные подростки, инвалидам, поддержке организаций гражданского общества, работающих в этой области. По линии АМР с 2006 года более 600 белорусских активистов посетили США и приняли участие в семинарах в области прав человека, развития демократии и гражданского общества [23].

В Казахстане через АМР, «фонд Сорос-Казахстан», «Хьюман райтс уотч»,

«Фридом Хаус» ведется работа с представителями оппозиционных и «независимых» СМИ националистического и либерально-прозападного толка. В области образования примером мягкого идеологического давления является объявленная латинизация казахского алфавита, перевод среднего и высшего образования в стране на западные стандарты, планируемое с 2021 г. введение преподавания естественнонаучных дисциплин в старших классах школ на английском языке (т. н. «принцип трехязычия в образовании»). Действующая около 20 лет программа «Боллашак» по подготовке молодых специалистов ориентирована преимущественно на вузы США, Великобритании и Канады. Молодежная часть политэлиты страны имеет дипломы западных вузов.

США также записывают себе в заслугу расширение доступа граждан и СМИ к судебным процессам, что повысило прозрачность судебных операций и решений. Отдельное направление — институционализация системы социальных закупок и обеспечение финансирования НПО, действующих в этой области [23].

В Армении США фокус усилий — на обеспечение эффективного и прозрачного управления, снижение коррупции и улучшение защиты прав человека. «Фонд территориального развития Армении» при поддержке американского посольства реализует проект «Деятельность по реформированию местного самоуправления» (сроки реализации: август 2015 г. — август 2020 г.), в рамках которого оказывается помощь министерству территориального управления и инфраструктур в области децентрализации [24].

В Азербайджане профильные американские структуры оказывают помощь в расширении участия граждан, прежде всего женщин, в политических процессах и мест-

ном самоуправлении, оказывают поддержку организациям гражданского общества, журналистам и независимым СМИ [24].

В Таджикистане приоритетами являются поддержка местных органов власти и неправительственных организаций. Под давлением США были приняты поправки к закону «Об общественных объединениях». АМР участвовало в создании 155 организаций местного уровня, которые работают в области защиты прав граждан [24].

В Туркменистане работа ведется в основном над укреплением и диверсификацией туркменской экономики, повышением эффективности управления, в том числе посредством внедрения «электронного управления», расширением прав и возможностей молодежи [24].

В Узбекистане усилия США сосредоточены на внедрении законодательства, направленного на расширение участия общественности в государственном управлении, улучшение доступа к информации. В качестве успешного примера АМР приводит оказание узбекам технической помощи в целях обеспечения прозрачности деятельности правительства и публичного мониторинга за работой исполнительных органов. АМР организовало обучение для более чем 250 должностных лиц местных органов власти. Также ведется работа с лидерами гражданского общества, отстаивающими интересы женщин, права инвалидов [25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С приходом в Белый дом Администрации Д. Трампа преемственность политики «продвижения демократии» была сохранена. При этом цели данной политики стали соизмеряться с возможными преимуществами и издержками для американских интересов в области обеспечения безопасности и развития бизнеса.

Несмотря на снижение роли постсоветского пространства в списке американских внешнеполитических приоритетов, США продолжают оказывать влияние на внутриполитические процессы в странах бывшего СССР, задействуя для этого административные и финансовые ресурсы. При этом Вашингтон не скрывает своей заинтересованности в сохранении у власти контролируемых и лояльных элит, которые будут обеспечивать проведение нужных реформ и реализацию выгодных бизнес-проектов, в частности, закупку американской продукции военного назначения и сжиженного газа. Особая цель Вашингтона — противодействие России в регионе, укреплению сотрудничества Москвы с постсоветскими республиками, отрыв последних от России и их переориентация на интересы и ценности «коллективного Запада».

Одновременно, как признают американские чиновники и эксперты в области «продвижения демократии», несмотря на затрачиваемые усилия и финансовые влияния, прогресс в деле демократизации постсоветского пространства остается медленным. Правительства республик зачастую действуют бюрократическими методами, ограничивают взаимодействие с представителями США. Представители гражданского общества в данном регионе малочисленны и не имеют возможностей для широкого международного взаимодействия. Мероприятия «демократического толка» должны быть предварительно одобрены правительствами. Находящиеся почти под полным контролем государства СМИ и слабое распространение сети Интернет, где можно было бы обратиться к альтернативным источникам информации, делают ограниченным доступ рядовых граждан к происходящим событиям в стране и за ее пределами.

Как представляется, в перспективе, независимо от партийной принадлежности новых президентов и администраций США, политика «продвижения демократии» останется одним из главных американских внешнеполитических инструментов, позволяющих Белому дому решать широкий спектр задач, отвечающих национальным интересам США.

Однако Вашингтон будет вынужден учитывать серьезные изменения в парадигме международного восприятия американского опыта «продвижения демократии»,

в частности, рост скептицизма относительно эталонности продвигаемой США модели демократии и методов «насаждения» демократических ценностей и «насильственной» смены режимов, обернувшихся несостоявшейся государственностью (Ирак, Ливия) и эскалацией насилия (Афганистан, Сирия). Будущим администрациям придется дополнительно поработать и над репутационными издержками, возникшими в результате американских экспериментов на ниве «демократизаторства», доказывая роль США как «лидера свободного мира».

REFERENCES:

1. Congressional Research Service, Democracy Promotion: An Objective of U.S. Foreign Assistance, Washington DC: 2019. <https://fas.org/sgp/crs/row/R44858.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
2. Global Democracy Promotion Act. <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/119> (дата обращения: 13.02.2020).
3. United States Department of State. <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-civilian-security-democracy-and-human-rights/> (дата обращения: 13.02.2020).
4. Carothers T. Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace; 1999. P. 22-27.
5. Burnell P. Democracy Assistance: International Co-operation for Democratization. New York: Routledge Tailor & Francis Group; 2013. P. 38.
6. U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development, Strategic Plan Fiscal Years 2004-2009, Washington DC, 2003. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/24299.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
7. U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development, Strategic Plan Fiscal Years 2007-2012, Washington DC, 2007. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
8. U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development, Strategic Plan Fiscal Years 2014-2017, Washington DC, 2014. <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1868/State%20USAID%20Joint%20Strategic%20Plan%202014-04-02.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
9. U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development, Joint Strategic Plan Fiscal Years 2018-2022, Washington DC, 2018. https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/JSP_FY_2018_-_2022_FINAL.pdf (дата обращения: 13.02.2020).
10. Valery N. Soyfer The Intellectual Elite and Philanthropy. Moscow: DDF Foundation; 2005. P. 672.
11. International Republican Institute. <https://www.iri.org/> (дата обращения: 13.02.2020).
12. H.R. 4547 — Freedom for Russia and Emerging Euroasian Democracies and Open Markets Support Act of 1992. March 24, 1992. <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4547> (дата обращения: 13.02.2020).
13. National Security Strategy of Enlargement and Engagement // National Security Strat-

- egy Archive, 1994. <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf?ver=2014-06-25-121219-500> (дата обращения: 13.02.2020).
14. Democracy Promotion Programs Funded by The US Government — «Brown Report». Report to the Senate Foreign Relations Committee and The House Foreign Affairs Committee of the U.S. Congress// Federation of American Scientists, 1994. <https://fas.org/sgp/crs/row/R44858.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
15. Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 1994 and 1995 // U.S. Congress, 1993. <https://www.congress.gov/103/bills/hr2333/BILLS-103hr2333enr.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
16. White House Archives. 2006. <https://georgew-bush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/section1.html> (дата обращения: 13.02.2020).
17. U.S. Department of State and U.S. Agency for International Development, Strategic Plan Fiscal Years 2007-2012, Washington DC, 2007. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
18. Quadrennial Diplomacy and Development Review: Enduring Leadership in a Dynamic World Department of State and USAID// United States Agency for International Development, 2015 <https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/QDDR2015.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
19. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review: Leading Through Civilian Power Department of State and USAID. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).
20. The United States Agency for International Development. Office of Transition Initiatives. <http://usaid.gov/political-transition-initiatives/where-we-work/> (дата обращения: 13.02.2020).
21. The United States Agency for International Development. <https://www.usaid.gov/what-we-do> (дата обращения: 13.02.2020).
22. The United States Agency for International Development. <https://www.usaid.gov/uk/ukraine> (дата обращения: 13.02.2020).
23. The United States Agency for International Development. <https://www.usaid.gov/belarus> (дата обращения: 13.03.2020).
24. The United States Agency for International Development. <https://www.usaid.gov/armenia> (дата обращения: 13.02.2020).
25. The United States Agency for International Development. <https://www.usaid.gov/ru/node/55556> (дата обращения: 13.02.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир А. Пономарев, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия; 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34;
vaponomarev2017@mail.ru

Vladimir A. Ponomarev, Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32/34, Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow, 119200
vaponomarev2017@mail.ru

Непризнанные государства постсоветского пространства: проблемы и перспективы

Зейнаб З. Бахтуридзе¹, Наталия А. Васильева²

¹Высшая школа международных отношений. Гуманитарный институт.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,

bahtur_zz@spbstu.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,

n52basil@gmail.com

Аннотация: Мировой порядок XXI века характеризуется трансформационными процессами, меняющими пространственно-временные координаты международной жизни. Признаками современного этапа являются амбивалентные процессы (интеграция и дезинтеграция; глобализация и деглобализация).

Статья посвящена анализу трансформационных процессов на постсоветском пространстве. Актуальность исследования обусловлена наличием на постсоветском пространстве нескольких замороженных конфликтов, изменивших конфигурацию региона и усиливающих его конфликтный потенциал, так как они далеки от урегулирования и конструктивного разрешения. Конфликтный потенциал постсоветского пространства подчеркивается наличием в нем новых государственных образований: непризнанных де-факто государств Приднестровской Молдавской республики и Нагорно-Карабахской Республики и частично признанных Абхазии и Южной Осетии.

Статья также посвящена вопросам формирования государственности Абхазии, Южной Осетии, Нагорно-Карабахской Республики и Приднестровья. Подчеркивается необходимость решения проблемы получения внешней легитимации суверенитета данных политико-территориальных образований не только в рамках правового, но в рамках политического, социального поля.

Актуализация замороженных конфликтов является лишь делом времени и в связи с ухудшением отношений между глобальными игроками, преследующими свои интересы в регионе, может быть использована как аргумент для обострения международной ситуации.

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является сочетание сравнительно-исторического, институционального и ситуативного методов, позволяющих комплексно рассмотреть формы международной легитимации малых государств в современных международных отношениях, проанализировать конфликтные ситуации.

В статье представлены различные теоретические концепции по проблеме непризнанных государств; выявлены возможности дальнейшего развития данных частично признанных государств. Обозначены сложности политической интеграции и трудности урегулирования замороженных конфликтов, в частности, ввиду отсутствия полноценного диалога между всеми участниками конфликта.

Материалы статьи представляют ценность как аналитический материал для практического использования ведомствами и организациями, участвующими в выработке политического контента в регионе Южного Кавказа.

Авторы приходят к выводу, что в вопросе о существовании непризнанных государств постсоветского пространства важнейшее значение имеет временной фактор, потому что на этих территориях рождаются новые поколения людей, которые воспринимают себя полноценными гражданами суверенного государства.

Ключевые слова: де-факто государства, частично признанные государства, международное право, конфликты на постсоветском пространстве, идентичность

Для цитирования: Бахтуридзе З. З., Васильева Н. А. Непризнанные государства постсоветского пространства: проблемы и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):29-41. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-29-41>

Статья поступила 08.12.2019

Принята в печать 23.01.2020

Опубликована 24.03.2020

Unrecognized States of the Post-Soviet Space: Problems and Prospects

Zeynab Z. Bakhturidze¹, Natalia A. Vasilyeva²

¹Higher School of International Relations. Humanitarian Institute.

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University,

Saint-Petersburg, Russia,

bahtur_zz@spbstu.ru

²Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,

n52basil@gmail.com

Abstract: The world order of the 21st century is characterized by transformational processes changing the spatial-temporal coordinates of international life. The features of the present stage are ambivalent processes (integration and disintegration; globalization and deglobalization).

The article analyzes the transformation processes in post-Soviet space. The relevance of the study is caused by the presence of several frozen conflicts in the post-Soviet space that have changed the configuration of the region and have been enhancing its conflict potential since they are far from settling and constructive resolution. The conflict potential of the post-Soviet space

is increased because of the presence of new state formations: the unrecognized de facto states the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Nagorno-Karabakh Republic, and partially recognized Abkhazia and South Ossetia.

The article also deals with the statehood acquisition and the formation of a new status of Abkhazia, South Ossetia, the Nagorno-Karabakh Republic and Transnistria. It emphasizes the necessity to solve the problem of obtaining external legitimization of the sovereignty of these political-territorial entities not only within the legal framework, but also within the political and social sphere.

The actualization of frozen conflicts is only a matter of time, and in the context of the deterioration of relations between global players pursuing their own interests in the region, it can be used as an argument for aggravating the international situation.

The principal approach to the study of this problem is the combination of comparative historical, institutional and situational methods that allow us to comprehensively consider the forms of international legitimization of small states in contemporary international relations and analyze conflict situations.

The article presents various theoretical concepts on the problem of unrecognized states; the possibilities of further development of these partially recognized states are discussed. The difficulties of political integration and the difficulties of resolving frozen conflicts, in particular, due to the lack of a full-fledged dialogue between all parties to the conflict, are highlighted.

The article is valuable as an analytical material for practical use by agencies and organizations involved in the development of political content in the South Caucasus region.

The authors conclude that in the issue of the existence of unrecognized States of the post-Soviet space, the time factor is essential because in these territories new generations of people are born who perceive themselves as full-fledged citizens of sovereign States.

Keywords: de facto states, partially recognized states, international law, conflicts in the post-Soviet space, identity

For citation: Bakhturidze Z.Z., Vasilyeva N.A. Unrecognized States of the Post-Soviet Space: Problems and Prospects. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):29-41. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-29-41>

Received 08.12.2019

Revised 23.01.2020

Published 24.03.2020

INTRODUCTION

On the European continent, the 20th century was marked by the collapse of empires, world wars and, as a result, the constant movement of interstate borders. At the end of the century, the USSR ceased to exist, which led to the formation, on the one hand, of new independent states, and on the other, to the emergence

of the so-called unrecognized states: Abkhazia, the Nagorno-Karabakh Republic (NKR), South Ossetia, and Transnistria (PMR). Recently, as a result of the military-political crisis in the east of Ukraine, two more state entities appeared — the Lugansk and Donetsk people's republics.

It is important to emphasize that the emergence of unrecognized states in the post-Soviet space is in line with the global trend. As the Russian expert G. Mikheeva notes, in the modern world about 120 territories claim the state status [1]. These territorial entities are called “quasi-states”, “unrecognized territories”, “self-proclaimed states”, and “de facto states”¹. The paradox is that this “gray zone” does not exist de jure for the world community, but at the same time, they are quite real participants in international relations.

The problem of self-proclaimed unrecognized or partially recognized States in the post-Soviet space has been actively analyzed by Russian and foreign researchers in recent years². According to A.G. Dugin, the practical application of the “post-imperial legitimacy” concept led to an arbitrary interpretation of the statehood criteria [2] and gave rise to the formation of political and territorial entities that fell outside the field of international legal legitimacy. Recently, the term «de facto» - «a condition in which internal self-government and elements of statehood exist, but claims to formal legitimacy are rejected by the international community» - has become increasingly used [3].

However, the absence of external legitimization of sovereignty does not make unrecognized states ephemeral, moreover, they form a new political map of the post-Soviet region. Therefore, for theoretical reflection of this institutional phenomenon, according to E. E. Eritsyan, it is important to apply the methodology of a neoinstitutional approach, which focuses on such informal entities as pressure

groups, political networks, etc., capable of influencing political processes. «It was these informal entities that had a significant impact on the emergence and development of unrecognized and partially recognized republics of the post-Soviet space» [4].

For a constructive study of the problem, it seems necessary to use the methodology of integrative analysis, which makes it possible to consider the phenomenon of unrecognized states in various dimensions:

- retrospective analysis of ethno-conflict component;
- reasons for inefficiency of negotiation process on re-integration of territories;
- ethno-cultural roots of state self-identification;
- inability to political dialogue and compromise, both from the political elites of unrecognized states, and from their counterparts.

In this respect, it is important to note S. Markedonov ‘s viewpoint that «the very establishment of unrecognized states and the struggle for their international legitimization are not the least facts of an emotional, symbolic and socio-cultural plane, without which any effective settlement of inter-ethnic disputes as an inevitable satellite of these special state entities is impossible» [5].

The centrifugal processes of the 1990s in the post-Soviet space were in many ways reinforced by the loss of Soviet civil identity. Therefore, ethnic identity became the only rallying force, which, in the figurative expression of S. Markedonov, meant «flight to their land» [6]. At the same time, it is important to note the fundamental difference between the sepa-

¹ For more details, see: Dobronravina N.A. Unrecognized States in the «gray zone» of world politics: the basics of survival and the rules of sovereignization. Preprint M-21/11. St. Petersburg, 2011, 56 p. (In Russ.)

² See: Dobronravina N.A. Roadside modernization: the survival and development of unrecognized states in the 20th - early 21st centuries. St. Petersburg, 2013, 252 p.; Chemurzieva Z.I. Institutional and legal technologies for legitimizing unrecognized states in the post-Soviet political space. Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 2007; Pryakhin V.F. Regional conflicts in the post-Soviet space (Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Transnistria, Tajikistan). Moscow, 2002, 344 p. (In Russ.)

ratism of unrecognized states of the post-Soviet space and similar trends in Europe. The economically most developed territories (Catalonia in Spain, Scotland in the UK) are striving for separation, while in the post-Soviet space territories with a poor resource base and an economy destroyed by military conflicts are isolated. Thus, the problems of ethno-linguistic and cultural self-identification come to the fore, especially since the conflicts of the 1990s contributed to the formation of the mono-ethnic population of unrecognized states. It should be emphasized here that «the extremism of the authorities of unrecognized states, criticized by the international community, relies on the massive support of citizens of these formally non-existent entities» [6].

According to T. de Waal, the greatest interest for the study are situations when «violence ends, but the conflict is not resolved, so that the irregular status continues, and the temporary becomes permanent» [3]. Such a prolonged state of uncertainty, in which one or two generations have grown up, raises questions that are almost metaphysical.

BACKGROUND INFORMATION

During the formation of the Soviet state, many small nations gained statehood, however, with great restrictions. Thus, for example, «in the constitutional order, the territory of the South Ossetian Autonomous Oblast, formed in 1922, was included in the Georgian SSR, without taking into account the opinion of its population. The North Ossetian Autonomous Oblast (formed in 1924) was transformed into the North Ossetian ASSR in 1936 and incorporated into the RSFSR»³ Abkhazia, in its turn, had the status of an autonomous republic within the Georgian SSR. Abkhazians were a titular nation with their own language and experience

of state building, although they did not constitute the majority of the population (18%). Nagorno-Karabakh, where the share of the Armenian population was 76%, had the status of an autonomous region in the Azerbaijan SSR [1]. According to A. Tsutsiev, “the decision of the Caucasus Bureau of the CPSU (b) on Nagorno-Karabakh implements the “national principle” (providing for the establishment of autonomy for the Karabakh Armenians) and at the same time ignores it (leaving the territory within Azerbaijan). This decision is no longer so much a Bolshevik curtsy towards Kemalist Turkey as an internal compromise” [7].

As for the Donetsk and Luhansk people's republics (DPR and LPR), their emergence in 2014 was due to the military-political conflict in Ukraine, which threatened the preservation of the historical, linguistic and cultural identity of the population of these regions.

In 1924, on the left bank of the Dniester the Moldavian Autonomous Soviet Republic was established where Russians, Ukrainians and Moldavians lived together. It existed until 1940. In the realm of the modern Pridnestrovian Moldavian Republic, as the Russian expert A. Rybin notes, legally it is the last fragment of the USSR. The Pridnestrovian Moldavian Soviet Socialist Republic (PMSSR) was proclaimed as a separate republic within the USSR at the Congress of Deputies of all levels of Transnistria, held in Tiraspol on September 2, 1990. In November 1991, they simply changed its name [8].

Ethnic conflicts tend to be undulating - from the latent phase they move into the phase of open confrontation, and vice versa. That is why the current situation poses a great danger, first of all, to regional security [9].

³ Litvinenko V.T. Political processes of formation of statehood of Abkhazia, South Ossetia and Transnistria in the context of security of Russian citizens living in these republics. Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 2010, p. 27. (In Russ.)

CONTEMPORARY PROBLEMS OF POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

As early as June 2006, the leaders of South Ossetia, Abkhazia and Transnistria signed the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance and the Declaration on the Establishment of the Community for Democracy and Rights of Nations. It was announced that the purpose of the concluded union is «to complete the political and legal registration of the collapse of the Union of SSR through recognition of the legal personality of the Republic of Abkhazia, the Pridnestrovian Moldavian Republic, the Republic of South Ossetia» [10]. This association of unrecognized states became known as the «Commonwealth of Unrecognized States» or CIS-2.

It is important to note that all the unrecognized states formed functioning democratic institutions. There is a presidential-parliamentary system in Nagorno-Karabakh, six parliamentary elections have been held, a double unrelated electoral system is used, the elections were held with the participation of international observers who recognized them as democratic. Four presidents have been replaced, the government and the judicial system with permanent judges are functioning. A presidential-parliamentary republic was also formed in Abkhazia; majoritarian elections were held six times, the last ones was in 2017. Since 2014, the country has been headed by the fourth president, the cabinet of ministers and the judicial system have been operating [11]. In the case of South Ossetia, it is only possible to talk about the rudiments of constitutional consolidation. In 2017, the President was replaced. The government and the judiciary are active. However, experts studying the processes of statehood formation in South Ossetia write about «imperious dictatorship and official voluntarism», about blind copying of Russian political practices [12]. In the Pridnestrovian Moldavian Republic, the parliamentary-presi-

dential republic was established following the results of the referendum in 1995, and the reform was carried out in 2000: the powers of the President were expanded, the Parliament became unicameral, and the third President was elected. In 2015, the sixth election to the Supreme Council was held, but the Parliament is still under the control of the President. The judicial system includes the Supreme Court and the Constitutional Court.

It is important to note that the military-political conflicts in the Caucasus region and Transnistria are now in a «frozen state.» As noted by E. Yu. Meleshkina, conservation of the status quo is objectively beneficial to the states that formally include these territories: on the one hand, their presence creates an image of the enemy, consolidating the nation, and on the other hand, hypothetical reintegration carries the risk of exacerbating internal problems related to the complication of interethnic relations, competition at the political level, etc. [13].

In the case of the Lugansk and Donetsk People's Republics, the authors of this article believe that the transfer of the current acute conflict to a «frozen» state can give the necessary time pause to find a compromise solution.

In 2014, the referendum was held in the DPR, the constitution was adopted and the People's Council and the head of the DPR were elected according to the proportional system; the government was formed. In addition to the normal judicial system, there are field court-martials. In the LPR, after the referendum on sovereignty in 2014, the constitution was adopted, and the elections of the head of the republic and deputies to the People's Council were held.

It is worth noting that the changes associated with the formation of the institutional framework of the regimes took place and are taking place in conditions of permanent or frozen armed conflicts and with more or less significant influence of Russia. At a certain his-

torical stage, the «internal legitimacy» of an unrecognized State may be far more important than international recognition [14].

Along with resolving issues of political institutionalization, de facto states need to develop the economy under economic sanctions.

According to the Abkhazian Statistics Office, in 2018 the population of Abkhazia was 244,832 thousand people. The economy of Abkhazia is currently based on retail trade and tourism. According to the Ministry of Economy of Abkhazia, trade provides 60% of the gross product, and tourism gives one third of tax revenues. Beach tourism is developed, to a lesser extent mountain tourism. The overwhelming majority of boarding houses, sanatoriums and holiday homes remained from the USSR. They are in poor condition and in need of major repairs. The majority of tourists visiting Abkhazia are Russians [15]. For instance, in 2017, more than 1.2 million Russian citizens visited Abkhazia, which is more than 85% of the total number of visitors to the republic.

In 2014, a strategic cooperation agreement was signed with Russia, including an extensive investment programme. Having its own resources and developing Abkhazia, expressed no official desire to join Russia. In Abkhazia, there is a national project to build an independent state of Abkhazians [16], and in general, in the opinion of F.A. Kazin, «the Abkhazian political system is certainly more mature, independent and stable than the South Ossetian one», which «increases the propensity of Abkhazia to become an independent state, and South Ossetia to become part of Russia» [17, c. 330].

As a result of the Georgian-Ossetian conflict, South Ossetia was seriously affected. Damage only to state and municipal facilities - road, gas and electricity supply is estimated at 16-18 billion rubles. By the decision of the Parliament of Georgia, an economic blockade of

South Ossetia was organized. The main products produced in this region are fruits (apples and pears), which after the war of August 2008 are supplied exclusively to the Russian Federation [15]. On August 26, 2009, the Dzuarikau-Tskhinval gas pipeline was opened, which made it possible to directly receive gas from Russia without interruption at a price three times lower than buying gas from Georgia. Given the level of the economy of South Ossetia, one cannot disagree with the opinion that «the further development of the republic largely depends on the effectiveness of the use of aid coming from Russia» [17, c. 328].

The Pridnestrovian Moldavian Republic has existed for longer than all the de facto states of the post-Soviet space - 29 years - and is the most economically successful formation. The authorities do not oppose obtaining citizenship of other states - Russia, Ukraine and Moldova. There are ATMs with Visa and MasterCard cards. Transnistria's economy is based on large enterprises such as the Moldavian Metallurgical Plant (MMP), the Moldavian GRES power plant, the «Tyrotex» textile mill, the «Quint» cognac plant and others.

Over 40% of the export from Transnistria falls on the EU countries, and another 37% - on Moldova, 14% - on the Customs Union countries. Transnistria mainly exports metal, textiles, electricity (the largest power station in Moldova, the Moldavian State District Power Plant, is located in the region), food products, and footwear. Russia subsidizes Transnistria by supplying gas for which the republic does not pay Gazprom, and the debt is recorded in Chisinau, since Transnistria is de jure part of Moldova [15].

The economy of Nagorno-Karabakh was completely destroyed during the Karabakh War of 1991 - 1994. Currently, through the efforts of local business, Armenian business and the Armenian Diaspora, new factories, small and large enterprises are emerging, which

significantly revive the growth of the economy. Today, Artsakh has enterprises of timber processing, jewelry production, food industry, light industry, etc. Tourist infrastructure is actively developing, new tourist centers, hotels, routes, etc. [15], are being built.

The Donetsk People's Republic and Lugansk People's Republic. Both regions existed as developed industrial areas, the majority of the population spoke Russian, which predetermined ethnic identity.

Economically, it is an old industrial region that requires modernization and restructuring of production. After a period of armed conflict, as a result of the outflow of the population, there are very few resources for development, and external investments are needed [18]. Both de facto states have been held hostage to the conflict between Russia and Ukraine.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS AND PROCESSES OF SELF-IDENTIFICATION

It is important to emphasize that the reason for the emergence of «transitional» territories (another term meaning, in this case, Abkhazia; South Ossetia, Transnistria and NKR) was the discrepancy not only of administrative, political and economic, but also ethno-linguistic, cultural and other borders. Their relatively conflict-free existence within the territorial division of the USSR was possible thanks to a common framework. The collapse of the Soviet Union was accompanied by disintegration processes which led to the weakening of borders of various kinds and, as a result, the potential for «exit» became real; and the lost civic identity is replaced by a basic ethnic identity or identity associated with the territorial aspect. Given the social and psychological need of society to acquire a new identity when the former is lost, the desire to justify and prove the fact that the land belongs to a particular ethnic group has led to arbitrary interpretations and rewriting of history.

People living in a single sociocultural space form a paradigm - a set of common values, norms, attitudes that determine the content and orientation of social consciousness [19]. The collapse of the Soviet system led to the need for a paradigm shift. In the post-Soviet unrecognized States, among other things, the blurring of economic, cultural borders and the ambiguous regime of citizenship also served as obstacles to this path. The armed conflicts of the first half of the 1990s, which reduced the heterogeneity of the ethnic composition of unrecognized States, did not solve the problem of border consolidation.

A. S. Panarin wrote that the way to the future qualitatively new integration lies «through the intermediate stage of more or less prolonged diversification of ethnic groups trying to achieve identity through isolation» [20]. One of the basic elements of isolation and cultural identification is language, which forms a unique world picture. In Abkhazia, for example, the language problem related to awareness of harmful consequences of loss of the native language which may disappear from the impact of global information flows, has been updated. In Abkhazian society, the loss of the native language is equated with the loss of its identity and culture, and then it is not clear what kind of independence and Abkhazian statehood one can speak about [21].

It is obvious that in a situation when each new subject of world politics (unrecognized or partially recognized states) is trying to find and fix its significance and uniqueness, ethnic community, the factors of mass historical memory are much more important than economic feasibility [22, c. 340], which, on the one hand, complicates the process of finding objectively mutually beneficial solutions to conflict situations, and on the other hand, it demonstrates amazing loyalty and strength of the population of de facto states in upholding the declared national ideals and values. In terms of figures,

the population of the Nagorno-Karabakh Republic was estimated at 147,000 in 2017 (about 138,000 in the 2005 census). According to the results of the census in 2015, the population of South Ossetia was 53,559, and in the Republic of Abkhazia in 2016 there were 243,564 people. The population of the Pridnestrovian Moldavian Republic - according to the results of the 2015 census was 475,000 people. In total, more than 900,000 people live in the territories of unrecognized and partially recognized states. Despite the fact that for many years they have to live in unstable conditions, with periodic outbreaks of armed conflicts, in a difficult economic situation, in the presence of social and legal problems, being in complete or almost complete legal isolation from the world community, in the face of uncertainty and awareness of the duration and complexity of the planned path, they do not retreat, and mass migrations in search of a better life are not observed.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF UNRECOGNIZED STATES OF THE POST-SOVIET SPACE

The international recognition of the de facto states of the post-Soviet space is not expected. Although Abkhazia is recognized by six countries included in the UN (Russia, Nicaragua, Venezuela, Nauru, Vanuatu and Tuvalu), and South Ossetia is recognized by five countries included in the UN (Russia, Nicaragua, Venezuela, Nauru, Tuvalu, and Syria since 2018) [23]. With regard to the remaining unrecognized States, the prospects for international recognition are not realistic, as, for example, the PMR and NKR are not recognized even by the patron States (Russia and Armenia). Accordingly, Russia does not recognize the LPR and the DPR, despite the significant humanitarian, military and financial assistance it provides to them.

T. de Waal, describing the difficulties of life in the de facto States of the post-Soviet space, noted that many of the existing problems there are mainly political in nature. Answering the question about possible trend of events, he noted that in some cases the integration project could be a salvation and the most likely end result for Transnistria and Moldova, for example. In other situations, the case may end with a confederation [7].

European experts conducted field studies in conflict regions from 2016 to 2018. It was noted that in the case of Abkhazia and Transnistria, effective interaction requires the elimination of an outdated paradigm: the expectation that they will soon cease to exist. Despite the great differences in history and geography, these small states, which are affiliated with or resulting from the collapse of larger states, are likely to continue existing in the near future. There are very few signs that they were going to return to their «parent countries,» in this case Georgia and Moldova, unlike the LPR and DNR, which have not yet shown such stability.

These small states, which are affiliated with or resulting from the collapse of larger states (states) and related conflicts [24], have made great efforts in the process of establishing statehood, but have not been able to achieve international recognition of their independent status and, accordingly, be fully included in the system of international relations. The fact that a patron country provides them with vital financial and military support for their development comes at a price — the patron country is actively interfering in their internal affairs [25].

The Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic may, under certain conditions, become de facto states, but today they differ significantly from Abkhazia and Transnistria.

As for Nagorno-Karabakh and South Ossetia, these de facto states are much more isolated at the international level and more dependent on patron states, in this case Armenia and Russia.

Attempts at international participation in solving the problems of unrecognized territories actualize a number of difficulties that should be mentioned. Firstly, in these situations the recognized national states have the advantage of being partners in political activities for international actors, and, while this does not imply full policy coherence, however, there is also a complete lack of impartiality and conflict of interest. In addition, international actors have an interest in addressing transnational threats, while the existence of unrecognized state associations represents a potential security threat, some of which, for example, in the environmental field, are not controllable due to limited international access to the territory, and create environmental problems that primarily affect the immediate neighbors.

The second challenge for international actors is to identify who will be involved in the process, in other words, how to engage with de facto governments.

The third challenge is the need to determine where and how international actors will

assist unrecognized territories. It is generally agreed that international assistance in de facto countries should only be used for civil society, business and humanitarian purposes, but in practice it is difficult to distinguish between government and non-governmental organizations.

CONCLUSION

Thus, it can be concluded that in the issue of the present and future existence of unrecognized States of the post-Soviet space, the time factor is essential, because in these territories new generations of people are born who perceive themselves as full-fledged citizens of sovereign States. Moreover, the obvious contradictions in contemporary international law create a legislative conflict between the inviolability of sovereignty and the right of nations to self-determination which means that there is no basis for addressing the relations between former metropolises and de facto States.

In addition, since the post-Soviet unrecognized states do not enjoy the support of the West (with the exception of Nagorno-Karabakh, which receives, in part, state financial support from the United States), accordingly, the prospects for their sovereignty operate in a different corridor of opportunities.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Михеева Г. Государства «де-факто». Как сложилась судьба непризнанных республик на постсовет? URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/> (дата обращения: 25.12.2019)
2. Dugin A.G. URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> (дата обращения: 12.01.2020)
3. Thomas de Waal. Uncertain territory. The strange life and curious sustainability of de facto states. New Eastern Europe. 2018. №3-4. URL: <https://neweasterneurope.eu/2018/04/26/uncertain-territory-strange-life-curious-sustainability-de-facto-states/> (дата обращения: 30.12.2019)
4. Ерицян Е.Е. Неинституциональный подход в исследовании непризнанных и частично признанных республик постсоветского пространства. В.: Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты». Самара, Самарская гуманитарная академия. 28 октя-

- бря 2016. Самара: Самарская гуманитарная академия; 2016. С. 19-25.
5. Маркедонов С.М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа. 2012. №5, январь; Науч. ред.: Александр Искандарян. Ереван: Институт Кавказа; 2012. 24 с.
 6. Маркедонов С.М. Земля и воля. *Россия в глобальном мире*. 2012;5:175-182.
 7. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). Москва: Европа; 2006. 128 с.
 8. Рыбин А. Непризнанный мир. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/20/nepriznannyiy-mir_1/ (дата обращения: 30.12.2019)
 9. Силаева В. Непризнанные государства в логике постимперского развития. URL: http://www.russiancouncil.ru/blogs/victoria-silaeva/?id_4=2270 (дата обращения: 04.12.2019)
 10. Шакарянц С. Признанность непризнанных государств. URL: <https://regnum.ru/news/663614.html> (дата обращения: 29.12.2019)
 11. Сергеева Л.В. Трансформация политического режима частично признанной Республики Абхазия. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015;2:1-7.
 12. Ибятков Ф.М. Политическая система Южной Осетии: современная история и перспективы. *Экономика*. 2010;5:120.
 13. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: непризнанные государства. URL: <http://www.mgimo.ru/uploads/files/Meleshkina%20Post-Soviet.doc> (дата обращения: 30.12.2019)
 14. Крылов А. Непризнанные государства: важна «внутренняя легитимность». URL: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru> (дата обращения: 26.12.2019)
 15. Life in isolation: how do unrecognized countries survive? 2015. Feb. 2. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/52709?page=5> (дата доступа: 12.01.2020).
 16. Economic Development Programme of the Republic of Abkhazia. URL: http://apsnypress.info/upload/Programma_25shagov_EconomRazvitiya_Abkhazii_170209.pdf (дата обращения: 10.01.2020).
 17. Казин Ф.А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе. *Россия в глобальном мире*. 2012;5:322-336.
 18. The unrecognized state of Donbass as points of economic growth? 2015. Nov. 12 URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/methodology/2164/> (дата обращения: 15.01.2020).
 19. Gadzhiev K.S. Introduction to Geopolitics. Moscow: Logos; 2000. 429 p.
 20. Панарин А. С. В каком мире нам предстоит жить? Геополитический прогноз, сделанный в 1997 году. URL: http://www.patriotica.ru/actual/panarin_prognoz.html (дата обращения: 30.12.2019)
 21. Problems of Abkhazian demography: Abkhazian language. Official website of the People's party of Abkhazia. URL: <http://www.kiaraz.org/page76/> (дата обращения: 15.01.2020).
 22. Маркедонов С. Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация. *Прогнозис*. 2007;1:340.
 23. Communique of the Ministry of foreign Affairs of the Republic of South Ossetia on mutual recognition and establishment of diplomatic relations between the Republic of South Ossetia and the Syrian Arab Republic. URL: <http://www.mfa-rso.su/node/2583> (дата обращения: 15.01.2020).
 24. «Places That Don't Exist», BBC News, 4 May 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/this_world/4491059.stm (дата обращения: 11.01.2020).

25. Giorgio Comai. The external relations of de facto states in the post-Soviet space. School of Law and Government. Dublin City University,

2018. URL: <http://doras.dcu.ie/22159/1/Comai-PhD.pdf> (дата обращения: 11.01.2020).

REFERENCES:

1. Mikheeva G. States «de facto». What was the fate of the unrecognized republics in the post USSR? European dialogue. 2018. December 2. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/01/15/de-fakto-gosudarstva-na-territorii-sssr-tranzit-bez-mezhdunarodnogo-priznaniya/> [Accessed: 25.12.2019] (In Russ.)
2. Dugin A.G. URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> [Accessed: 12.01.2020]
3. Thomas de Waal. Uncertain territory. The strange life and curious sustainability of de facto states. *New Eastern Europe*. 2018; no. 3-4. 2019/ December 2. URL: <https://neweasterneurope.eu/2018/04/26/uncertain-territory-strange-life-curious-sustainability-de-facto-states/> [Accessed: 30.12.2019]
4. Eritsyan E.E. Neoinstitutional approach in the study of unrecognized and partially recognized republics of the post-Soviet space. In.: Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference «Unrecognized States: Methodological, Political and Legal Aspects». Samara; Samara Academy for the Humanities; 2016. P. 19-25. (In Russ.)
5. Markedonov S. M. De facto formation of the post-Soviet space: twenty years of state building. Analytical reports of the Caucasus Institute. 2012, №5, Jan. Ed. Aleksandr Iskandaryan. Yerevan: Caucasus Institute; 24 p. (In Russ.)
6. Markedonov S.M. Land and will. *Russia in the global world*. 2012;5:175-182. (In Russ.)
7. Tsutsiev A. Atlas of ethnopolitical history of the Caucasus (1774-2004). Moscow: Europe; 2006. 128 p. (In Russ.)
8. Rybin A. Unrecognized world. *Russian Reporter*, no. 20 (485). 2019. December 2. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2019/20/nepriznannyj-mir_1/ [Accessed: 30.12.2019] (In Russ.)
9. Silaeva V. Unrecognized states in the logic of post-imperial development. 2019. December 4. URL: http://www.russiancouncil.ru/blogs/victoria-silaeva/?id_4=2270 (In Russ.)
10. Shakaryants S. Recognition of unrecognized States. 2019. December 4. URL: www.regnum.ru/news/663614.html [Accessed: 29.12.2019] (In Russ.)
11. Sergeeva L.V. Transformation of the political regime of the partially recognized republic of Abkhazia. *Bulletin of Moscow Region State University*. 2015;2:1-7. (In Russ.)
12. Ibyatov F.M. Political system of South Ossetia: modern history and prospects. *Economics*. 2010;5:120. (In Russ.)
13. Meleshkina E.Yu. Formation of States and Nations in the post-Soviet space: unrecognized States. [updated December 4, 2019; cited December 4, 2019]. URL: <http://www.mgimo.ru/uploads/files/Meleshkina%20Post-Soviet.doc> [Accessed: 30.12.2019]. (In Russ.)
14. Krylov A. Unrecognized states: «internal legitimacy» is important”. 2019. December 4. URL: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru> [Accessed: 10.01.2020]. (In Russ.)
15. Life in isolation: how do unrecognized countries survive? 2015. Feb. 2. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/52709?page=5> [Accessed: 12.01.2020].
16. Economic Development Programme of the Republic of Abkhazia. URL: http://apsnypress.info/upload/Programma_25shagov_Ekonom-Razvitiya_Abkhazii_170209.pdf [Accessed: 10.01.2020].
17. Kazin F.A. Russia's relations with South Ossetia and Abkhazia in comparative perspective.

- Russia in a Global World*. 2021;5:322-336. (In Russ.)
18. The unrecognized state of Donbass as points of economic growth? 2015. Nov. 12 URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/methodology/2164/> [Accessed 15.01.2020].
19. Gadzhiev K.S. Introduction to Geopolitics. Moscow: Logos; 2000. 429 p.
20. Panarin A.S. What world are we going to live in? Geopolitical forecast made in 1997. 2019. December 4. URL: http://www.patriotica.ru/actual/panarin_prognoz.html [Accessed: 30.12.2019]
21. Problems of Abkhazian demography: Abkhazian language. Official website of the People's party of Abkhazia. A URL: <http://www.kiaraz.org/page76/> [Accessed 15.01.2020].
22. Markedonov S. Post-Soviet South Caucasus: traditionalism plus modernization. *Prognosis*. 2007;1:340. (In Russ.)
23. Communique of the Ministry of foreign Affairs of the Republic of South Ossetia on mutual recognition and establishment of diplomatic relations between the Republic of South Ossetia and the Syrian Arab Republic. URL: <http://www.mfa-rso.su/node/2583> [Accessed 15.01.2020].
24. «Places That Don't Exist», BBC News, 4 May 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/this_world/4491059.stm [Accessed 11.01.2020].
25. Giorgio Comai. The external relations of de facto states in the post-Soviet space. School of Law and Government. Dublin City University, 2018. URL: <http://doras.dcu.ie/22159/1/Comai-PhD.pdf> [Accessed 11.01.2020].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зейнаб З. Бахтуридзе, доктор политических наук, Высшая школа международных отношений. Гуманитарный институт. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия; 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; bahtur_zz@spbstu.ru

Наталия А. Васильева, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9; n52basil@gmail.com

Zeynab Z. Bakhturidze, Doctor of Political Sciences, Higher School of International Relations. Humanitarian Institute. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 29, Polytechnicheskaya str., Saint-Petersburg, 195251, Russia; bahtur_zz@spbstu.ru

Natalia A. Vasilyeva, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia; n52basil@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Трансформация экономики Украины в условиях кризиса: некоторые итоги, проблемы и перспективы

Артем Г. Пылин

*Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,*

artem-pylin@yandex.ru

Аннотация: за прошедшие шесть лет с момента смены политической власти (в феврале 2014 года) и провозглашения новым руководством страны курса на евроатлантическую интеграцию Украина прошла через очередной и наиболее масштабный в своей постсоветской истории кризис. Этот кризис стал результатом не только действия негативных глобальных (замедление темпов роста мировой экономики, падение спроса и цен на товары традиционного украинского экспорта), но и региональных (разрыв торгово-экономических связей с Россией) факторов на фоне потери части территории и военных действий на востоке страны. Такие серьезные внешние и внутренние потрясения сильно повлияли на украинскую экономику, которая при этом выстояла и во многом адаптировалась к резко изменившимся условиям. Однако говорить о каком-либо значимом развитии страны, о ее структурной и технологической модернизации, повышении конкурентоспособности в этот период не приходится. Для достижения этой цели новым властям Украины потребуется приложить массу усилий, добиться консолидации всего украинского общества по вопросам стратегического развития страны, завершить масштабные структурные и институциональные реформы, решить проблему Донбасса и хотя бы частично восстановить разрушенные гуманитарные и экономические связи с Россией.

Ключевые слова: Украина, ЕС, Россия, структурная трансформация, деиндустриализация, аграризация экономики, соглашение об ассоциации, торговля и инвестиции, конфликт на Донбассе

Для цитирования: Пылин А. Г. Трансформация экономики Украины в условиях кризиса: некоторые итоги, проблемы и перспективы. Проблемы постсоветского пространства. 2020;7(1):42-54. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-42-54>

Статья поступила 27.11.2019

Принята в печать 16.02.2020

Опубликована 24.03.2020

Transformation of the Ukrainian Economy in Conditions of the Crisis: some Results, Problems and Prospects

Artem G. Pylin

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
artem-pylin@yandex.ru*

Abstract: Over the past six years since the change of political power (in February 2014) and the new leadership of the country proclaimed the course towards Euro-Atlantic integration, Ukraine has gone through the next and the largest crisis in its post-Soviet history. This crisis was the result of not only negative global (slowdown in global economic growth, falling demand and prices for traditional Ukrainian exports), but also regional (rupture of trade and economic ties with Russia) factors amid loss of part of the territory and military operations in the east countries. Such serious external and internal shocks greatly affected the Ukrainian economy, which at the same time withstood and largely adapted to sharply changing conditions. However, it is not necessary to talk about any significant development of the country, about its structural and technological modernization, increasing competitiveness in this period. To achieve this goal, the new authorities of Ukraine will need to make a lot of efforts, achieve consolidation of the entire Ukrainian society on the country's strategic development, complete large-scale structural and institutional reforms, solve the Donbass problem and at least partially restore the destroyed humanitarian and economic ties with Russia.

Keywords: Ukraine, Russia, structural transformation, deindustrialization, agrarianization of the economy, European Union Association Agreement, trade and investment, conflict in the Donbass

For citation: Pylin A.G. Transformation of the Ukrainian Economy in Conditions of the Crisis: some Results, Problems and Prospects. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):42-54. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-42-54>

Received 27.11.2019

Revised 16.02.2020

Published 24.03.2020

СМЕНА ГЛУБОКОГО СПАДА В ЭКОНОМИКЕ НА ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ УМЕРЕННЫЙ РОСТ

За последние пять лет экономическая динамика в Украине носила неравномерный характер. В 2014–2015 гг. наблюдался масштабный спад экономики (падение

соответственно на 6,6 и 9,8%), который в 2016–2018 гг. сменился умеренным восстановительным ростом (рис. 1, табл. 1). Столь масштабное падение было обусловлено значительным сокращением внутреннего потребительского спроса в условиях

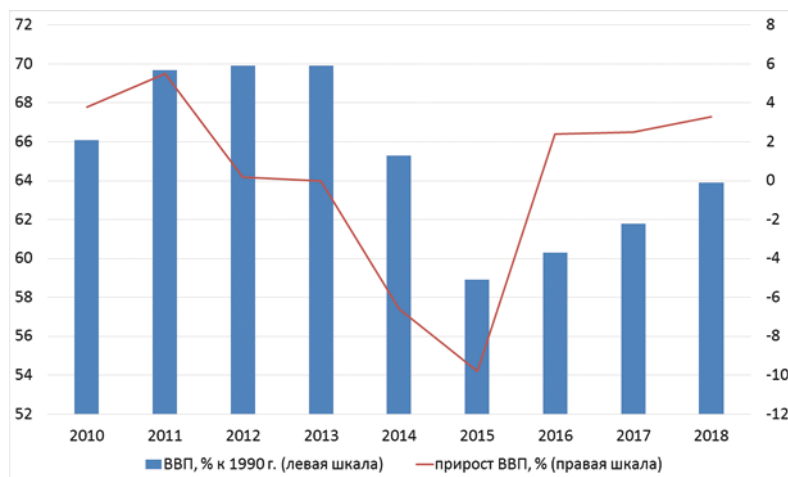

Рис. 1. Динамика ВВП (постоянные цены) Украины в 2010-2018 гг.

Источник: расчеты по данным The World Bank. World Development Indicators

(дата обращения: 28.10.2019)

девальвации гривны, высокой инфляции и падения реальных доходов населения, а также снижением государственных расходов на фоне падения экспортных поступлений. Активные военные действия на востоке страны привели к значительному ухудшению производственного и экспортного потенциала (до кризиса на До-

нецкую и Луганскую области совокупно приходилось около 23% промышленного производства и 16% ВВП Украины).

Возобновившийся с 2016 г. рост экономики носит неустойчивый характер и во многом объясняется эффектом низкой базы. Основным драйвером умеренного роста ВВП остается внутренний спрос. Растущее

Таблица 1

Основные драйверы роста ВВП (постоянные цены) Украины в 2010-2018 гг., %

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Потребление домохозяйств	6,7	15,6	8,1	6,9	-8,1	-19,6	2,7	9,3	8,8
Государственное потребление	4,1	-2,9	4,5	-0,9	1,1	1,7	-0,5	5,2	0,3
Инвестиции	14,4	12,9	-4,5	-12,4	-34,5	12,0	42,8	1,1	2,2
Экспорт	3,1	2,7	-5,6	-8,1	-14,2	-13,2	-1,8	3,8	-1,6
Импорт	10,6	15,4	3,8	-3,5	-22,1	-16,7	9,3	12,6	3,2
ВВП	3,8	5,5	0,2	0,0	-6,6	-9,8	2,4	2,5	3,3

Источники: составлено по данным The World Bank. World Development Indicators (дата обращения: 28.10.2019)

потребление домашних хозяйств стало результатом роста заработной платы, средних пенсий и значительного притока денежных переводов из-за рубежа, а также роста потребительских кредитов. Инвестиции, поддерживаемые государственными капитальными расходами, также показывают заметный прирост. За 2013–2015 гг. реальные инвестиции сократились в совокупности более чем на 41%, но с тех пор восстановились, что было обусловлено улучшением макроэкономической среды и ростом мировых цен на сырьевые товары [1]. Растущие цены на нефть и газ увеличили объем импорта Украины, а вклад чистого экспорта в рост остается отрицательным. Сохранение макроэкономической стабильности, накопление валютных резервов, усиление роста и сокращение бюджетного дефицита, а также стремление новых властей страны продолжить реформы позволили агентству Standard & Poor's в сентябре 2019 г. повысить долгосрочные суверенные рейтинги Украины в иностранной и национальной валюте с «В-» до «В» [2].

Тем не менее, последствия сильнейшего экономического спада 2014–2015 гг. еще далеко не преодолены: по объему экономики страна оказалась отброшенной на уровень 2004–2005 гг. и до сих пор по этому показателю даже не приблизилась к дореформенному уровню 1990 г. — абсолютно исключительный случай для стран постсоветского пространства, которые этот уровень достигли и заметно превысили.

ОТ ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ К АГРАРНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ И ИТ- УСЛУГАМ

Произошедшие кризисные процессы сильно повлияли на отраслевую структуру украинской экономики и ее дальнейшую деиндустриализацию. В условиях кризиса наибольшее падение испытывали те произ-

водства, которые сильнее зависели от долгосрочного кредитования и выпускали потребительские и инвестиционные товары длительного пользования (машины, оборудование, транспортные средства) и строительные материалы. В меньшей степени сокращались ориентированные на повседневный потребительский спрос отрасли, среди которых электроэнергетика, производство нефтепродуктов и продовольственных товаров [3]. Суммарный спад в обрабатывающей промышленности в 2014–2016 гг. составил почти 20% к уровню 2013 г. Существенно снизилась численность занятых в промышленности — с 3,2 млн. (2013 г.) до 2,4 млн. (2017 г.) человек. Потеря крупного российского рынка, на который ранее поставлялась преимущественно машиностроительная продукция, утрата контроля над индустриальными районами Донбасса усилили процессы деиндустриализации страны. В итоге традиционные отрасли украинской экономики (металлургия, химическая промышленность и машиностроение) понесли существенные потери. В деградирующем состоянии находятся авиапромышленность и судостроение [4].

Основным драйвером развития реального сектора экономики стало сельское хозяйство. За 2013–2017 гг. его доля в структуре валовой добавленной стоимости возросла с 9,9 до 12,1%, что во многом обусловлено ростом поставок растительного сырья, зерна, подсолнечника и рапса, т.е. продукцией растениеводства. Более рельефно произошедшие отраслевые изменения характеризует динамика товарной структуры украинского экспорта (табл. 2). Уже в 2017 г. украинский экспорт сельскохозяйственных продуктов превысил докризисные значения (2013 г.) на 4,1%, а в 2018 г. достиг 18,6 млрд. долл. Внешний спрос на продовольственные товары и с/х сырье не подвержен таким резким циклическим

Таблица 2

Изменение товарной структуры экспорта Украины за 2013-2018 гг., %

Товарные группы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сельскохозяйственные продукты	28,8	33,0	40,9	45,4	44,7	42,9
Минеральные продукты	10,7	10,5	7,5	7,1	8,9	9,0
Химическая продукция	8,6	7,4	6,9	5,5	5,2	5,5
Лесоматериалы и изделия из дерева	3,4	3,9	4,3	4,5	4,1	4,5
Черные и цветные металлы	28,4	29,6	25,9	24,1	24,9	26,3
Машины и оборудование	14,4	10,7	9,4	8,2	7,2	6,9
Прочее	5,6	5,0	5,0	5,2	5,0	4,9

Источник: составлено по данным Национального банка Украины (<https://www.bank.gov.ua/>).

колебаниям, как на инвестиционные товары; развитие сельского хозяйства опирается на благоприятные агроклиматические условия в стране. Нарастание продовольственных поставок также во многом связано с формированием крупных агрохолдингов в стране.

Возможное снятие моратория на продажу сельскохозяйственных земель (которые сейчас лишь сдаются в аренду) наряду с мерами по улучшению деловой среды может способствовать притоку иностранных инвестиций в крупный сельскохозяйственный сектор Украины, что усилит дальнейшую аграризацию ее экономики. При этом в стране до сих пор не проведена полная кадастризация земли, не урегулированы вопросы собственности и аренды [4], что может осложнить процесс либерализации земельного рынка.

Другим драйвером развития украинской экономики стал продолжающийся рост экспорта информационных технологий и компьютерных услуг — с 1,8 млрд. долл. в 2013 г. до 3,5 млрд долл. в 2018 г. Во многом это стало результатом прихода в страну

крупных транснациональных IT-компаний. Отметим, что IT-индустрия ускорилась с начала политического кризиса 2014 года, когда цены на украинские IT-услуги стали еще более привлекательными для инвесторов из-за девальвации гривны. В 2018 г. на украинском рынке работало примерно 4 тыс. IT-компаний и около 1,6 тыс. сервисных IT-компаний, в которых занято свыше 185 тыс. IT-специалистов. При этом более 60% этих специалистов трудоустроены в аутсорсинговых IT-компаниях. Украинские аутсорсеры сотрудничают преимущественно с компаниями из США (81% всего украинского экспорта IT-услуг), среди которых Cisco, IBM, Atlassian, Travelport, OpenText, Fluke Corporation и другие [5]. За последние годы доля европейских компаний в украинском экспорте программного обеспечения значительно возросла.

БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И РАСТУЩАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Украина остается страной с низкими показателями доходов граждан: ВВП на душу населения (2800 долл. в 2018 г.) состав-

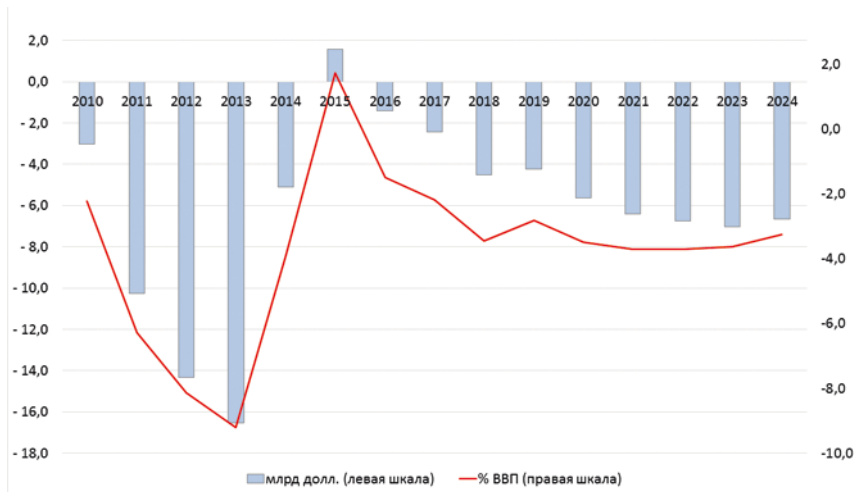

Рис. 2. Сальдо счета текущих операций Украины, 2010–2024 гг.

Примечание: данные за 2019–2024 гг. — прогноз МВФ.

Источник: составлено автором по данным IMF. World Economic Outlook Database, October 2019.

ляет лишь 70% от уровня 2013 г. и сейчас является самым низким в Европе и одним из самых низких в СНГ (этот показатель ниже украинского лишь в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане). Деиндустриализация, низкий уровень доходов и высокая (свыше 9%) безработица стимулируют масштабную чистую эмиграцию. Введение безвизового режима для въезда граждан Украины в Европу с июня 2017 г. также косвенно способствовало этому процессу. По различным оценкам, трудовыми мигрантами являются 4–10 млн. граждан Украины, которые были вынуждены покинуть страну в поисках заработка.

На фоне усиления миграционных процессов и укрепления валют стран Восточной Европы продолжался рост денежных переводов, которые стали играть большую роль в экономике страны. По данным НБУ, за 2013–2018 гг. переводы мигрантов в Украину возросли с 8,5 млрд. долл. (4,5% ВВП) до 10,9 млрд. долл. (8,3% ВВП). Географическая структура поступающих частных трансфертов отражает предпочтения

украинских граждан при трудоустройстве и их распределение по странам. По итогам 2018 г. основная часть денежных переводов поступила из Польши (33,3%), России (8,7), США (8,0), Чехии (7,8), Италии (4,5), Великобритании (3,6), Германии (3,4), Кипра (3,1) и Израиля (3,1). По оценкам Standard & Poor's, число работающих в Польше украинцев в 2018 г. увеличилось более чем на 40% — до 1,7 млн. человек. При этом доля и размер поступающих трансфертов из РФ неуклонно сокращается. По данным НБУ, за 2015–2018 гг. личные переводы из России в Украину снизились с 1,8 млрд. долл. (26,4% от совокупных переводов, полученных Украиной) до 0,9 млрд. долл. (8,7%).

Наблюдающаяся в последние годы аграризация экономики будет способствовать дальнейшей эмиграции трудоспособного населения. Однако по мере расширения базы экономического роста нехватка квалифицированной рабочей силы может стать серьезным препятствием на пути развития страны.

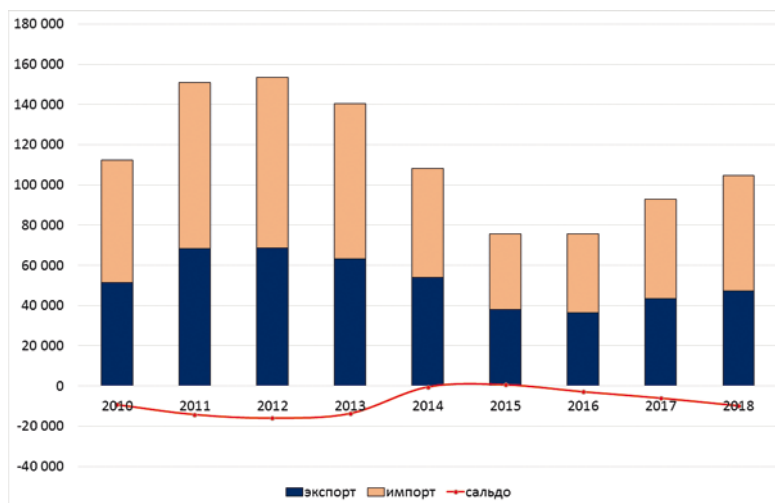

Рис. 3. Внешняя торговля Украины в 2010-2018 гг., млн долл.

Источники: составлено и рассчитано по данным ITC. Trade Map 2019.

УСИЛЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВНЕШНЕГО ДОЛГОВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

За рассматриваемый период произошли значительные изменения в динамике сальдо счета текущих операций (СТО): крупный дефицит в размере 16,5 млрд. долл. (9,2% ВВП — исторический максимум для Украины) в 2013 г. сильно снизился, и 2015 г. страна впервые за долгие годы закончила с небольшим профицитом в размере 1,6 млрд. долл. (1,7% ВВП). Это стало результатом опережающего сокращения импорта на фоне обесценения гривны и падения мировых цен на углеводороды. Однако последующее частичное восстановление импортных поставок на фоне роста мировых цен на топливно-сырьевые товары вновь привело к формированию дефицита СТО в размере 2-4 млрд. долл. в 2017–2018 гг. (рис. 2, 3).

В условиях масштабного спада экономики и военного конфликта на востоке страны возможности привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для покрытия дефицита СТО были крайне ограничены. Суммарный приток ПИИ в эко-

номику Украины в 2015-2018 гг. составил 14,1 млрд. долл., что оказалось на 37,7% ниже аналогичного показателя 2010-2013 гг. Всего же на конец 2018 г. накопленные в стране ПИИ в виде акционерного капитала составили 32,3 млрд. долл., а основными инвесторами были Кипр (27,5%), Нидерланды (21,9%), Великобритания (6,1%), Германия (5,2%), Швейцария (4,8%), Виргинские острова (4,1%), Россия (3,1) и Австрия (3,1). Суммарно на страны ЕС пришлось свыше $\frac{3}{4}$ всех накопленных в стране ПИИ. Украинские же прямые инвестиции сосредоточены в основном в следующих странах: Кипр (94,2%), Россия (1,9%), Латвия (1,2) и Виргинские острова (1,0) (данные Госстата Украины). Очевидно, что приведенная географическая структура ПИИ свидетельствует о значительной роли офшорных юрисдикций, а поступающие в Украину инвестиции во многом имеют российское и украинское происхождение.

Основная часть накопленных ПИИ сосредоточена в перерабатывающей промышленности — 25,4% (прежде всего в про-

изготовлении пищевых продуктов, напитков и табачных изделий, металлургии, выпуске резиновых и пластмассовых изделий), а также в оптовой и розничной торговле (16,7%). В 2014-2018 гг. заметно выросли инвестиции в изготовление изделий из древесины, производство бумаги и полиграфическую деятельность (с 1,0 до 1,8%), электроэнергетику (с 1,1 до 2,0%), сектор ИКТ (с 3,5 до 6,8%). Весьма перспективной для иностранного инвестирования отраслью является сельское хозяйство, на которое пока приходится лишь 1,7% всех накопленных ПИИ, и агропромышленный комплекс в целом.

Так, например, в 2016 г. компаний «Bunge» (США) был запущен производственно-перегрузочный комплекс в г. Николаеве: построены завод по производству растительного масла и терминал по его перевалке, а также увеличены мощности зернового терминала. В сельское хозяйство также активно инвестируют европейские и китайские компании [6]. При этом Китай стал активно инвестировать в Украину только в последние три года. Помимо десяти солнечных электростанций, полученных китайской госкомпанией CNBM International в счет уплаты долга прежних владельцев, китайские ПИИ сосредоточены также в агропродовольственном комплексе (АПК). По данным ЕАБР, на эти две сферы приходилось 67 и 33% соответственно от накопленных китайских инвестиций к концу 2016 г. При этом иностранные инвесторы стремятся получить полный контроль над производственными цепочками в АПК страны — от выращивания и переработки зерновых и масличных культур до их хранения и транспортировки [7]. Кроме того, в июне 2017 г. китайская товарная биржа Bohai Commodity Exchange приобрела Украинский банк реконструкции и развития, что впоследствии может

способствовать более активному участию Китая в приватизации украинских активов.

Значительно возросла долговая нагрузка на экономику страны. По данным МВФ, за 2013-2018 гг. совокупный государственный долг Украины вырос с 593,7 млрд. грн. (40,5% ВВП) до 2411,4 млрд. грн. (70,5% ВВП), причем около 70% госдолга страны деноминировано в иностранной валюте. Растущие внешние и внутренние заимствования направлялись на покрытие государственных расходов в условиях возросшего бюджетного дефицита, наращивание международных резервов и на обслуживание ранее взятых обязательств.

В этих условиях существенно возросла финансовая поддержка со стороны МВФ, ЕБРР, ЕС и других международных финансовых организаций (МФО). Как известно, в марте 2015 г. была утверждена четырехлетняя программа расширенного финансирования (EFF) МВФ для Украины на сумму 17,5 млрд. долл. В рамках этой программы в 2015-2017 гг. Украина получила четыре транша на общую сумму 8,7 млрд. долл., что составило лишь половину от запланированных средств. Значительная финансовая поддержка со стороны МФО помогла предотвратить дефолт в 2015 г.: внешние долговые обязательства страны были реструктурированы и частично списаны. В декабре 2018 г. МВФ утвердил очередную программу финансовой помощи stand-by для Украины на сумму 3,9 млрд. долл. сроком на 14 месяцев (завершилась в феврале 2020 г.); тогда же был направлен первый транш в размере 1,4 млрд. долл. Впоследствии планировалось получение еще двух траншей, но в связи со сменой президента и правительства после выборов решено было начать разработку новой программы. В начале декабря 2019 г. Украина и МВФ договорились об открытии трехлетней программы расширенного финансиро-

вания на 5,5 млрд долл., реализация которой обусловлена продвижением земельной реформы и укреплением банковского сектора страны.

По оценкам S&P, 2020 год будет для Украины еще одним тяжелым годом: государственные выплаты по обслуживанию долга в иностранной валюте составят 6,7 млрд. долл. (почти 4% от ВВП). Ожидается, что финансирование долга будет осуществляться путем пролонгации внутренних облигаций (на 3 млрд долл.), а также за счет сочетания коммерческих и государственных займов (включая поступления от еврооблигаций на сумму 1,25 млрд евро, выпущенных в январе 2020 г.). Вместе эти средства должны помочь Украине удовлетворить свои потребности в погашении задолженности. Важно также отметить, что западные партнеры Украины не заинтересованы в ее дефолте, а потому через различные МФО будут способствовать нормальному прохождению страны через пиковые выплаты ближайших лет.

Получение финансовых средств от МВФ и ЕС накладывает на Украину ряд обязательств по проведению необходимых структурных и институциональных реформ. За последние годы власти провели ряд важных преобразований: была сохранена независимость НБУ; приняты поправки к налоговому кодексу; повышение тарифов на газ устранило потери в нефтегазовой госкомпании «Нафтогаз» и заметно сократило дефицит бюджета; проведена пенсионная реформа; финансовая стабильность была укреплена после санации банковской системы и национализации крупнейшего банка («ПриватБанк»). Кроме того, были предприняты шаги по дерегуляции бизнеса и оптимизации фискальной политики (в частности, внедрена электронная система возврата НДС). В то же время сохраняется ряд проблем в области антикоррупцион-

ного законодательства страны. По итогам 2019 г. Украина оказалась на 126-м месте из 180 стран мира по Индексу восприятия коррупции (по версии Transparency International). Развитие системы антикоррупционных судов вместе с проведением земельной реформы, предусматривающей либерализацию продажи сельскохозяйственных земель, и запуском приватизации может способствовать притоку прямых иностранных инвестиций в страну.

ОТКРЫТИЕ РЫНКА ЕС НЕ КОМПЕНСИРОВАЛО ПОТЕРЮ РЫНКА РОССИИ

В 2014 г. Украина подписала с Евросоюзом Соглашение об Ассоциации (СА), которое полностью вступило в силу 1 сентября 2017 г. Важной компонентой подписанного соглашения является Договор об углубленной и расширенной зоне свободной торговли (DCFTA). На стадии подготовки данного двустороннего соглашения типа «ЗСТ плюс» публиковалось множество оптимистичных прогнозов, которые предсказывали преимущества для компаний из Украины, связанные со свободным выходом на единый рынок Евросоюза: существенный прирост экспорта, улучшение сальдо торгового баланса, общий рост внешнеторгового оборота, прирост инвестиций в экономику и др. Прогноз для Украины предусматривал увеличение объема экспорта за год на 1 млрд. долл. На практике в первый год действия соглашения внешнеторговый оборот сократился по стоимости со 140,3 до 108,3 млрд. долл. Экспорт украинских товаров в 2014 г. снизился с 63,3 до 53,9 млрд. долл., а импорт «сжался» с 77,0 до 54,4 млрд. долл. В 2015-2016 гг. падение продолжалось, как за счет экспорта, так и импорта.

По подсчетам украинских экономистов (А. Колтунович), общие прямые потери Украины в экспорте товаров на европей-

ский рынок за 4 года (2013-2017 гг.) составили 5,8 млрд. долл., несмотря на действие ЗСТ с ЕС. Импорт из ЕС в Украину превышает встречный экспорт, хотя условия торговли улучшились в результате глубокой девальвации гривны. Отрицательное saldo в торговле Украины с ЕС сохранялось, составив в 2018 г. 3,1 млрд. долл.

Низкий прирост украинского экспорта в ЕС был в значительной степени обеспечен наращиванием поставок продовольствия и с/х сырья (подсолнечное масло, соевые бобы, пшеница, мясо птицы, мед). В экспорте Украины в Евросоюз произошел также небольшой прирост доли машин, оборудования и транспортных средств в основном за счет поставок комплектов проводов для транспортных средств и электрических водонагревателей. Однако общий экспорт машин, оборудования и транспортных средств Украины за 2013-2018 гг. упал почти в два раза — с 10,6 до 5,5 млрд. долл., что во многом стало результатом потери российского рынка сбыта, на который в 2013 г. приходилось более половины (51,7%) всего украинского машинотехнического экспорта. Кроме того, в украинском экспорте в ЕС заметно снизилась доля (и стоимостной объем поставок) продукции химической промышленности, металлов и изделий из них.

Главные причины слабой динамики экспорта Украины в Евросоюз:

- очень «узкие» квоты, выделяемые для беспошлинного ввоза по наиболее конкурентоспособным товарам;
- неготовность предприятий-экспортеров промышленной продукции в сфере технической стандартизации и сертификации;
- множество нетарифных ограничений;
- сильная конкуренция с государствами-членами ЕС на внутреннем рынке Евросоюза по соотношению цена/качество продукции.

В этой связи правительство Украины уже неоднократно заявляло, что намерено начать переговоры о пересмотре Соглашения о зоне свободной торговли с ЕС и вместе с бизнес-кругами добиваться более благоприятных для страны экономических условий взаимодействия. Важным фактором развития страны выступает гармонизация законодательства Украины и ЕС, в том числе в сфере технического регулирования. Согласно «Индексу Восточного партнерства-2017», Украина стала лидером среди шести стран данного проекта по первому критерию — сближение с ЕС (показывает, как каждая из стран перенимает нормы Евросоюза и международные стандарты) и 3-е место по второму — связанность с ЕС (отражает, насколько тесно каждая из стран связана с Евросоюзом — связь между правительствами, в экономике и среди граждан) [8].

Ускоренная переориентация Украины на рынок ЕС сопровождалась резким спадом в торговле с Россией (табл. 3), что во многом стало результатом введения взаимных российско-украинских санкций и приостановки действия зоны свободной торговли между ними. В 2019 г. продолжилось падение взаимной торговли: по данным Госстата Украины, за январь-октябрь украинский экспорт в Россию снизился на 9,7%, а встречный импорт — на 11,1%. Взаимные ограничения крайне негативно сказываются на экспорте и общем объеме товарооборота Украины, а также на структурных сдвигах в ее экономике. Потеря российского рынка не компенсируется выходом на рынок ЕС с сопоставимыми объемами продукции, как в силу действующих в Евросоюзе ограничений в уровне либерализации, так и по причине низкой конкурентоспособности большинства видов украинской продукции.

Переориентация на рынок ЕС сопровождалась ухудшением отраслевой структу-

Таблица 3

Географическая структура внешней торговли Украины в 2013-2018 гг.

Показатели		Всего		ЕС-28		РФ	
		2013	2018	2013	2018	2013	2018
Экспорт	млн долл.	63320,5	47339,9	16764,1	20158,5	15077,3	3654,1
	%	100,0	100,0	26,5	42,6	23,8	7,7
Импорт	млн долл.	76986,0	57141,0	27047,6	23182,8	23244,0	8092,7
	%	100,0	100,0	35,1	40,6	30,2	14,2

Источники: составлено и рассчитано по данным Государственной службы статистики Украины (<http://www.ukrstat.gov.ua/>), ITC. Trade Map.

ры украинского экспорта. Из экспортера ракетной, авиационной техники, турбин, тепловозов, горно-шахтного оборудования и транспортных средств Украина превращается преимущественно в поставщика аграрно-сырьевой продукции. Утрата традиционных рынков для экспорта высоко- и среднетехнологичной продукции запустила в стране механизм деиндустриализации, рост безработицы и трудовой эмиграции. Вместе с тем, среди государств-торговых партнеров Украины РФ по-прежнему стоит на первом месте как по экспорту, так и по импорту. Последнее обстоятельство во многом обусловлено тем, что Украине в целом пока не удалось выйти и на рынки третьих стран (за пределами ЕС и РФ), на которые по-прежнему приходится около половины экспорта страны или $\frac{3}{4}$ от соответствующих стоимостных показателей 2013 г.

В этой связи крайне важным представляется развитие взаимодействия в формате «ЕС — Украина — Россия — ЕАЭС», кото-

рое во многом и будет определять характер двусторонних российско-украинских отношений. Однако выработать механизм сочтения (сопряжения, гармонизации) двух интеграций на практике еще только предстоит. В этом контексте следует рассматривать достижение в декабре 2019 г. договоренности между «Газпромом» и «Нафтогазом» об условиях и объеме транзитных поставок газа в Европу на ближайшие пять лет, что отвечает интересам обеих стран и Евросоюза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, прошедшая пятилетка стала для экономики Украины серьезным испытанием на прочность и сопровождалась значительными структурными и институциональными изменениями. Пережитый страной масштабный кризис не привел к дезинтеграции и разрушению ее экономики, хотя украинской экономике только предстоит встать на путь устойчивого и сбалансированного развития. В настоящее время по индексу глобальной конкурентоспособ-

ности (the Global Competitiveness Index 4.0) Украина находится лишь на 85 месте из 141 страны мира, существенно уступая не только Чехии (32), Польше (37), Словакии (42) и Венгрии (47), но и России (43), Казахстану (55) и Азербайджану (58) [9]. В среднесрочной перспективе экономическое развитие страны по-прежнему будет сдерживаться нерешенностью проблемы Донбасса, высокой долговой нагрузкой и дальнейшей эмиграцией экономически активного населения.

Произошедшая в 2019 г. смена политической власти на Украине вряд ли существенно повлияет на улучшение российско-украинских отношений. Разрыв торгово-экономических связей с РФ крайне болезненно отразился на состоянии украинской экономики, но это вовсе не означает

неизбежность восстановления экономического сотрудничества с Россией в будущем. За прошедшие пять лет экономики двух стран в значительной степени адаптировались к разрыву прежних взаимных кооперационных и технологических связей путем аграризации и масштабной эмиграции населения в случае с Украиной и развития программ импортозамещения — с Россией. Дальнейшая модернизация украинской экономики будет зависеть от готовности ЕС инвестировать в ее экономику, встраивать украинское производство в свои технологические цепочки. При этом Евросоюз вряд ли заинтересован в создании современного промышленного и инновационного комплекса на Украине, который бы превратил ее в конкурента для ведущих европейских транснациональных корпораций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Sakhuja A., Bhatia R. Ratings On Ukraine Affirmed At «B-/B»; Outlook Remains Stable. S&P Global Ratings. 2018. 19 Oct.
2. Sakhuja A., Bhatia R. Ukraine Ratings Raised To «B» On Improved Macroeconomic Management; Outlook Stable // S&P Global Ratings. 2019. 27 Sept.
3. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3-х т. Постсоветские государства / отв. ред. Л.Б. Вардомский. Санкт-Петербург: Алетейя; 2017. Т. 2. С. 417-452.
4. Гушин А.В. Украина после Евромайдана. Пять лет кризиса и надежд: рабочая тетрадь № 54/2019 [А.В. Гушин, А.С. Левченко; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: НП РСМД; 2019. 60 с.
5. Ukraine: the Country that Codes. IT Industry in Ukraine. 2019 Market Report. N-iX. 2019. August 29
6. Кривогуз М. Украинская экономика: как обстоят дела сегодня? Аналитические статьи РСМД. Москва: РСМД; 19 февраля 2019 г.
7. Кузнецов А.В., Володин А.Г. и др. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций—2017. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР; 2017. С. 45-48.
8. Eastern Partnership Index 2017. Charting Progress in European Integration, Democratic Reforms, and Sustainable Development. Eastern Partnership Civil Society Forum. December 2018. Pp. 18-24.
9. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2019. Geneva. World Economic Forum, 2019. Pp. 570-573.

REFERENCES:

1. Sakhuja A., Bhatia R. Ratings On Ukraine Affirmed At «B-/B»; Outlook Remains Stable. S&P Global Ratings. 2018. 19 Oct
2. Sakhuja A., Bhatia R. Ukraine Ratings Raised To «B» On Improved Macroeconomic Management; Outlook Stable // S&P Global Ratings. 2019. 27 Sept.
3. The Post-socialist world: transformation results: In three volumes / General editor S.P. Glinkina. / Post-Soviet states / Editor-in-chief L.B. Var-domskiy. Saint-Petersburg: Aletheia Publishing House; 2017. Vol. 2. P. 417-452. (In Russ.)
4. Gushchin A.V. Ukraine after Euromaidan. Five years of crisis and hopes: workbook No. 54/2019 [A.V. Gushchin, A.S. Levchenkov; ch. ed. I.S. Ivanov]; Russian Council on International Affairs (RIAC). Moscow: NP RIAC; 2019. 60 p. (In Russ.)
5. Ukraine: the Country that Codes. IT Industry in Ukraine. 2019 Market Report. *N-iX*. 2019. August 29.
6. Krivoguz M. Ukrainian economy: how are things today? Analytical articles by the RIAC. Moscow: Russian Council on International Affairs; February 19, 2019. (In Russ.)
7. Kuznetsov A.V., Volodin A.G. et al. EAEU and the countries of the Eurasian continent: monitoring and analysis of direct investments - 2017. Saint-Petersburg: CIS EDB; 2017. P. 45-48. (In Russ.)
8. Eastern Partnership Index 2017. Charting Progress in European Integration, Democratic Reforms, and Sustainable Development. Eastern Partnership Civil Society Forum. December 2018. Pp. 18-24.
9. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2019. Geneva. World Economic Forum, 2019. Pp. 570-573.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Артем Г. Пылин, кандидат экономических наук, Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32;
artem-pylin@yandex.ru

Artem G. Pylin, PhD in Economic Science, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russia;
artem-pylin@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития

Елена С. Устинович¹, Максим А. Бочанов²

¹ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия,
lenausti@mail.ru

²Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, г. Орел, Россия,
max8797@list.ru

Аннотация: В результате проведения на протяжении почти трех десятилетий экономических, административных реформ и реформ государственного управления в Российской Федерации, а также особенностей экономического развития России как федеративного государства в этот период сложилась ситуация, когда, с одной стороны, Российская Федерация смогла накопить достаточные объемы инвестиционных средств, а, с другой стороны, предоставила бизнес-сообществу возможности инвестирования в российскую экономику. Однако, эффективность социально-экономического развития страны в целом, напрямую зависит от уровня социально-экономического ее регионов. Научно-технологический и экономический прорыв возможен лишь в том случае, если свои ресурсы активизируют субъекты Российской Федерации. Между тем, как показывает современная практика политического и государственного управления в России, необходимо создание специализированных институтов развития на региональном уровне. На федеральном уровне эти вопросы практически нашли свое решение. На уровне регионов возникает еще достаточно барьеров, которые в рамках данной статьи, обозначены как политико-экономические барьеры.

Ключевые слова: государственная политика, институты регионального развития, политико-экономические барьеры

Для цитирования: Устинович Е. С., Бочанов М. А. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):55-62. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-55-62>

Статья поступила 23.01.2020

Принята в печать 11.02.2020

Опубликована 24.03.2020

Political and Economic Barriers of the Development of State Policy on the Creation of Institutions of Regional Development

Elena S. Ustinovich¹, Maxim A. Bochanov²

¹Southwest State University, Kursk, Russia,

lenausti@mail.ru

²Central Russian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia,

max8797@list.ru

Abstract: As a result of almost three decades of economic, administrative and public administration reforms in the Russian Federation, as well as features of the economic development of Russia as a federal state during this period, a situation developed when, on the one hand, the Russian Federation was able to accumulate sufficient investment funds, and, on the other hand, provided the business community with the opportunity to invest in the Russian economy.

However, the effectiveness of the socio-economic development of the country as a whole, directly depends on the level of its socio-economic regions. Scientific, technological and economic breakthrough is possible only if the subjects of the Russian Federation activate their resources. Meanwhile, as the current practice of political and public administration in Russia shows, it is necessary to create specialized development institutions at the regional level. At the federal level, these issues have practically been resolved. At the regional level, there are still quite a lot of barriers, which in the framework of this article are designated as political and economic barriers.

Keywords: state policy, institutions of regional development, political and economic barriers

For citation: Ustinovich E.S., Bochanov M.A. Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):55-62. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-55-62>

Received 23.01.2020

Revised 11.02.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской экономике существует ряд барьеров, которые можно охарактеризовать как политико-экономические барьеры, препятствующие, или, как минимум, оказывающие тормозящее воздействие на эффективность экономической политики государства в целом,

а также, ее переходу к устоявшемуся высокому продолжительному росту.

Безусловно, также и то, что политико-экономические барьеры значительно затрудняют требования политического руководства страны, направленные на обеспечение прорывного научно-технологического

ческого и социально-экономического развития России [1].

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ

Сложившаяся ситуация с политико-экономическими барьерами объясняется тем, что инвестиционный сектор российской экономики требует значительных финансовых вложений, объем которых не соответствует реальному объему долгосрочных займовых средств, который способен сегодня предоставить российский частный финансовый сектор.

Сегодня инвестиционный кредитный портфель частного сектора российской экономики представляет собой 15-процентную часть кредитов сроком свыше трех лет в общем объеме ссуд, предоставленных предприятиям отечественными банками (без учета Сбербанка). Финансирование же инвестиций в основной капитал, привлеченных на внутреннем рынке кредитов составляет менее 9%.

Еще в 1993 году субъекты Российской Федерации получили право заимствовать средства у коммерческих банков или выпускать займы на инвестиционные цели [2]. При этом Бюджетный кодекс Российской Федерации [3] ввел определенные ограничения для субъектов. А именно: 1) предельный объем государственного долга субъекта Российской Федерации не должен превышать (как и муниципального долга) объем доходов соответствующего бюджета без учета финансовой помощи из бюджетов других уровней бюджетной системы Российской Федерации (10, ст.107); 2) предельный объем расходов на обслуживание государственного долга субъекта Российской Федерации не должен превышать 15% объема расходов его бюджета (то же и для муниципалитетов) (10, ст.111).

Однако, бюджетные кредиты, к сожалению, не смогли достичь своих целей. В рекомендациях по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики», утвержденной Министерством финансов РФ, «В 2009–2015 гг. бюджетные кредиты стали играть важную роль в заемной политике субъектов. В этот период долг субъектов увеличился с 0,6 трлн. рублей до 2,2 трлн. рублей, а доля бюджетных кредитов в общей сумме долга возросла более чем в 5 раз — с 7 до 37%» [4].

Таким образом, бюджетное кредитование не направлено ни законодательно, ни де-факто на формирование государственной политики формирования институтов развития.

Содержание следующего барьера составляет де-факто рудиментарное состояние финансовой, производственно-технологической и кадровой инфраструктуры, которая априори должна гарантировать деятельность инновационного бизнеса и привлечение прибыли от результатов научных разработок.

Это создает затруднения в выстраивании устойчивых и воспроизводящихся инновационных связей в парадигме «фундаментальные исследования — прикладные НИ-ОКР — коммерческие технологии». В этом случае, затрудняется не только задача обеспечения прорыва в экономическом развитии России, но и задача воспроизводства потенциала российской науки.

Кроме того, это, конечно же, неравные конкурентные условия российских производителей, выходящих на международные рынки, по сравнению с экспортерами из других стран. Условия поставки российской высокотехнологической продукции на внешние рынки сегодня ограничены целым рядом факторов внешнеполитического и внешнеэкономического характера, в том числе, фактическим лишением воз-

возможностей предоставления кредитования и страхования, слабости системы адаптации продукции к требованиям заказчика и ее послепродажного обслуживания и т. д.

По сути, российские производители с 2014 года находятся, как отмечает Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин, «Под беспрецедентным (неправовым, т. е. противоречащим нормам международного права) экономическим, и прежде всего санкционным, давлением на Россию со стороны США и Западной Европы» [5].

Следующим важнейшим барьером разработки и, тем более, реализации государственной политики по созданию институтов регионального развития становятся собственно проблемы регионального и пространственного развития в России. Одним из важнейших факторов здесь выступает национальный человеческий капитал.

В частности, реализация программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и цифровая трансформация всех сфер общественной жизни страны объективно требуют формирования необходимого человеческого капитала и интеллектуального потенциала во всех регионах и отраслях национальной экономики. В соответствии с целями и задачами программы должны быть созданы ключевые условия для формирования кадров цифровой экономики, совершенствования системы образования, обеспечения цифровой экономики компетентными кадрами.

При этом, национальный человеческий капитал в России существенно дифференцирован в региональном и отраслевом аспектах, что требует нетривиальной диагностики каждого структурного элемента для формирования системы управления развитием общегосударственного интеллекта. Исторические особенности формирования отраслевой и региональной структуры эко-

номики страны привели к определенным диспропорциям в локализации человеческого капитала и развитии интеллекта.

Однако в условиях современного развития цифровой экономики, необходимости достижения принципиально нового качества экономического роста, формирования цифровых компетенций и создания интеллектуального социально-экономического пространства необходимы системные трансформации, преобразующие структуру национального человеческого капитала и интеллекта.

Главное, на что следует обратить внимание — процесс формирования государственной политики создания институтов развития осуществляется различными темпами на федеральном и региональном уровне. На федеральном уровне уже фактически создано более 70% такого рода институтов развития.

В этой связи, А. И. Татаркин и С. Н. Котлярова отмечают, что работе «В России сегодня представлен практически весь спектр институтов развития, известных и функционирующих в мире. Действующая система включает более 15 организаций, ориентированных на поддержку малого бизнеса, стимулирование экспорта и жилищного строительства, развитие передовых технологий, международного инвестиционного сотрудничества» [6].

Между тем, значительные проблемы сегодня остаются на уровне регионов России. Перед субъектами Российской Федерации поставлена непростая задача в области развития инвестиционных институтов. Для решения этой задачи необходима системная, четко сформулированная региональная инвестиционная политика. Очевидно, что эффективное социально-экономическое развитие субъектов РФ, при осуществлении региональной политики, невозможно качественно, без создания соразмерных

институциональных основ. В связи с чем, в структуре анализа институтов развития региона, в части повышения эффективности внедрения финансовой политики, необходима грамотная и точная оценка затрат проходящего процесса.

Помимо основных расходов при осуществлении инвестиционных проектов, обращает на себя внимание затраты, возникающие вследствие заключения контрактов. Подавляющая часть органов власти, ответственных за работу инвестиционной политики, не принимают во внимание институциональные аспекты реалии региона, а также трансакционные затраты, являющиеся обязательной частью данного процесса.

Сегодня регионы России — основа социально-экономического развития страны. Именно в регионах находят свое воплощение государственные стратегии развития. Однако, по мнению В. Смирнова, «повышение самостоятельности регионов привело к изменению их социально-экономического состояния, а также их дальнейшей дифференциации по причинам различия в экономических, социальных, экологических и прочих условий» [7].

Соглашаясь с мнением В. Смирнова, подчеркнем, что, к большому сожалению, сугубо политические факторы при анализе результатов социально-экономического развития регионов России, как правило, не учитываются. Это относится как к практике политического и государственного управления, так и научно-исследовательским разработкам на уровне регионов. Очевидно, что они до сих пор в значительной степени находятся в центре внимания российской экономической науки, нежели политической.

Между тем, очевидно, что в практике государственного управления на региональном уровне успешность социально-экономического развития того или иного

субъекта Российской Федерации, зависит не только от того, являются ли они держателями такого актива как углеводороды. Нельзя не учитывать фактор института губернаторства, глав регионов России — Президентов республик в составе Российской Федерации и т. д. [8]. Зачастую именно фактор «губернатора» играет важную роль по итогам мониторинга социально-экономического развития того или иного региона.

Напомним, в этой связи, что в Российской Федерации уже почти полтора десятка лет существует система оценки деятельности губернаторов, введенная в 2007 году Указом Президента Российской Федерации [9; 10] и включающая в себя более 400 критериев.

Среди «инвестиционных» показателей в президентском Указе 2019 года выделен один — «Показатель «Объем инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета» на период до 2024 года включительно» [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня на субъекты Российской Федерации возложена задача формирования государственной политики по созданию институтов развития, т. к. на федеральном уровне он практически находится в завершающей стадии.

Задача эта носит сложный комплексный характер, т. к. она объективно сдерживается факторами, которые можно объединить и обозначить как политико-экономические, при которых именно политический, но очень недооцененный, фактор, зачастую, является определяющим в успехе формирования государственной политики по созданию институтов развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 №204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения 08.02.2020).
2. Закон РФ «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт - Петербурга, органов местного самоуправления» от 15.04.1993 №4807-1 (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2035/ (дата обращения 08.02.2020).
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации. от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения 08.02.2020).
4. «Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики» (утв. Минфин России). URL: <https://legalacts.ru/doc/rekomendatsii-po-provedeniiu-subektami-rossiiskoi-federatsii-otvetstvennoi/> (дата обращения 08.02.2020)
5. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения: 08.02.2020).
6. Татаркин А.И. Региональные институты развития как факторы экономического роста. *Экономика региона*. 2016;3(35):9–18.
7. Смирнов В. Социально-экономические условия эффективного развития регионов: оценка, интеграционный вектор. *Проблемы теории и практики управления*. 2018;3:31–39.
8. Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;1:1924
9. Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. №1199 (ред. от 2 мая 2014 г.) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». *Собрание законодательства РФ*. 2012. 27 августа. №35. Ст. 4774.
10. Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2014 г. №214 «О внесении изменений в перечень направлений для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности», утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. №1276. *Собрание законодательства РФ*. 2014. 14 апреля. №15. Ст. 1727
11. Указ Президента РФ от 25.04.2019 №193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ (дата обращения 08.02.2020).

REFERENCES:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 05.05.2018 №204 (as amended on 07/19/2018) «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).
2. The law of the Russian Federation «On the basis of budgetary rights and the rights to form and use extra-budgetary funds of representative and executive bodies of state power of the republics as part of the Russian Federation, autonomous region, autonomous okrugs, territories, regions, cities of Moscow and St. Petersburg, local governments» dated 04.15.1993 №4807-1 (latest edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2035/ [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).
3. The budget code of the Russian Federation. dated July 31, 1998 №145-ФЗ (as amended on December 27, 2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).
4. «Recommendations on the implementation by the constituent entities of the Russian Federation of a responsible borrowing/debt policy» (approved by the Ministry of Finance of Russia). URL: <https://legalacts.ru/doc/rekomendatsii-po-provedeniiu-subektami-rossiiskoi-federatsii-otvetstvennoi/> [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).
5. Zorkin V.D. The letter and spirit of the Constitution. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).
6. Tatarkin A.I. Regional development institutions as factors of economic growth. *Economy of the region*. 2016;3(35):9–18 (In Russ.).
7. Smirnov V. Socio-economic conditions for the effective development of regions: assessment, integration vector. *Problems of theory and practice of management*. 2018;3:31–39 (In Russ.).
8. Grishin O.E. The stability of the political system: concept, approaches, regulators. *Modern problems of science and education*. 2015;1:1924 (In Russ.).
9. Decree of the President of the Russian Federation of August 21, 2012 №1199 (as amended on May 2, 2014) «On the assessment of the effectiveness of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation». *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2012. August 27th. №35. Art. 4774 (In Russ.).
10. Decree of the President of the Russian Federation of April 7, 2014 №214 «On amendments to the list of directions for evaluating the effectiveness of the activities of the heads of federal executive bodies in creating favorable conditions for doing business», approved by Decree of the President of the Russian Federation of September 10, 2012 №1276. *Collection of the legislation of the Russian Federation*. 2014. April 14th. Number 15. Art. 1727 (In Russ.).
11. Decree of the President of the Russian Federation of April 25, 2019 №193 «On assessing the effectiveness of the activities of senior officials (heads of the highest executive bodies of state power) of the constituent entities of the Russian Federation and the activities of executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ [Accessed: 08.02.2020] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена С. Устинович, доктор политических наук, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия; 305040, Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94;

lenausti@mail.ru

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Southwest State University, Kursk, Russia; bld. 94, 50 years of October str., Kursk, 305040, Russia;

lenausti@mail.ru

Максим А. Бочанов, кандидат политических наук, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Орел, Россия; 302028, Россия, Орел, бульвар Победы, д.5А;

max8797@list.ru

Maxim A. Bochanov, Candidate of Political Science, Central Russian Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia; bld. 5A, Victory boul. Pobedy str., Oryol, 302028, Russia;

max8797@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества

Елена Г. Гарбузарова

*Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизская Республика,
play_elenag@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируются российско-туркменские отношения, которые на современном этапе отличаются особым динамизмом. Благодаря возврату в 2019 г. российского «Газпрома» на энергетический рынок Туркменистана сотрудничество между двумя странами активизировалось. Обосновывается ведущая роль энергетического фактора в отношениях между Россией и Туркменистаном. Проблемы, возникающие в сотрудничестве двух стран в нефтегазовой сфере, негативно отражаются на общем фоне двусторонних взаимоотношений. Рассматриваются внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивается Россия на туркменском направлении. Показана нацеленность России на укрепление военно-политического сотрудничества с Туркменистаном. Несмотря на то, что интересы России и Туркменистана пересекаются, подходы к их реализации заметно отличаются. Внешнеполитические действия Туркменистана всецело определяются его внутриполитическими приоритетами. Туркменистан, опасаясь чрезмерной зависимости от России и опираясь на свой нейтральный статус, не спешит к установлению более тесных связей с Россией, ограничиваясь исключительно газовой сферой. Делается вывод, что будущее российско-туркменских отношений будет во многом зависеть от способности двух стран прийти к согласованным решениям по нефтегазовому вопросу.

Ключевые слова: Туркменистан, Россия, углеводороды, стратегическое партнерство, региональная безопасность, СНГ

Для цитирования: Гарбузарова Е. Г. Россия в Туркменистане: курс на укрепление сотрудничества. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):63-72. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-63-72>

Статья поступила 18.12.2019

Принята в печать 14.02.2020

Опубликована 24.03.2020

Russia in Turkmenistan: the Policy of Strengthening Cooperation

Elena G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic,

play_elenag@mail.ru

Abstract: The article analyzes the Russian-Turkmen relations, which at the present stage are characterized by special dynamism. Thanks to the return of Russian Gazprom to the energy market of Turkmenistan in 2019, cooperation between the two countries has intensified. The leading role of the energy factor in the relations between Russia and Turkmenistan is substantiated. The problems arising in cooperation between the two countries in the oil and gas sector have a negative impact on the overall background of bilateral relations. The article considers the external and internal challenges faced by Russia in the Turkmen direction. Russia's focus on strengthening military-political cooperation with Turkmenistan is shown. Despite the fact that the interests of Russia and Turkmenistan overlap, approaches to their implementation are markedly different. Turkmenistan's foreign policy actions are entirely determined by its domestic political priorities. Turkmenistan, fearing excessive dependence on Russia and relying on its neutral status, is in no hurry to establish closer ties with Russia, limiting itself exclusively to the gas sphere. It is concluded that the future of Russian-Turkmen relations will largely depend on the ability of the two countries to come to agreed decisions on the oil and gas issue.

Keywords: Turkmenistan, Russia, hydrocarbons, strategic partnership, regional security, CIS

For citation: Garbuzarova E. G. Russia in Turkmenistan: the Policy of Strengthening Cooperation. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):63-72. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-63-72>

Received 18.12.2019

Revised 14.02.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

Сотрудничество между Россией и Туркменистаном всегда носило ограниченный характер в силу нейтрального статуса Туркменистана на международной арене. В 90-е годы Россия в силу своих внутренних политических проблем бездействовала на постсоветском пространстве. В свою очередь, Туркменистан, получив 12 декабря 1995 г. статус нейтрального государства, стремился дистанцироваться от России

и избегал любых форматов многостороннего взаимодействия. Такой специфический статус республики определял характер ее отношений с региональными и глобальными акторами. Власти Туркменистана прилагали значительные усилия, чтобы привести внешнюю политику в соответствие с внутренними задачами.

Как известно, устойчивое экономическое развитие Туркменистана напрямую зависит

от экспорта углеводородов. Сбои, возникающие в нефтегазовой сфере, негативно отражаются на социально-экономической обстановке в Туркменистане. Поэтому в своей внешней политике Туркменистан, действуя в духе прагматизма, прилагает значительные усилия с целью диверсификации маршрутов транспортировки углеводородных ресурсов. С момента обретения независимости власти Туркменистана проявляли значительный интерес к завышению данных по запасам углеводородных ресурсов с целью привлечь иностранный капитал к разработке нефтегазовых месторождений [1].

Россия является одним из транзитеров туркменских углеводородов. Ключевым документом, определяющим характер отношений между Россией и Туркменистаном, является Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в 2002 г. в Ашхабаде. В 2003 г. во время визита президента Туркменистана С.Ниязова в Москву было подписано два ключевых соглашения, ориентированных на сотрудничество в энергетической сфере и взаимодействие в области безопасности. Военное взаимодействие двух стран предусматривалось в совместной борьбе против международного терроризма, наркотрафика, незаконной торговли оружием [2].

Приоритетной сферой сотрудничества между двумя государствами всегда являлась нефтегазовая отрасль, что обусловлено богатыми залежами углеводородов в Туркмении. Страна занимает четвертое место в мире по запасам газа после России, Ирана и Катара. Экономическое развитие Туркменистана во многом зависит от цен на энергоносители, продажа которых на 85% формирует бюджет страны. Власти Туркмении стремились диверсифицировать экспортные поставки углеводородов, реализуя проекты, предлагаемые Европей-

ским Союзом, Китаем и Ираном. В 2003 г. было заключено соглашение между Россией и Туркменистаном, предусматривающее поставки газа в Россию в течение 25 лет. Однако сотрудничество в газовой сфере между двумя государствами оказалось далеко не безоблачным.

Чрезмерная активность США и ЕС в Прикаспийском регионе вынуждала Россию разрабатывать новые проекты сотрудничества с Туркменистаном в энергетической сфере, которые позволяли бы укрепить позиции России на Каспии. Таким проектом стал Прикаспийский газопровод, решение о строительстве которого было принято на встрече президентов России, Казахстана и Туркменистана в 2007 г. Идея строительства Прикаспийского газопровода появилась еще в 1990-х г., «став своеобразным ответом России на усилия Азербайджана и США по созданию Транскаспийского газопровода через Каспийское море» [3]. Однако боязнь оказаться в сильной зависимости от России подтолкнула власти Туркменистана пересмотреть свои планы по данному проекту и исключить в нем участие российского «Газпрома» [4]. В этот момент Ашхабад продемонстрировал приверженность принципам диверсификации в своей энергетической политике: сделал шаг в сторону сотрудничества с Китаем, показал готовность участвовать в европейских трубопроводных проектах.

Пик кризиса пришелся на период с 2009 по 2010 гг., когда отношения между Россией и Туркменистаном значительно осложнились. Тогда Россия приняла решение снизить закупки туркменского газа, что было обусловлено повышением туркменскими властями цены на газ и отказ Украины закупать газ напрямую из России. Приостановка Россией импорта туркменского газа более чем на полгода привела к снижению его добычи в Туркменистане, когда было

законсервировано около 150 скважин [5]. В этот период власти Туркменистана стали активно проводить политику диверсификации маршрутов экспорта углеводородов, развивая нефтегазовое сотрудничество с Китаем и Ираном.

Постепенно снижая закупки туркменского газа, в 2016 г. российский «Газпром» принял решение вообще отказаться от импорта газа у Туркменистана, мотивировав решение «изменившейся конъюнктурой на международном газовом рынке» [6]. Однако разногласия в основном касались цен на газ, договориться о которых две стороны так и не смогли. Приостановка российско-туркменского сотрудничества в газовой сфере ликвидировала возможность поставок в Туркменистан военной техники из России [7].

В октябре 2017 г. российско-туркменские отношения достигли уровня стратегического партнерства. По итогам официального визита президента России в Туркменистан был подписан соответствующий договор. В дополнение к этому договорно-правовую базу двустороннего сотрудничества формирует пакет из 180 международных документов межгосударственного, межправительственного и межведомственного уровней [8]. В ходе визита обсуждались не только вопросы экономического сотрудничества между двумя странами, но и проблемы региональной безопасности, связанные с напряженной ситуацией в Афганистане. Ашхабад рассматривает Россию скорее как фактор своего динамичного экономического развития и в силу своего нейтрального статуса не заинтересован в развитии военно-политического сотрудничества с Россией. Власти Туркменистана пока справляются самостоятельно с возникающей напряженностью на туркменско-афганской границе, однако, как считают эксперты, в случае чрезмерного обострения Ашхабаду придется искать

помощи извне [9]. Россия может оказать такую помощь, так как для Москвы обеспечение безопасности в Центральной Азии является приоритетной задачей.

Официальный визит президента России в Туркменистан ознаменовал начало нового этапа в сотрудничестве двух государств. Неожиданным стало предложение президента Туркменистана, адресованное России, принять участие в строительстве магистрального трубопровода ТАПИ [6]. Россия неоднократно выражала готовность принять участие в проекте ТАПИ, однако ее предложения не находили поддержки у участников проекта. Это объясняется геополитическим характером проекта, продвигаемого США с целью ограничить влияние России в Центральной Азии. В декабре 2018 г. В. Путин заявил, что Россия готова принять участие в реализации проекта ТАПИ с целью содействовать выходу Афганистана из кризиса. Присоединение России к проекту ТАПИ могло бы решить для России сразу две задачи: во-первых, усилить ее роль в обеспечении региональной безопасности, во-вторых, повысить ее влияние в регионе.

Однако есть другой газовый проект, который идет вразрез интересам России в Прикаспийском регионе и в Центральной Азии. Речь идет о проекте строительстве Транскаспийского газопровода (ТКГП) из Туркменистана в Азербайджан, планы по реализации которого уже насчитывают ни одно десятилетие, начиная с конца 90-х г. В последнее время вновь стал подниматься вопрос о строительстве ТКГП, благодаря широкой информационной кампании, организованной странами Запада и международными финансовыми структурами [10]. США и ЕС, лоббируя данный проект, преследуют важные геополитические интересы в регионе и предлагают прикаспийским государствам проекты, имеющие антироссий-

скую окраску. Активизация деятельности стран Запада в Прикаспийском регионе стала причиной возврата «Газпрома» к покупке туркменского газа. И если впервые годы своей независимости Туркменистан стремился к диверсификации газовых маршрутов в направлении ЕС и Китая, минуя Россию, то на современном этапе Ашхабад начинает рассматривать Россию в качестве альтернативы в первую очередь Китаю, который по сути стал основным экспортёром туркменского газа. В свою очередь Китай до настоящего времени не проявлял активности в строительстве четвертой нитки газопровода Центральная Азия — Китай. В августе 2019 г. Китай и компания «Узбекнефтегаз» анонсировали начало подготовки проекта строительства четвертой нитки газопровода «Центральная Азия — Китай» [11]. В рамках проекта предполагается увеличить экспорт природного газа в Китай до 65 млрд. м³ газа в год. Интересно, что действующая трубопроводная магистраль Туркменистан-Китай по своей мощности рассчитана на 55 млрд. м³ газа, а заполняется всего на 36 млрд. м³. Между тем строительство четвертой ветки позволит Китаю расширить свое политическое влияние сразу в четырех Центральноазиатских государствах (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан), через территорию которых пройдет новая линия газопровода Центральная Азия — Китай.

В последнее время отношения между Россией и Туркменистаном развиваются по восходящей линии. Импульсом для укрепления этих отношений стало решение «Газпрома» о возобновлении поставок туркменского газа в Россию. После трехлетнего перерыва в 2019 г. руководство «Газпрома» объявило, что возобновляет закупку газа у Туркменистана. Дрейф России в сторону Туркменистана скорее связан с интересами обеспечения безопасности,

нежели желанием закупать туркменский газ. Россия неоднократно предлагала Туркменистану содействие в области региональной секьюритизации и предпринимала попытки интегрировать страну в систему коллективной Центральноазиатской безопасности. Однако власти Туркменистана не спешат взаимодействовать по вопросам укрепления региональной безопасности с Россией, полагаясь на свою собственную военную силу.

Появление боевиков ИГИЛ (организация, запрещенная в России) в Афганистане диктует России необходимость усилить ее военно-политическое влияние в Центральной Азии для своевременного отражения вызовов и угроз региональной безопасности. Интересы России и Туркменистана совпадают: оба государства заинтересованы в своевременном реагировании на дестабилизацию афгано-туркменской границы. Россия имеет опыт практической борьбы с террористами на Ближнем Востоке, где показала свою эффективность в деле по освобождению территорий от террористов и помогала местным властям взять ситуацию под свой контроль. Туркменистан не имеет такого опыта ведения войны против радикальных экстремистов и террористов. По мнению Т. А. Ганиева и В. В. Карякина, Туркменистану во времена президентства С. Ниязова удалось заключить «пакт с талибами о ненападении» [12] и сделать афгано-туркменскую границу менее напряженной. По мнению этих исследователей, в настоящее время реализация такого сценария развития текущих событий исключена [12]. В такой ситуации власти Туркменистана пока склоняются в сторону сближения с Узбекистаном и отказывают России в военном сотрудничестве.

Отношения между Россией и Туркменистаном в военной сфере ограничиваются лишь закупкой военной техники. Следует

заметить, что до начала XXI в. оба государства уделяли значительное внимание двустороннему военно-техническому сотрудничеству. Однако отсутствие согласия по газовому вопросу осложняли сотрудничество в военной сфере. Так было каждый раз, как только политическим лидерам России и Туркменистана не удавалось договориться по газовому вопросу, блокировалась возможность выхода военного сотрудничества на новый уровень развития.

Между тем эксперты отмечают отсутствие у России потребностей в приобретении газа у Туркменистана из-за проблем с его окупаемостью [13]. Кроме того, раньше туркменский газ поставлялся на Украину, но в последние годы такие поставки были приостановлены. Следовательно, причины возобновления импорта туркменского газа Россией носят политический характер. По мнению эксперта по Центральной Азии и Среднему Востоку А. Князева, Россия рассматривает туркменский газ как инструмент — в обмен на внешнеэкономические и внешнеполитические уступки со стороны Туркменистана [14]. Приоритетом внешней политики России в Туркменистане является недопущение прорыва туркменско-афганской границы, которая находится в состоянии перманентной нестабильности. Возобновляя покупки туркменского газа, Россия рассчитывает на лояльность со стороны туркменского руководства в вопросах безопасности, что подразумевает тесную координацию деятельности спецслужб, правоохранительных органов и постоянный обмен информацией.

Возвращение «Газпрома» в Туркменистан может решить две главные задачи для российской внешней политики в Центральной Азии: во-первых, блокируется возможность усиления позиций третьих стран в регионе, следовательно, неясной становится перспектива строительства Транскаспий-

ского трубопровода; во-вторых, Россия получает шанс заполнить «Турецкий поток» туркменским газом, что в свою очередь снизит транспортные издержки и позволит перенаправить газ с месторождений Ямала и Западной Сибири на проекты «Северный поток–2» и «Балтийский СПГ» [15].

Торгово-экономические отношения между Россией и Туркменистаном носят ограниченный характер. До 2016 г. наблюдалась динамика в торгово-экономических отношениях между двумя странами: товарооборот достигал 901 млн. долларов [16]. По данным Федеральной Таможенной службы России в 2017 г. взаимная торговля между странами сократилась на 52,52% по сравнению с 2016 г. и составила 428 млн. долларов. Товарооборот между двумя странами по итогам 2018 г. увеличился на 3,71% по сравнению с 2017 г. и составил 444 млн. долларов.

Туркменистан дистанцируется от всех постсоветских интеграционных объединений, куда входит Россия, и только принимает участие в заседаниях СНГ, вероятно потому, что именно в Ашхабаде было предложено создать новый постсоветский интеграционный союз. В 2005 г. статус Туркменистана в СНГ был сведён до уровня ассоциированного члена. Это решение было принято по просьбе самого Туркменистана, который представил в СНГ специальное заявление. В нем отмечалось, что «с учетом своего нейтрального статуса Туркменистан в составе СНГ не может принимать участия в военных и правоохранительных объединениях, а также в органах и структурах с надгосударственными полномочиями» [17]. При этом было заявлено, что Туркменистан готов «участвовать в многосторонних связях в рамках СНГ, кроме деятельности в военных и силовых структурах организации» [17]. С юридической стороны статус ассоциированного члена позволяет Тур-

кменистану принимать участие в заседаниях организации, дает право на получение всех необходимых документов, по своему выбору подписывать и/или ратифицировать те или иные соглашения, но при этом данное государство не имеет право участвовать в голосовании и быть избранным в ее органы [12]. В период правления первого президента Туркменистана С. Ниязова и по настоящее время позиция Туркменистана относительно участия в СНГ основывается на том, что отношения в рамках организации должны строиться на основе максимального учета интересов каждого государства, и Содружество должно быть не координирующим центром, а консультативной площадкой [18].

Негативное воздействие на отношения между Россией и Туркменистаном оказывает проблема бипатридов. Еще в 2003 г. власти республики в одностороннем порядке приняли решение выйти из соглашения о двойном гражданстве, которое было подписано между политическими лидерами России и Туркменистана в 1994 г. С целью закрепить принятое решение власти Туркменистана в 2008 г. обнародовали новую Конституцию, согласно которой гражданам Туркменистана запрещается иметь второе гражданство. Таким образом, русскоязычное население, имеющее как российское, так и туркменское гражданство, не признается в республике. Такой недружественный жест туркменских властей по отношению к русскоязычному населению, проживающему в Туркменистане, отрицательно отразился на сотрудничестве двух стран. При этом принятое решение о бипатридах позволило властям Туркменистана обрести инструмент давления на Россию в вопросах о будущем признании лиц с двойным гражданством.

Туркменистан заинтересован в установлении внешнеэкономических связей с субъ-

ектами России. В центре экономических интересов Туркменистана развитие сотрудничества с Татарстаном, Челябинской, Свердловской, Астраханской, Костромской, Псковской, Саратовской и другими областями. Например, с Татарстаном Туркменистан развивает сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической и культурной сфере. Ашхабад проявляет значительный интерес к новым технологиям по добыче и переработке нефти и газа. С этой целью президент Туркменистана Г. Бердымухамедов в июне 2019 г. прибыл с рабочим визитом в Татарстан. В ходе визита президент Туркменистана посетил выставку промышленной продукции, познакомился с новыми технологиями в сфере нефтедобычи и нефтепереработки, обсудил с татарскими производителями адаптацию некоторых видов техники к условиям Туркменистана [19].

Туркменистан, как и прежде, верен своей политике многовекторности и балансирует между мировыми влиятельными центрами силы. Значимость Туркменистана для России определяется его богатыми углеводородными ресурсами и географическим положением. Москва проявляет заинтересованность в развитии и укреплении политического и экономического сотрудничества с республикой. В последние годы у Туркменистана наблюдается повышенный интерес к укреплению сотрудничества с Россией. Насколько долгим будет этот интерес, сказать сложно, но в то же время ясно одно, что оба государства имеют разные приоритеты. Для России важно не допустить усиления влияния стран Запада в Каспийском регионе и в Центральной Азии и постараться заинтересовать Туркменистан в необходимости координации усилий на афганском направлении. Туркменистан особую значимость придает укреплению сотрудничества с Россией на энергетическом треке.

Таким образом, Россия заинтересована в развитии и углублении стратегического партнерства с Туркменистаном в области обеспечения региональной безопасности. Намечившаяся активизация двухстороннего взаимодействия в газовой сфере дает основания полагать, что отношения между двумя странами выходят на новый уровень

развития. При этом снижение уровня доверия между Россией и Туркменистаном препятствует реализации всего имеющегося потенциала возможностей. Необходимо понимать, что отсутствие согласия по газовому вопросу между двумя странами служит ограничителем их всестороннего и полноценного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион: политика, экономика, сотрудничество. Москва: Аспект-Пресс; 2017. 304 с.
2. Парамонов В., Столповский О. Двустороннее сотрудничество России и Туркменистана в военной сфере. URL: <http://www.ceasia.ru/bezopastnost/88-2010-07-04-18-10-48.html> (дата обращения: 12.09.2019)
3. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе (энергетическая составляющая). Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте. Сборник научных статей. Москва: Московский Университет им. С.Ю. Витте. 2015. С. 75-84.
4. Морозов А.И. Туркменистан и Россия: партнер или конкурент. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014;2:181-190.
5. Кузьмина Е. Туркмения на современном этапе: проблемы и возможности развития. *Россия и мусульманский мир*. 2012;9:75-91.
6. Газопровод ТАПИ. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/204418-gazoprovod-tapi-stali-izvestny-podrobnosti-telefonnogo-zvonka-prezidenta-turkmenistana-g-berdymukham/> (дата обращения: 12.09.2019)
7. Россия и Туркменистан могут действовать в необъявленном тандеме. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2016/11/25/rossiya-i-turkmenistan-mogut-deystvovat-v-neobyavlennom-tandeme-intervyu> (дата обращения: 12.09.2019)
8. Туркменистан и Россия: по пути стратегического партнерства. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1855> (дата обращения: 12.09.2019)
9. «Газпром» может вернуться в Туркменистан. URL: http://nvo.ng.ru/cis/2018-07-30/5_7277_turkmenia.html (дата обращения: 12.09.2019)
10. Жильцов С.С. Запад выступает за прокладку газопровода между Туркменистаном и Азербайджаном. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2019-10-07/9_7695_gaspipeline.html (дата обращения: 12.09.2019)
11. Туркмения намерена нарастить экспорт газа в КНР до 65 млрд кубометров в год. URL: <https://regnum.ru/news/2695082.html> (дата обращения: 12.09.2019)
12. Ганиев Т.А., Карякин В.В. Военно-политическая обстановка в Исламской Республике Афганистан и ее влияние на безопасность Центрально-Азиатского региона СНГ. *Электронный научный журнал «Архонт»*. 2018;5(8):12-20.
13. Эксперт назвал причины приостановки и возобновления поставок газа из Туркмении в Россию. URL: <https://rueconomics.ru/387968-ekspert-nazval-prichiny-priostanovki-i-vozobnovleniya-postavok-gaza-iz-turkmenii-v-rossiyu> (дата обращения: 12.09.2019)
14. Россия возобновит закупку туркменского газа. URL: http://www.ng.ru/cis/2018-10-10/6_7329_turkmenia.html (дата обращения: 12.09.2019)
15. «Пузырь» газового счастья Туркмении. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-03->

- [21--puzyr-gazovogo-schastja-turkmenii-41705](#)
(дата обращения: 12.09.2019)
16. Торговля между Россией и Туркменистаном в 2016 г. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-turkmenistanom-v-2016-g/>
(дата обращения: 12.09.2019)
17. Эксперты СНГ обсудят проект соглашения о членстве Туркмении в СНГ в качестве ассоциированного члена. URL: <https://www.newsru.com/world/18jan2006/turkmens.html>
(дата обращения: 12.09.2019)
18. Аманжолов Ж.М. Туркменистан и его постоянный нейтралитет: международно-правовой статус современного государства. *Государство и право*. 2012;6:90-98.
19. По прибытии в Казань Президент Туркменистана ознакомился с выставкой промышленной продукции Татарстана. URL: <https://turkmenportal.com/blog/19961/po-pribytii-v-kazan-prezident-turkmenistana-oznakomilsya-s-vystavkoi-promyshlennoi-produkcii-tatarstana> (дата обращения: 12.09.2019)

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S., Sonn I.S. Caspian region: politics, economy, cooperation. Moscow: Aspect-Press; 2017. 304 p. (In Russ.)
2. Paramonov V., Stolpovsky O. Bilateral cooperation between Russia and Turkmenistan in the military sphere. URL: <http://www.ceasia.ru/bezopastnost/88-2010-07-04-18-10-48.html> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S. Policy of Russia in the Caspian region (energy component). Scientific works of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Collection of scientific articles. Moscow: University named after S. Yu. Witte; 2015. p. 75-84. (In Russ.)
4. Morozov A.I. Turkmenistan and Russia: partner or competitor. *Post-Soviet Issues*. 2014;2:181-190. (In Russ.)
5. Kuzmina E.M. Turkmenistan at the present stage: problems and opportunities of development. *Russia and the Muslim world*. 2012;9:75-91. (In Russ.)
6. TAPI gas pipeline. URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/204418-gazoprovod-tapi-stali-iz-vestny-podrobnosti-telefonnogo-zvonka-prezidenta-turkmenistana-g-berdymukham/> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
7. Russia and Turkmenistan may act in unannounced tandem. URL: <https://easdaily.com/ru/news/2016/11/25/rossiya-i-turkmenistan-mo-gut-deystvovat-v-neobyavlennom-tandeme-intervyu> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
8. Turkmenistan and Russia: on the path of strategic partnership. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1855> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
9. Gazprom may return to Turkmenistan. URL: http://nvo.ng.ru/cis/2018-07-30/5_7277_turkmenia.html [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
10. Zhiltsov S.S. West stands for laying a gas pipeline between Turkmenistan and Azerbaijan. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2019-10-07/9_7695_gaspipeline.html [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
11. Turkmenistan intends to increase gas exports to China to 65 billion cubic meters per year. URL: <https://regnum.ru/news/2695082.html> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
12. Ganiev T.A., Karyakin V.V. Military-political situation in the Islamic Republic of Afghanistan and its impact on the security of the Central Asian region of the CIS. *Electronic scientific journal «Archon»*. 2018;5(8):12-20. (In Russ.)
13. The expert called the reasons for the suspension and resumption of gas supplies from Turkmenistan to Russia. URL: <https://rueconomics.ru/387968-ekspert-nazval-prichiny-priostanovki-i-vozobnovleniya-postavok-gaza-iz-turk>

- [menii-v-rossiyu](#) [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
14. Russia will resume the purchase of Turkmen gas. URL: http://www.ng.ru/cis/2018-10-10/6_7329_turkmenia.html [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
15. «Bubble» of gas happiness of Turkmenistan. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-03-21--puzyr-gazovogo-schastja-turkmenii-41705> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
16. Trade between Russia and Turkmenistan in 2016. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-turkmenistanom-v-2016-g/> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
17. CIS experts to discuss draft agreement on Turkmenistan's membership in the CIS as an associate member. URL: <https://www.newsru.com/world/18jan2006/turkmens.html> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)
18. Amanjolov Zh.A. Turkmenistan and its permanent neutrality: the international legal status of the modern state. *State and law*. 2012;6:90-98. (In Russ.)
19. Upon arrival in Kazan, the President of Turkmenistan got acquainted with the exhibition of industrial products of Tatarstan. URL: <https://turkmenportal.com/blog/19961/po-pribytii-v-kazan-prezident-turkmenistana-oznakomilsya-s-vystavkoi-promyshlennoi-produkcii-tatarstana> [Accessed: 12.09.2019] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Г. Гарбузарова, кандидат исторических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизская Республика; 720000, Киргизская Республика, Бишкек, ул. Киевская, д. 44;
play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova, PhD in Historical Sciences, Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaj str., Bishkek, 720000, the Kyrgyz Republic;
play_elenag@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика Украины в языковой сфере: основные итоги

Елена А. Маркова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
abellen@yandex.ru

Аннотация: за почти тридцатилетнюю историю украинская политика в языковой сфере прошла несколько этапов своего развития. Украинская элита, которая формировалась еще до распада СССР, активно использовала вопрос о языке для достижения своих политических целей. Еще на рубеже 80-90-х годов прошлого века вопрос о статусе русского языка оказался в фокусе политической борьбы. Националистически настроенная элита Украины, опираясь на поддержку партийного и бюрократического аппарата стали использовать вопрос о языке, чтобы завоевать симпатии населения юго-восточных регионов. В тот период это имело огромное значение, поскольку до распада СССР, украинская элита была заинтересована в том, чтобы не допустить роста протестных настроений внутри страны.

В последующие годы вопрос о статусе русского языка не раз становился предметом острых политических баталий и одновременно спекуляций. Партия регионов, коммунистическая партия использовали тему «защиты» русского языка для консолидации своего электората перед парламентскими и президентскими выборами. При этом западно-украинские элиты отстаивали иную позицию, предлагая расширить сферу применений украинского языка и одновременно — ограничить сферу использования русского языка.

Несмотря на острую борьбу между западно-украинскими и восточно-украинскими элитами, особенно в предвыборные периоды, Украина постепенно «дрейфовала» в сторону ограничения использования русского языка и расширения украинского в образовании и культуре.

Ситуация в языковой сфере на Украине кардинально изменилась после 2014 года, когда к власти пришли представители националистических сил. Был взят курс на ревизию законодательства, регулирующего применение языков национальных меньшинств, к которым стал относиться и русский язык. В итоге, возможности для использования русского языка были резко ограничены, при одновременном усилении роли украинского языка. Данная ситуация уже привела к обострению отношений Украины с сопредельными странами, в которых негативно оценили политику Украины в языковой сфере. Кроме того, ограничение возможностей для использования русского языка привело к росту напряженности внутри страны, провоцируя новые межрегиональные противоречия.

Ключевые слова: Украина, русский язык, украинский язык, национальные меньшинства, европейские страны

Для цитирования: Маркова Е.А. Политика Украины в языковой сфере: основные итоги. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):73-83. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-73-83>

Статья поступила 21.02.2020

Принята в печать 06.03.2020

Опубликована 24.03.2020

Language Policy of Ukraine: Major Results

Elena A. Markova

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia,

abellen@yandex.ru

Abstract: In its almost three decades history, Ukrainian language policy has gone through several stages of its development. Formed before the collapse of the USSR, the Ukrainian elite actively used the issue of the language to achieve its political goals. Even at the turn of the 80-90s of the last century, the issue on the status of the Russian language was in the focus of the political struggle. Relying on the party and bureaucratic apparatus support, the nationalistically-spirited elite of Ukraine began to use the language issue for winning over the population of the southeastern regions. At that time, it was of great importance, since before the collapse of the USSR, the Ukrainian elite was interested in preventing the growth of protest sentiment within the country. In subsequent years, the issue of the Russian language status has repeatedly become the subject of intense political battles and speculation as well. The Party of Regions, the Communist Party exploited the theme of “protecting” the Russian language to consolidate their electorate before the parliamentary and presidential elections. Concurrently, the Western Ukrainian elites defended a different position, proposing to expand the scope of the Ukrainian language while at the same time confine the Russian language.

Despite the turmoil between the Western Ukrainian and Eastern Ukrainian elites, especially during the pre-election periods, Ukraine gradually “drifted” towards restricting the use of the Russian language and expanding Ukrainian in education and culture.

The situation in the linguistic sphere in Ukraine changed dramatically after 2014, when representatives of nationalist forces came to power. It became a policy to revise the legislation governing on the use of languages of national minorities, to which the Russian language began to fall into. As a result, the possibilities for using the Russian language were confined, while enhancing the role of the Ukrainian language. This situation has already aggravated the relations between Ukraine and neighboring countries, in which they negatively evaluated Ukraine’s policy in the language sphere. In addition, limited scope for the Russian language has ratcheted up tension within the country, provoking new inter-regional contradictions.

Keywords: Ukraine, Russian language, Ukrainian language, national minorities, European countries

For citation: Markova E.A. Language Policy of Ukraine: Major Results. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):73-83. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-73-83>

Received 21.02.2020

Revised 06.03.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии и политические спекуляции относительно статуса русского языка начались на Украине еще до распада СССР. Формирующаяся национальная элита была заинтересована привлечь на свою сторону население, которое могло не поддержать выход республики из СССР. Чтобы заручиться поддержкой населения, в 1989 году Верховный Совет УССР принял закон о языках в Украинской ССР [1].

В результате, языковая политика на Украине после распада СССР регулировалась Конституцией Украины (ст. 10) и Законом УССР «О языках Украинской ССР» (1989 г.).

Основным был вопрос о принципах регулирования использования двух основных языков в советской республике — русского и украинского. Нарождающаяся украинская элита стремились успокоить население, проживающее на востоке страны, убеждая его в готовности учитывать интересы русскоговорящей части населения.

Культура населения восточных областей формировалась под влиянием России. Восточные области развивались в условиях функционирования двух языков — русского и украинского. За 350 лет, прошедших со времени воссоединения Украины и России, на территории двух государств образовалась особая украинско-русская культура, составные элементы которой дополняли друг друга. После Переяславской рады 1654 года восток и юг Украины, а в какой-то мере и центр сумели сформировать свою особенную культуру, в которой органически слились наиболее яркие

и самобытные черты Украины и России — украинцев и русских. Именно эту культуру представители западных регионов третируют и третируют как «неукраинскую» и «имперскую», хотя восток Украины является таким же уникальным в культурном отношении формированием, как и запад страны [2].

На западе Украины украинский язык испытывал влияние Литвы, Польши, Австро-Венгрии. В результате образовался особый язык, на основе причудливой смеси польского, немецкого, венгерского с местным украинским диалектом. Именно этот вариант украинского языка был взят за основу новой украинской элитой в первый период независимости Украины [3].

С проблемой языка тесно был связан вопрос о форме государственного устройства страны. Сторонники сохранения языкового многообразия и языкового равноправия выступали за переход к федеральному устройству. Одним из таких предложений стала идея формирования двухпалатного парламента. Она была предусмотрена в проекте Основного закона, подготовленного конституционной комиссией, созданной в первый год независимости Украины в Верховной раде первого созыва. 1 июля 1992 года проект был вынесен на обсуждение. Предполагалось, что парламент, названный Национальным собранием, будет состоять из Совета депутатов численностью 350 человек, избранных в одномандатных округах, и Совета послов, по 5 человек от каждой области, Крыма и Киева. Палаты

имели равные полномочия и должны были назначать по половине судей Конституционного суда. Нарботки комиссии не нашли практического применения [4].

Однако данные инициативы не были реализованы на практике. Сторонники украинского языка поддерживали унитарный характер украинского государства.

РЕШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА УКРАИНЫ

В длительные споры по проблеме статуса русского языка определенность внес Конституционный суд Украины. В 1999 году он принял решение о том, что государственным языком является украинский. Казалось, это должно было положить конец политическим спекуляциям по этой проблеме. Русский язык, согласно конституции, является языком национальных меньшинств, которому, как и другим языкам нацменьшинств, гарантируется «свободное развитие, использование и защита» [5].

Однако на практике этого не происходило. Более того, вопрос о статусе русского языка перешел сначала в разряд внутривнутриполитических, а затем и внешнеполитических проблем. Это нашло свое отражение в выступлениях депутатов и заявлениях представителей политических сил Украины, которые декларировали свое стремление развивать тесные отношения с Россией и защищать интересы русскоязычного населения.

Впрочем, русский язык не сразу стал фактором внутренней и внешней политики Украины. В первые годы независимого существования Украины вопрос русского языка был отдан на откуп крайним или умеренным националистическим партиям, за которыми утвердилось наименование «национал-демократических». Их политической установкой стало недоверие ко всему русскому. Из этого следовало: во внешней политике — стремление мак-

симально отгородиться от России, а во внутренней — всеми средствами сужать сферу использования русского языка как «языка другого государства». Все это преподносилось как часть «патриотической идеологии», необходимой для построения государства. Между тем социологические исследования показывали: большинство украинских граждан считали, что Украина и Россия должны быть независимыми и вместе с тем особо дружественными государствами с открытыми границами и без таможенных ограничений. Подавляющее большинство граждан Украины в русскоязычных регионах выступало за придание особого статуса русскому языку, где его считали родным около трети граждан, а еще треть — одним из двух родных (наравне с украинским) [6].

Попытки резкого сужения сферы применения русского языка не увенчались успехом. Однако представители западных областей не оставляли попыток ограничить его применение, и прежде всего в области образования и науки. Одновременно на Украине шли острые дискуссии относительно статуса и сферы использования русского языка.

«ПРОБЛЕМА» РУССКОГО ЯЗЫКА

С началом президентской кампании 2004 года основные кандидаты на пост президента Украины обратили внимание на проблему русского языка, начав жесткую борьбу за русскоязычный электорат. Это было закономерным шагом, поскольку, согласно данным различных опросов, до 40–50 % населения отвечало, что дома они говорят на русском языке.

Вопрос о статусе русского языка являлся одним из самых острых в современной истории Украины. Начиная с начала 1990-х годов эту «карту» постоянно разыгрывали на президентских и парламентских выборах. После них ничего не менялось. Для восточ-

ных областей делались заявления о возможности предоставить русскому языку статус государственного, населению западных областей страны убеждали не менять официальные документы, где о русском языке, как правило, ничего не говорилось [7].

В течение десяти лет закон «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» встречал упорное сопротивление в украинском парламенте со стороны националистических партий. Он был принят лишь в 2003 году [8]. Согласно этому документу, нельзя ухудшать положение нацменьшинств, существующее на момент ратификации. Однако это положение не выполнялось.

Более того, украинские политики, желая заручиться поддержкой русскоговорящего востока, по-прежнему использовали тему русского языка в предвыборных целях. Так, одним из лозунгов лидера партии регионов В. Януковича на президентских выборах 2004 года стало заявление о его стремлении добиваться предоставления русскому языку статуса второго государственного в случае его победы на президентских выборах [9]. Хотя еще в 1999 году Конституционный суд принял решение, согласно которому единственным государственным языком являлся украинский язык.

Победа В. Ющенко на выборах президента не позволила В. Януковичу приступить к выполнению обещаний. Хотя сама тема не исчезла. После президентских выборов дискуссии о статусе русского языка вышли

за стены парламента, а в 2006 году они получили «второе дыхание», что было вызвано обострившейся политической борьбой. Жесткая критика со стороны БЮТ и «Нашей Украины» партии регионов как до парламентских выборов 2006 года, так и после их проведения вызвала рост протестных настроений в восточных областях Украины, где в основном проживает русскоязычное население [10].

В целом ситуация с русским языком оставалась достаточно сложной. Несмотря на то, что закон о языках устарел, а хартия имела как технические, так и правовые ошибки, никаких изменений в законодательстве не происходило. Попытки его усовершенствовать ни к чему не привели. Все законопроекты предлагали либо предоставить серьезные преференции русскому языку, либо давали крен в сторону «украинизации». При этом большая часть законопроектов касалась скорее русского языка, предусматривая придание ему статуса официального. Другие авторы предлагали придать русскому языку статус второго государственного.

В 2006 году начался процесс придания русскому языку статуса регионального. Первым выступил Харьковский городской совет, проголосовав за данное решение 6 марта 2006 года¹. Инициативу подхватили местные советы других регионов Украины, также принявшие решения о предоставлении русскому языку статуса регионального². Это стало пробным «шаром» областных со-

¹ В 2002 г. на консультативном референдуме жители Харькова высказались за использование русского языка наравне с государственным.

² 25 апреля 2006 г. за предоставление русскому языку статуса регионального проголосовал Луганский областной совет; 26 апреля — Севастопольский городской совет; 18 мая — Донецкий областной совет; 24 мая — Днепропетровский городской совет; 26 мая — Донецкий городской совет и Николаевский областной совет; 30 мая — Луганский городской совет; 2 июня — Николаевский городской совет; 3 июня — Харьковский областной совет; 21 июня — городской совет Кривого Рога; 22 июня — Запорожский областной совет; 5 июля — Херсонский областной совет и Запорожский городской совет. В 2007 г. Одесский областной совет принял решение о придании русскому языку статуса регионального. Данное решение было наиболее проработанным с юридической точки зрения.

ветов востока и юго-востока, подконтрольных партии регионов и коммунистам, которые на волне преобладающих настроений электората стремились продемонстрировать готовность выполнять свои обещания.

В своих решениях депутаты областных советов опирались на положения Европейской хартии региональных языков, а также на официальные данные. Например, по данным Главного управления статистики Луганской области, более 90 % жителей считали русский язык родным. Из них 39 % являлись русскими по национальности, 30 % были представителями других национальностей, но указывали в качестве родного языка русский, а 21 % кроме родного языка свободно владел русским.

Спустя несколько месяцев после решений областных советов восточных и юго-восточных областей о придании русскому языку статуса регионального Ивано-Франковский городской совет принял обращение к президенту, Верховной раде, правительству и Генеральной прокуратуре Украины с требованием «прекратить беззаконие» в сфере языковой политики [11].

Ситуация с русским языком продемонстрировала, что регионы восточных и западных областей, а также официальный Киев по-прежнему не имели единой позиции по языковому вопросу. Украинские власти стремились оказывать давление на Юго-восток Украины. С критикой решений, принятых в юго-восточных регионах, выступили и отдельные политические силы. Лидер БЮТ Юлия Тимошенко выступила категорически против антиконституционных решений областных советов относительно языка. По ее словам, «когда по Украине разползается языковой сепаратизм — это, собственно, речь идет о самой государственности, о том, что осуществляется антиконституционный мятеж, который нужно немедленно прекратить» [12]. В. Ющенко,

не пожелав вдаваться в тонкости, заявил, что «приветствует молодежь, которая занимает патриотическую позицию и говорит — да, мы украинцы и наш родной язык — украинский». Позже президент Украины потребовал, чтобы все государственные служащие при исполнении своих обязанностей говорили на украинском языке [13].

Давление прокуратуры на областные советы не дали результата. Областные советы отклонили протесты прокуроров, которые, исполняя приказ центральных властей, оспорили данные решения.

Население, прежде всего на востоке и юге Украины, в Крыму, отчасти в центральных областях, негативно воспринимало «заботу» государства по украинизации, продолжая говорить на русском языке. Тем более что во многих украинских областях доминирующим является не государственный язык, а русский. Более того, украинский язык в общении стал экзотикой, которую можно наблюдать на западе страны. Общение на украинском языке рассматривалось лишь как некоторое проявление патриотизма или демонстрация своего отношения к России и русскому языку. В итоге русский язык оставался первым рабочим языком для половины населения страны. Однако политическая элита делала вид, что этой реальности нет, тем самым порождая у русскоговорящих граждан устойчивое ожидание ухудшения своего культурного положения.

Процесс вытеснения русского языка, русской культуры и русскоговорящих жителей приобрел невиданные масштабы, неоправданные по своим целям и методам. Например, русскоязычные школы в Украине пока еще есть, но «русскими» они являются только номинально. Сокращается количество учеников, обучающихся на русском языке. По сравнению с 2004 годом, к 2017 году количество школ с изучением русского языка уменьшилось в 3 раза [14].

Причины подобной тенденции следует усматривать в стремлении части политических сил Украины укрепить свои позиции среди населения, которое отрицательно относится к России и русскому языку, видя в них причины своих неудач. За этим просматривается и более глобальная цель — построение на Украине национального украинского государства. Отсюда и стремление радикальных политических сил сделать украинство инструментом в реализации данной цели. Для этого переписывалась история, уничтожались национальные и культурные памятники, происходило гонение на религию, накладывался запрет и ограничения на применение русского языка. В итоге конституционные нормы в отношении свободного использования и развития русского языка не выполнялись. Права русскоязычных граждан, как украинцев, так и русских, с первых лет независимости Украины нарушались в сфере образования, науки, информационной сфере, были сужены возможности в получении работы в государственных органах власти.

Украинские власти на протяжении многих лет пытались насадить среди населения употребление украинского языка, считая это необходимым условием успешного развития государства. С приходом к власти В. Ющенко на государственном уровне возобладали пещерно-националистические концепции «украинской Украины» и «Украины для украинцев».

В стране, разделенной примерно пополам по языковому признаку, принцип «одна страна — один язык» опасен. Решением проблемы могло стать равноправие двух языков. По оценкам Скотта Кросби, юриста-международника, ситуация на Украине не соответствует нормам государств, где существует несколько языков. Это касается как сферы образования, так и вопросов, связанных с дублированием фильмов

на русском языке на украинский. В итоге украинская политика — это политика культурного геноцида, представляющая собой политику, направленную на ассимиляцию национальных меньшинств [15].

После прихода к власти В. Януковича борьба с фальсификацией истории была свернута, а о проблеме русского языка предпочитали не вспоминать. Хотя в предвыборной программе В. Януковича был раздел «два языка — одна страна». 2 сентября 2009 года В. Янукович заявил, что «я сделаю все, чтобы русский язык был вторым государственным» [16]. Однако уже 9 марта 2010 года, будучи в должности президента, во время вручения Шевченковской премии в Каневе В. Янукович заявил, что «не стоит ожидать предоставления русскому языку статуса государственного. В Украине будет развиваться украинский язык как единственный государственный» [17]. Как отмечал украинский эксперт М. Погребинский, политическая сила, пришедшая к власти благодаря русскоязычной части населения, ищет поводы, чтобы не приложить даже минимальных усилий для защиты их прав [18].

Строительство монокультурного государства требовало сохранить в качестве официального украинский язык. Этим объясняется тот факт, что все украинские президенты проводили политику украинизации. Ю при сохранении фактического статус-кво. Слишком резкое внедрение украинского языка и культуры административными методами ставило под угрозу целостность самой вертикали власти [19].

При В. Януковиче украинская оппозиция стремилась изменить закон о статусе русского и украинского языка. Последняя редакция Закона «Об основах государственной языковой политики» вступила в силу в августе 2012 года [20]. Это не устраивало оппозиционные партии «Свобода», «Батьківщина» и «Удар», которые внесли в парламент

законопроект «О функционировании украинского языка как государственного и порядок применения других языков в Украине» [21]. Они предлагали считать украинский язык неотъемлемой частью конституционного строя Украины, а любой другой язык, применяемый на территории страны, считать иностранным. Для этого законопроект предлагал признать утратившим силу.

23 февраля 2014 года после государственного переворота на Украине, украинский парламент проголосовал за отмену закона «О принципах государственной языковой политики». В конце февраля 2014 года Верховная рада создала комиссию для разработки нового закона. Однако закон продолжал действовать.

После избрания на пост президента Украины Петр Порошенко заявил, что отмена закона была ошибкой. В феврале 2015 года Конституционный суд открыл дело по конституционному представлению 57 депутатов [22]. В результате, после решения Конституционного суда, в 2018 году закон утратил силу, поскольку был признан неконституционным.

25 апреля 2019 года Верховная рада приняла закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [23]. В мае 2019 года бывший президент Украины подписал закон, который предусматривал использование украинского языка практически во всех сферах жизни. 16 июля закон вступил в силу [24]. Согласно Закону, единственным государственным языком на территории Украины является украинский. С 2021 году вступят

в силу требования к уровню владения украинским языком для получения гражданства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая борьба и спекуляции вокруг русского и украинского языка развивались на Украине на протяжении последних 30 лет. Каждая из политических сил использовала эту тематику для привлечения к себе внимания избирателей.

В последние годы русский язык снова оказался в фокусе внимания, теперь уже националистических сил. Их стремление любыми путями расширить сферу применения украинского языка, даже за счет игнорирования интересов национальных меньшинств, использующих свои языки, возведена в государственную политику.

Владимир Зеленский стремился проводить сбалансированную политику в вопросе языка. Однако несмотря на предвыборные заявления и политику, проводимую после прихода к власти, пока изменить ситуацию в этой сфере ему не удастся.

В феврале 2020 года в пропрезидентской партии «Слуга народа» заявили, что готовы пересмотреть закон о государственном языке. Глава комитета Верховной рады Украины по вопросам гуманитарной и информационной политики Александр Ткаченко заявил, что действующий закон о государственном языке вызывает много рисков для общества [25]. Однако это заявление, как рассмотрение иных законопроектов в парламенте вряд ли изменит политику украинских властей в языковой сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон Украинской Советской Социалистической республики «О языках Украинской ССР» от 28 октября 1989 года №8312-11 (документ утратил силу в соответствии с Законом Украины от 3 июля 2012 года №5029-VI). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=26406 (дата обращения: 12.01.2020)

2. Жильцов С.С. Украина: 20 лет на пути к независимости. Москва: Восток-Запад; 2012. 338 с.
3. Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток-Запад; 2011. 227 с.
4. Жильцов С.С. Государственное устройство Украины: между унитаризмом и федерализмом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;2:5-17.
5. Решение Конституционного суда Украины от 14 декабря 1999 года №10-рп/99 Дело №1-6/99 «О конституционном представлению 51 народного депутата Украины об официальном толковании положений статьи 10 Конституции Украины относительно применения государственного языка органами государственной власти, органами местного самоуправления и использования его в учебном процессе в учебных заведениях Украины» (Дело о применении украинского языка). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30937129 (дата обращения: 23.12.2019).
6. Жильцов С.С. Украина: перезагрузка. Москва: Восток-Запад; 2009. 463 с.
7. Жильцов С.С. Революционные волны на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6:7-13.
8. Закон «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». 15.03.2003. №802-IV. Действует с 10.06.2003. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T030802.html (дата обращения: 24.12.2019)
9. Найем М. Русская грань. *Коммерсант*. 2006. №143. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/698297> (дата обращения: 13.12.2019)
10. Жильцов С.С. Технологии политической борьбы за власть на Украине. *Полис. Политические исследования*. 2014;6:52-61.
11. От власти требуют «прекратить беззаконие» в языковой сфере. 2006. 13 июня. URL: <https://for-ua.com/article/127932> (дата обращения: 23.11.2019).
12. Юлия Тимошенко назвала решение антиконституционным Харьковского облсовета в отношении русского языка. 2006. 5 июня. URL: <https://regnum.ru/news/651988.html> (дата обращения: 18.12.2019)
13. Украинский язык: экзотика и немного патриотизма. 2006. 6 июня. URL: <https://for-ua.com/article/126546> (дата обращения: 13.01.2020).
14. Студенникова Г. «Учителя говорят, что к 20-му году все изменится». Как в русскоязычных школах восприняли новый закон об образовании. 2017. 11 октября. URL: <https://strana.ua/articles/98010-что-dumajut-v-russkikh-shkolakh-kieva-o-tom-что-cherez-3-hoda-oni-okazhutsja-vne-zakona.html> (дата обращения: 5.12.2019).
15. «Культурный геноцид» придумали на территории Украины — сенсационные откровения известного бельгийского юриста-международника. 2008. 3 марта. URL: <https://sevastopol.su/special-projects/kulturnyy-genocid-pridumali-na-territorii-ukrainy-sensacionnye-otkroveniia> (дата обращения: 23.12.2019)
16. Янукович сделает русский язык вторым государственным. *Коммерсант*. 2009. 2 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1230663> (дата обращения: 24.11.2019)
17. Янукович послал всех и с русским языком и с референдумом по НАТО. 2010. 10 марта. URL: <https://forum-msk.org/material/news/2639134.html?pf=1> (дата обращения: 13.01.2020).
18. Русский язык в Украине: в 2-х томах / Под ред. М. Погребинского. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы; 2010. 361 с.
19. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология*. 2014;4:21-36.

20. Закон Украины «О принципах государственной языковой политики» от 3 июля 2012 года №5029-VI. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=53865 (дата обращения: 23.01.2020)
21. Фарион, Матиос и Яворивский предлагают установить порядок применения украинского и других языков. 2013. 14 января. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/1476662-farion-matios-i-yavorivskij-predlagayut-ustanovit-poryadok-primeneniya-ukrainskogo-i-drugih-yazykov> (дата обращения: 23.04.2019)
22. Языковой закон Колесниченко — Кивалова признан неконституционным. 2018. 28 февраля. URL: <https://news.liga.net/politics/news/yazykovoy-zakon-kolesnichenko-kivalova-priznan-nekonstitutsionnym> (дата обращения: 23.01.2020)
23. Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». 2019. 26 апреля. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T192704.html (дата обращения: 23.12.2019)
24. На Украине вступил в силу закон о языке. 2019. 16 июля. URL: <https://ukraina.ru/news/20190716/1024258882.html> (дата обращения: 15.01.2020)
25. Комитет Рады не будет отзываться законопроект о медиа, - Ткаченко. 2020. 20 февраля. URL: <https://112.ua/politika/komitet-rady-ne-budet-otzyvat-zakonoproekt-o-media-tkachenko-526351.html> 2020. (дата обращения: 23.02.2020)
2. Zhiltsov S.S. Ukraine: 20 years towards independence. Moscow: East-West; 2012. 338 p. (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S., Ishin A.V., Malgin A.V. Federalization of Ukraine: towards unity through diversity. Moscow: East-West; 2011. 227 p. (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S. State structure of Ukraine: between unitarism and federalism. *Post-Soviet Issues*. 2015;2:5-17. (In Russ.)
5. Decision of the Constitutional Court of Ukraine of December 14, 1999 No. 10-rp / 99 Case No. 1-6 / 99 «On the constitutional submission of 51 People's Deputies of Ukraine on the official interpretation of the provisions of Article 10 of the Constitution of Ukraine regarding the use of the state language by state authorities, local authorities self-government and its use in the educational process in educational institutions of Ukraine» (Case on the use of the Ukrainian language). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30937129 [Accessed: 23.12.2019]. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Ukraine: reset. Moscow: East-West; 2009. 463 p. (In Russ.)
7. Zhiltsov S.S. Revolutionary waves in the post-Soviet space. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13. (In Russ.)
8. Law on «Ratification of the European Charter for Regional or Minority Languages. 03/15/2003. No. 802-IV. Valid from 06/10/2003. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T030802.html [Accessed: 24.12.2019]. (In Russ.)
9. Nayyem M. Russian brink. *Kommersant*. 2006. No143. p. 3 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/698297> [Accessed: 13.12.2019] (In Russ.)
10. Zhiltsov S.S. Technology political struggle for power in Ukraine. *Policy. Policy studies*. 2014;6:52-61. (In Russ.)
11. The authorities required to «stop lawlessness» in the language sphere. 2006. June 13. URL: <https://for-ua.com/article/127932> [Accessed: 23.11.2019]. (In Russ.)

REFERENCES:

1. Law of the Ukrainian Soviet Socialist Republic «On Languages of the Ukrainian SSR» of October 28, 1989 No. 8312-11 (the document is no longer valid in accordance with the Ukrainian Act of July 3, 2012 No. 5029-VI). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=26406 [Accessed: 12.01.2020] (In Russ.)

12. Yulia Tymoshenko called the decision of the Kharkiv Regional Council regarding the Russian language unconstitutional. 2006. June, 5. URL: <https://regnum.ru/news/651988.html> [Accessed: 18.12.2019] (In Russ.)
13. Ukrainian language: exotic and a bit patriotic. 2006. June, 6. URL: <https://for-ua.com/article/126546> [Accessed: 13.01.2020]. (In Russ.)
14. Studennikova G. «Teachers say that by the 20th year everything will have changed». What way Russian-language schools adopted the new law on education. 2017. October 11. URL: <https://strana.ua/articles/98010-chno-dumajut-v-russkikh-shkolakh-kieva-o-tom-chno-chno-cherez-3-hoda-oni-okazhutsja-vne-zakona.html> [Accessed: 5.12.2019]. (In Russ.)
15. «Cultural genocide» was invented in Ukraine - sensational revelations by the famous Belgian international law scholar. 2008. March, 3. URL: <https://sevastopol.su/special-projects/kulturnyy-genocid-pridumali-na-territorii-ukrainy-sensacionnye-otkroveniia> [Accessed: 23.12.2019]. (In Russ.)
16. Yanukovich to make Russian the second official language. *Kommersant*. 2009. September, 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1230663> [Accessed: 24.11.2019] (In Russ.)
17. Yanukovich flings everyone into both the Russian language and the referendum on NATO. 2010. March 10. URL: <https://forum-msk.org/material/news/2639134.html?pf=1> [Accessed: 13.01.2020]. (In Russ.)
18. Russian language in Ukraine: in 2 volumes / Ed. M. Pogrebinsky. Kharkov: Kharkov Private Museum of the city estate; 2010. 361 p. (In Russ.)
19. Zhiltsov S.S. The origins of modern Ukrainian nationalism. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: political science*. 2014;4:21-36. (In Russ.)
20. Law of Ukraine «On the principles of state language policy» dated July 3, 2012 No. 5029-VI. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx-?rgn=53865 [Accessed: 23.01.2020] (In Russ.)
21. Farion, Matios and Yavorivsky advocating the application of Ukrainian and other languages. 2013. January 14. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/1476662-farion-matios-i-yavorivskij-predlagayut-ustanovit-poryadok-primeneniia-ukrainskogo-i-drugih-yazykov> [Accessed: 23.04.2019]. (In Russ.)
22. The language law of Kolesnichenko-Kivalov is recognized as unconstitutional. 2018. February 28. URL: <https://news.liga.net/politics/news/yazykovoy-zakon-kolesnichenko-kivalova-priznan-nekonstitutsionnym> [Accessed: 23.01.2020]. (In Russ.)
23. Law of Ukraine «On ensuring the functioning of the Ukrainian language as the state language». 2019 April, 26. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T192704.html [Accessed: 23.12.2019] (In Russ.)
24. Ukraine, the law on language takes effect. 2019. July, 16. URL: <https://ukraina.ru/news/20190716/1024258882.html> [Accessed: 15.01.2020]. (In Russ.)
25. The Rada Committee not to call off the bill on media, - Tkachenko. 2020. February, 20. URL: <https://112.ua/politika/komitet-rady-ne-budet-otzyvat-zakonoproekt-o-media-tkachenko-526351.html> 2020. [Accessed: 23.02.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена А. Маркова, кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; abellen@yandex.ru

Elena A. Markova, Candidate of Philological Sciences, Peoples' Friendship University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia; abellen@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Визуализация современного политического пространства: исследовательские приоритеты

Марат Г. Гогуадзе

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»,

Санкт-Петербург, Россия,

Goguadze_MG@mail.ru

Аннотация: В современных гуманитарных исследованиях и исследованиях ряда общественных наук часто используется интерпретация визуальных данных. Однако, в отдельных случаях, она способна внести негативную корректировку в методологии и методах исследования, что является следствием терминологической и теоретической неразработанности самой теории визуальности, в том числе и в рамках политической науки. Разработка общей парадигмы визуальности сегодня находится в стадии своего становления и осуществляется посредством формирования соответствующего категориального аппарата, адекватного реальным процессам, которые им сигнифицируются.

В политологических исследованиях теория визуальности является новшеством, поскольку в них недостаточно проработаны основные концептуальные положения теории визуальной политической коммуникации, не востребованные по причине текстологической ориентированности политологии, имевшей длительное время лингвополитический уклон, заслонявший собой весь комплекс образов в политике. Однако трансформация существующих форматов быстро развивающихся политических коммуникационных процессов и технологий в условиях современного информационного общества и создание новых осуществляется в направлении увеличения объема визуальной информации, не только дополняющей вербальные формы, но и доминирующей в процессах политических практик. Коммуникационные процессы, обеспечивающие функционирование политических институтов, в большинстве ситуаций визуально атрибутированы и ориентированы не столько на речевые и аудиальные, сколько на визуальные техники, что позволяет утверждать, что именно они являются основным инструментом политической коммуникации и средством конституирования политической реальности.

Ключевые слова: политические коммуникации, визуализация, политическое пространство, исследования

Для цитирования: Гогуадзе М.Г. Визуализация современного политического пространства: исследовательские приоритеты. *Проблемы постсоветского пространства*, 2020;7(1):84-93. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-84-93>

*Статья поступила 15.11.2019**Принята в печать 23.01.2020**Опубликована 24.03.2020*

Visualization of Modern Political Space: Research Priorities

Marat G. Gogvadze

Baltic State Technical University «VOENMEH», St. Petersburg, Russia,

Gogvadze_MG@mail.ru

Abstract: In modern humanitarian studies and research in a number of social sciences, interpretation of visual data is often used. However, in some cases, it is able to make a negative adjustment in the methodology and research methods, which is a consequence of the terminological and theoretical underdevelopment of the theory of visibility itself, including within the framework of political science. The development of a general visual paradigm is currently in its infancy and is being carried out through the formation of the corresponding categorical apparatus, adequate to the real processes that it signifies.

In political science studies, the theory of visibility is an innovation, since they lack the basic conceptual principles of the theory of visual political communication, which are not in demand due to the textual orientation of political science, which has for a long time linguistic-political bias, obscuring the whole complex of images in politics. However, the transformation of existing formats of rapidly developing political communication processes and technologies in the modern information society and the creation of new ones is carried out in the direction of increasing the amount of visual information that not only complements verbal forms, but also dominates the processes of political practices. The communication processes that ensure the functioning of political institutions are, in most situations, visually attributed and focused not so much on speech and audio as on visual techniques, which suggests that they are the main tool of political communication and a means of constituting political reality.

Keywords: political communications, visualization, political space, research

For citation: Gogvadze M.G. Visualization of the modern political space: research priorities. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):84-93. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-84-93>

*Received 15.11.2019**Revised 23.01.2020**Published 24.03.2020*

ВВЕДЕНИЕ

В современной ситуации изменений социальной реальности многие её сферы, считавшиеся ранее маргинальными, становятся предметом теоретической рефлексии,

актуализирующей проблематику замещения классического рационального метанарратива новыми способами понимания социальных феноменов. Это утверждение справедливо, в первую очередь, по отношению к феномену визуально-образного восприятия реальности, позволяющему существенно изменить представления о многих сферах социального, предлагающему принципиально иную логику, по сравнению с той, которая реализовывалась в границах классической рациональности.

Данный феномен вызывает всеобщий интерес в исследовательском пространстве — осмысление его сущности и тематизация его языка, рассматриваемого как интегративное формирование в эстетических, психологических, социальных и других аспектах, — проблема, приобретающая метатеоретический характер. В философских, социологических, антропологических, искусствоведческих и других дисциплинарных исследованиях задаются различные горизонты интерпретации визуальных данных, зачастую приводящие в качестве негативного последствия к путанице в методологии и методах исследования, к появлению многочисленных и трудно согласуемых друг с другом, определений данного термина и описаний самого феномена. Терминологическая и теоретическая непроясненность теории визуальности обусловлена эвристической полисемантической самого понятия и множественными практиками принципиально нового опыта, адекватного состоянию цивилизации конца XX — начала XXI веков. Разработка общей парадигмы визуальности осуществляется посредством формирования соответствующего категориального аппарата, адекватного реальным процессам, которые им сигнифицируются.

Фундаментальные лексические нововведения и дефиниции, используемые для обозначения «великой революции изо-

бражений» (Д. Бахман-Медик) являются многозначными, находящимися в процессе своего формирования в поле противоположных дисциплинарных определений. Основным понятием в рамках исследований является «визуальный поворот», идейным вдохновителем и предшественником которого считается «иконический поворот», распространенный на всю область исследований визуальных феноменов и подготовивший «почву для более обширного визуального поворота (visual turn), который простирается до таких визуальных практик и средств восприятия, как внимание, воспоминание, зрение, наблюдение, равно как и до культур взгляда» [1].

«ИКОНИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ»

Понятие «иконический поворот» возникло как контрверза рационалистической гносеологии, исключившей визуальные феномены из сферы философской рефлексии. Логоцентристская традиция, имеющая длительную историю существования, сформировалась в античном мировоззрении, в котором термины гносеологии и космологические модели, первоначально имевшие зрительно-образный характер, были заменены на вербальные термины и логические формы, пока ещё без доминирования последних. В дальнейшем в философии утвердилось познание, ориентированное преимущественно на формы рационального формально-логического мышления, на что указывает П. П. Гайденко, утверждающая, что онтологизация логико-вербальных структур была осуществлена Аристотелем «в условиях преимущественно речевой культуры и веры в особую магию слова» [2]. Развитие представлений о роли зрительно-образного восприятия в рамках классической философии в работах Р. Декарта, Дж. Локка, И. Канта, Гегеля и других философов осуществля-

лось в направлении, заданном западноевропейской традицией рационального формально-логического способа обоснования знания. Противопоставляя чувственные и рациональные методы познания, западноевропейские философы «доходили даже до того, что чувственное, образное или художественное значение объявляли близким к животному типу знания. Соответственно этому восприятие рассматривалось как второстепенная познавательная функция» [3].

В религиозной гносеологии IV–VI веков сформировалась противоположная тенденция, акцентирующая роль зрительно-образного восприятия, переносящая познание в сферу неформализуемых феноменов и образов, рассматриваемую как высший этап познания. Рассмотрение в данном аспекте философских представлений Оригена, Филона Александрийского, Климента Александрийского и других религиозных философов позволяет утверждать, что принцип доминантности непонятийного, невербального (образно-символического) выражения сакральных сущностей, как и иррациональный способ постижения мира, конституируются в восточном христианстве и православной культуре, получив в них философское осмысление, ставшее онтологической основой эстетики. Однако было бы грубым упрощением проблемы всецело относить восточное христианство к иррациональной сфере, поскольку рациональная сфера мышления не отвергалась византийской апологетикой.

Таким образом, процесс формирования европейской культуры получил свою двухвекторную ориентированность — рационалистическую западноевропейскую и визуальную (иконическую, образно-символическую) восточноевропейскую, не исключаящую, впрочем, формально-логические методы, используемые как вспомогательные. Противоборство

и интеллектуальная борьба между восточноевропейским типом зрительно-образного восприятия и западноевропейским формально-логическим является важной частью истории развития европейского мировоззрения. Как справедливо полагает В. И. Пржиленский, вплоть до XX века философия и социология, ориентированные на борьбу с метафизикой, активно высказывали свое недоверие к созерцанию, умозрению и интуиции, что «является отличительной чертой эпохи, несмотря на все усилия интуиционистов, будь то специалисты в области математики, логики, этики или какой-либо другой философской дисциплины» [4].

Действительно, доминирование вербальных форм в западных культурах способствовало вытеснению исследований визуальных феноменов, поэтому иконический поворот следует рассматривать с точки зрения противостояния между иконическим знаком и логосом и стремления противодействовать диктату лингвистического поворота, утверждающего зависимость познания от языка. Основоположниками «иконического поворота» являются немецкий искусствовед Г. Бём, впервые использовавший этот термин в теории искусства («*ikonische Wendung*» [11]), и У. Дж. Т. Митчелл, использовавший понятие «пикториальный поворот» («*pictorial turn*» [5]) для анализа визуальной репрезентации в идеологии и политике. Понятие «визуальный поворот», по мнению О.В. Беззубовой, «является более широким по своему значению (по сравнению с пикториальным и иконическим). Его часто связывают с осознанием различия между видением (как физическим и психологическим процессом) и визуальностью (как социально и исторически обусловленным процессом осознания и интерпретации визуальных образов). Таким образом, сущ-

ность визуального поворота может быть сведена к осознанию и признанию исследователями факта социокультурной детерминации визуального опыта» [6]. Если опираться на утверждение У. Дж. Т. Митчелла о том, что визуальные исследования призваны соединить воедино историю искусства и культурные исследования, то следует признать справедливым утверждение М. Диковитской о том, что «культурный поворот», сделал возможными визуальные исследования, в первую очередь» [7].

Таким образом, выстраивание «генеалогического древа» визуальных исследований следует начинать не с иконического или пикториального, а с культурного поворота, сущность которого С. Холл, основоположник культурных исследований («cultural studies»), определил следующим образом: «культурный поворот» можно рассматривать как возвращение к некоторым забытым классическим и традиционным социологическим темам после долгого периода доминирования структуралистских, функционалистских или эмпиристских интересов» [8]. Из данного определения становится очевидно, что культурный поворот — это такие изменения в методологии исследований культуры, когда основные содержательные задачи концентрируются до методически существенных установок [9].

В междисциплинарной традиции исследования феномена визуального получили развитие основные принципы понимания онтологической сущности образа, выводящие теорию познания за пределы рационально-дискурсивного и вербального, акцентирующие зависимость познания от изображения, преодолевающие натуралистические модели визуальности как репрезентации; осуществлен пересмотр отношений между текстом и образом (находящимся в зависимости от языковой

интерпретации), претендующими на дополнение вербального языка образностью; разработана перспектива развития образной антропологии, связывающей образы с телесностью посредством их перевода в акте созерцания во внутренние, индивидуальные; расширяется поле рефлексии, направленной на осмысление социальных аспектов восприятия, коммуникативной и политической сторон визуализации; практики образного представления и техники визуализации контекстуализируются как формы и технологии воздействия на массового реципиента с целью осуществления власти и контроля.

В политологических исследованиях иконический поворот является новшеством, поскольку в них недостаточно проработаны основные концептуальные положения теории визуальной политической коммуникации, не востребованные по причине текстологической ориентированности политологии, имевшей длительное время лингвополитический уклон, заслонявший собой весь комплекс образов в политике. Однако трансформация существующих форматов быстро развивающихся политических коммуникационных процессов и технологий в условиях современного информационного общества и создание новых осуществляется в направлении увеличения объема визуальной информации, не только дополняющей вербальные формы, но и доминирующей в процессах политических практик. Коммуникационные процессы, обеспечивающие функционирование политических институтов, в большинстве ситуаций визуально атрибутированы и ориентированы не столько на речевые и аудиальные, сколько на визуальные техники, что позволяет утверждать, что именно они являются основным инструментом политической коммуникации и средством конституирования политической реальности.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Объективное нарастание политико-модернизационных тенденций, прогресс в сфере информационных технологий, появление новых средств массовой коммуникации и формирование единого информационного пространства усложняют политическую систему, способствуют появлению новых акторов и форм политического влияния, требующих изменения форм коммуникационных процессов, отвечающих современным реалиям. В качестве обязательного элемента эффективной коммуникации в современном политическом пространстве активно используется язык визуальных образов, выбор стиля которых и степень их сочетаемости с вербальной составляющей определяют успешность коммуникативного контакта между политическим акторами и обществом. Современная политическая коммуникация активно использует знаковую систему, активизирующую воображение, лучше запоминающуюся, более эмоциональную, не требующую перевода на другие языки.

Способность к интеграции, заложенная в визуальной коммуникации, активно используется политическими лидерами, стремящимися оказывать воздействие на электоральную аудиторию, прежде всего, через визуальное медиaprостранство, насыщая его политическим содержанием, стремясь «выделиться путем визуализации своих образов на экране» [10]. Можно сослаться на авторитетное мнение П. Вирилио, утверждающего, что современное политическое противостояние переходит в дигитальное пространство визуальных медиа, а война изображений и звуков подменяет собою войну объектов и вещей. Исследователи утверждают: «чтобы стать политически значимым событием или политически значимой персоной, надо

визуализироваться через экран телевизора или визуально репрезентироваться в виде электронной фотографии» [11]. Политологический дискурс часто именуют «фото-дискурсом», подчеркивая тем самым роль фотографии как преимущественной формы визуальной репрезентации политических процессов, а всю сферу политического обозначают как «политический фотографический универсум», указывая на центральную роль фотовизуализации политических объектов, политических теленостей, политической рекламы и т.д., формирующих политико-культурные модели мышления и поведения [11].

Преимущественной сферой использования процессуально трансформирующихся иконических образов и механизмов визуализации является политическая реклама, рассматриваемая в теоретических исследованиях в качестве фундаментальной составляющей современного информационного пространства и активного участника политических процессов, ориентированных на эффективное взаимодействие с аудиторией посредством воплощения рекламных сообщений в понятных и доступных для восприятия визуальных образах, что отражает современную тенденцию развития всех сфер социального и медиaprостранства через их насыщение политическим содержанием посредством превращения в невербальное виртуально-визуальное пространство.

В теоретических исследованиях визуального аспекта политической рекламы разрабатываются подходы к её изучению на политико-психологическом уровне, включающем рассмотрение рекламных образов на когнитивном, аффективном и регулятивном уровнях с точки зрения психологии восприятия и механизмов влияния; особое внимание в политической психологии уделяется анализу эмоцио-

нальной нагруженности политико-рекламного сообщения, способной мотивировать на принятие решения, отстоящего по времени на значительный срок после его восприятия; системно изучаются проблемы, связанные с проблематикой имиджа политического лидера, закономерностей его формирования и социального функционирования. В исследованиях анализируется зависимость образа от субъекта восприятия (массовая аудитория и элитные группы); теоретическая модель изучения политических рекламных образов включает также анализ темпорального (рассмотрение политического видеоряда в ретроспективном, современном и перспективном контексте) и политико-культурного параметров (мифологическая составляющая визуального образа, его ценностные, идеальные и реальные составляющие). Наиболее распространенным определением рекламного визуального образа является его понимание как целостного и структурно организованного феномена, состоящего из намеренно и произвольно созданных визуальных и вербальных элементов, выполняющих функции привлечения внимания целевой аудитории к смыслу содержания послания.

Рекламной визуализации подвергаются различные политические объекты, но одним из центральных понятий политической рекламы является образ (или имидж) кандидата — обладающий неоспоримым приоритетом «главный политический симулякр — лидер, которого можно «увидеть воочию» [11], визуальные репрезентации которого становятся визуальными сообщениями «лишь в контексте политического дискурса и в общем пространстве символического политического обмена» [12]. Формирование рекламных политических образов политиков осуществляется на основе дифференцированного подхода, одним из основных требований которого

является соответствие ожиданиям аудитории-электората (разделяемого на стабильный электорат, целевую аудиторию и круг избирателей), проецирующего на образ политика собственные желаемые качества. В семиологии Р. Барта проанализирована особенность функционирования мифологии, заключающаяся в её способности создавать образ реальности, совпадающий с желаниями и ожиданиями воспринимающей аудитории. Осуществленный Р. Бартом анализ рекламы, структуры и дизайна её образов, является составной частью его исследовательской программы, направленной на разоблачение мифологии общества, существенную роль в которой играет политическая реклама, как знаковая система, требующая дешифровки, и как информационный комплекс, определяющий направление мыслей и желаний реципиентов, создающий для них образцы для подражания. Рекламному образу, по его мнению, присущи все основные характеристики иконического знака — соответствие означающего и означаемого (в символических иконических сообщениях «с кодом» — рекламной графике, например), квазиидентичность (иконических перцептивных «без кода» — в «буквальном» сообщении фотографии, например) [13].

В политической рекламе эта способность мифологии «прикрепляться» к словам и образам используется в виде принципа, получившего название «отзеркаливания», означающего придание визуальной составляющей политической рекламы основных характеристик воспринимающей аудитории, повторение её особенностей. Анализ визуальной политической рекламы демонстрирует актуальность ещё одного положения семиотического подхода к анализу иконических сообщений Р. Барта, в котором подчеркивается связь между различными семиотическими формами — вербальным

сообщением и иконическим. Поскольку любой визуальный образ полисемичен — его означающие могут относиться к большому числу означаемых, то вербальное сообщение необходимо для того, чтобы преодолеть смысловую неопределенность иконического и либо закрепить в восприятии смысл (изображения на фотографии), либо интерпретировать зрительный образ (рисунка, картины). Таким образом, вербальный текст является проводником для иконических знаков, проясняя их смысл; он необходим для того, чтобы вербальные и невербальные смыслы политико-рекламного сообщения были взаимодополняющими, не вступающими в противоречие друг с другом.

Визуальные образы политической рекламы, рассматриваемые с точки зрения их соответствия ожиданиям, запросам и интересам реципиентов-потребителей, в значительной степени зависят от специфики массовой аудитории. Как показал С. Холл, в связи с дифференциацией массовой аудитории находится характер декодирования ею знаков, заложенных в визуальные образы политической рекламы, — в одном случае они могут восприниматься с позиции изначально вкладываемого смысла (доминантного кода), в других случаях могут подвергаться селекции, восприниматься частично (позиция согласования, при которой доминантный код принимается на абстрактном уровне и оспариваются некоторые заложенные в нем идеи) или не восприниматься полностью (отторжение доминантного кода образа при его полном понимании) [14]. Теория кодирования/декодирования С. Холла позволяет понять не только природу новой массовости, новых форм политического участия и активную роль «массового человека», но установить различия, имеющиеся в восприятии визуальных

политических рекламных образов между сторонниками власти и оппозицией. Кроме того, она указывает неявным образом также и на то, что восприятие визуального рекламного контента массовой аудиторией, превращающейся в дифференцированную, становится изменчивым, зависящим от моды на форматы изображений, от принадлежности к поколению и даже от времени суток [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, контекстуализация практик образного представления и техник визуализации как форм и технологий воздействия на массового реципиента с целью осуществления власти и контроля обладает особой методологической эвристикой при изучении сущности и роли визуальной составляющей в современном политическом пространстве. Политическая реклама, входящая в коммуникативный комплекс политического маркетинга, устанавливающая контакт между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и обществом, осуществляющая адресную связь между ними, реализуется в предельно доступной для восприятия знаковой системе, ориентированной на эффективное взаимодействие с аудиторией посредством воплощения рекламных сообщений в визуальных образах. Политическая реклама, производящая и транслирующая визуализированные политические объекты, может рассматриваться не только в роли посредника между ключевыми коммуникаторами (субъектами политического управления) и целевой аудиторией, но и в роли «со-конструктора» политической реальности, дополняющего процесс конструирования и продвигающего информацию в целях контроля властного дискурса в поле символической политической борьбы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. Москва: Новое литературное обозрение; 2017. 504 с.
2. Гайденоко П. П. Волонтеризм и метафизика и новоевропейская культура. Три подхода к изучению культуры. Москва: Изд-во МГУ; 1997. 128 с.
3. Зинченко В. Зрительные образы: феноменология и эксперимент: Сборник переводов. Душанбе: Таджикский государственный университет; 1971. 263 с.
4. Пржиленский В.И. Дотеоретические искусства, социальные практики и «идеальные типы» философствования. *Философские науки*. 2011;11:18-30.
5. Mitchell W.J.T. The Pictorial Turn. Picture Theory. Chicago: The University of Chicago Press; 1994. P. 11-34.
6. Беззубова О.В. Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры. URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2016/4/2.html> (дата обращения 29.08.2018)
7. Dikovitskaya M. Visual culture: the study of the visual after the cultural turn. London: MIT Press; 2005. 344 p.
8. Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms. *Media, Culture and Society*. 1980;2(1):57-72.
9. Bachmann-Medick D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH; 2011. 432 p.
10. Шарков Ф.И. Визуализация политического медиапространства. *Полис. Политические исследования*. 2016;5:97-107.
11. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации. *Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2012;3(19):8-15
12. Щербинина Н.Г. Визуальный образ и оптический политический режим. *Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология*. 2012;3(23):67-72.
13. Барт Р. Риторика образа. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс»; 1994. 616 с.
14. Григонис Ю.Э. Изучение аудитории как актора политической коммуникации: основные современные подходы. *Общество: политика, экономика, право*. 2017;1:31-34.

REFERENCES:

1. Bakhman-Medic D. Cultural twists. New focus for cultural studies. Moscow: New Literary Review; 2017. 504 p. (In Russ.)
2. Gaydenko P.P. Voluntary metaphysics and new European culture. Three approaches to the study of culture. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1997. 128 p. (In Russ.)
3. Zinchenko V. Visual Images: Phenomenology and Experiment: Collection of Translations. Dushanbe: Tajik State University; 1971. 263 p. (In Russ.)
4. Przhilensky V.I. Pre-theoretical arts, social practices and “ideal types” of philosophy. *Philosophical sciences*. 2011;11:18-30. (In Russ.)
5. Mitchell W.J.T. The Pictorial Turn. Picture Theory. Chicago: The University of Chicago Press; 1994. P. 11-34.
6. Bezzubova O.V. The concept of “turn” in modern studies of visual culture. URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2016/4/2.html> [Accessed: 29.08.2018]. (In Russ.)
7. Dikovitskaya M. Visual culture: the study of the visual after the cultural turn. London: MIT Press; 2005. 344 p.
8. Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms. *Media, Culture and Society*. 1980;2(1):57-72.

9. Bachmann-Medick D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH; 2011. 432 p.
10. Sharkov F.I. Visualization of the political media space. *Policy. Political studies*. 2016;5:97-107. (In Russ.)
11. Shcherbinina N.G. A visual phenomenon in political representation. *Bulletin of Tomsk State University. Ser. Philosophy. Sociology. Political science*. 2012;3(19):8-15. (In Russ.)
12. Shcherbinina N.G. Visual image and optical political regime. *Bulletin of Tomsk State University. Ser. Philosophy. Sociology. Political science*. 2012;3(23):67-72. (In Russ.)
13. Bart R. The Rhetoric of the Image. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow: Publishing Group «Progress», «Univers»; 1994. 616 p. (In Russ.)
14. Grigonis Yu.E. Studying the audience as an actor of political communication: basic modern approaches. *Society: politics, economics, law*. 2017;1:31-34. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марат Г. Гогуадзе, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ», Санкт-Петербург, Россия; 190005, Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1;
Goguadaze_MG@mail.ru

Marat G. Goguadaze, Baltic State Technical University «VOENMEH», Saint-Petersburg, Russia; bld. 1, Krasnoarmeyskaya str., Saint-Petersburg, 190005, Russia;
Goguadaze_MG@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Значение Афганистана для региональной безопасности в Южной и Восточной Азии

Насратуллах Раван, Олег Е. Гришин

Российский университет дружбы народов (RUDN University), Москва, Россия,

nasrat.rawan@yahoo.com

grishin_oe@pfur.ru

Аннотация: В статье оценивается важность Афганистана для Южной и Восточной Азии и ее региональной безопасности. Азия в целом и ее южный регион в частности играют все более важную роль в мировой политике и экономике. Полагаем, что Южная Азия развивается и будет иметь гораздо лучшие позиции в будущем как в политике, так и в экономике во всей Азии и мире в целом. Этот регион обусловлен динамичным взаимодействием экономических и дипломатических факторов и безопасности, усиливающих друг друга из-за сложного характера территориальных претензий и религиозной экстремистской деятельности. Стратегическое расположение Афганистана значимо для таких стран Азии как Пакистан, Индия, а также для Китая, Ирана и России для их стабильности и безопасности в регионе. Поскольку Афганистан по-прежнему является убежищем для международных террористических группировок и талибов, то он представляет собой серьезную угрозу для региона и мира в целом. Из-за геостратегического положения Афганистана любая существенная проблема будет влиять на стабильность и безопасность в регионе, как это было до недавнего времени. Дальнейшие сменяющие друг друга режимы в Пакистане убедительно старались навязать благоприятное правительство в Афганистане, но эта политика только навредила им. Для Китая важность Афганистана становится очевидной из-за внутренней безопасности в регионе Синьцзян. Иран хотел бы видеть Афганистан свободным от влияния США. С другой стороны, Россия обеспокоена притоком опиума и других наркотиков из Афганистана в Центральную Азию.

Ключевые слова: региональная безопасность, региональная связь, разрешение конфликтов, международный терроризм, международные отношения, международная торговля, стратегия

Для цитирования: Раван Н., Гришин О. Е. Значение Афганистана для региональной безопасности в Южной и Восточной Азии. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(1):94-103. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-94-103>

Статья поступила 30.12.2019

Принята в печать 22.02.2020

Опубликована 24.03.2020

Importance of Afghanistan for Regional Security in South and East Asia

Oleg E. Grishin, Nasratullah Rawan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,

nasrat.rawan@yahoo.com

grishin_oe@pfur.ru

Abstract: In this article, the importance of Afghanistan for South and East Asia and for regional security is assessed. Asia as a whole and the south Asian region in particular is playing an increasingly important role in world politics and economy. It's believed that south Asia is moving forward and will be in a much better position both in politics and economy in the future of Asia and world. The region has been characterized by the dynamic inter-play of security, economic and diplomatic factors reinforcing each other owing to the complex nature of territorial claims and religious extremist activities. Afghanistan strategic location is so important for south Asian countries like Pakistan, India and also for China, Iran and Russia stability and security in the region. As Afghanistan is still a safe haven for international terrorists' groups and Taliban, therefore it's a serious threat to the region and world. Due to the geo-strategic Location of Afghanistan any problem will affect the region stability and security as it did in the past too. Further Successive regimes in Pakistan have tried their best to impose a favorable government in Afghanistan but those policies harmed them only. For China, the importance of Afghanistan becomes evident from the internal security in Xinjiang region. Iran would like to see Afghanistan free from US existence. From other side Russia worry about the inflow of opium and other narcotics from Afghanistan to the central Asia.

Keywords: Regional security, Regional connectivity, Conflict resolution, international terrorism, international relationship, international trade, strategy

For citation: Rawan N., Grishin O. E. Importance of Afghanistan for Regional Security in South and East Asia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):94-103. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-94-103>

Received 30.12.2019

Revised 22.02.2020

Published 24.03.2020

INTRODUCTION

Afghanistan is located in South-Central Asia. It is variously described as being located within Central Asia, South Asia, or the Middle East. It has an important geo-strategic location in south Asia, which connecting East and West Asia or the Middle East. Afghanistan's security

and prosperity depends on its neighbors. Afghanistan was always a target of various invaders, as well as a center from which local powers invaded neighboring regions to form their own empires. Being a landlocked country, Afghanistan was a key focal point in ancient

Silk Road [1]. Its strategic importance can be understood by the following:

1. Regional Security and geo-strategic location.
2. Regional Balance of Power.
3. Pipeline Routes.
4. Natural Resources.

REGIONAL SECURITY AND GEO-STRATEGIC LOCATION

Afghanistan is located between the four most populous and resource-rich regions in the world: South Asia, Central and North Asia, the Middle East and the Far East. The South Asian sub-region with India at the center and surrounded by Pakistan, Afghanistan, Nepal, Bhutan, Bangladesh, Sri Lanka Myanmar and Maldives has been in the focus of world attention in recent years (Fig. 1.).

It is becoming clear that Afghanistan is increasingly an integral part of South Asia. It may not feature in the «official» categorization of South Asian states (Bangladesh, Bhutan, Maldives, Nepal, India, Pakistan, and Sri Lanka), but it impacts the two most important states of the region, Pakistan and India [3].

A stable Afghanistan is important for regional security in South Asia including India. For India, energy security, looking at prospects of a TAPI or similar pipeline is so important. Further, India has big economic stakes in the country. When the Taliban government collapsed after that India start supporting Afghan government for developmental purposes. India has a Strategic Partnership Agreement with Afghan government, in which India agreed to assist in the training and equipping of Afghan security forces. Further Afghanistan is also important for Internal Security and stability of Pakistan. Pakistan is severely affected by the extremists and militant threats from its Afghanistan bordered area [4].

For China, the importance of Afghanistan becomes evident from the internal security in Xinjiang region. There are claims of links between Al Qaeda and Xinjiang Islamic terrorist organizations. For Iran, Afghanistan is important, it would like to see it free from US. Russia worry about the inflow of opium and other narcotics from Afghanistan to the central Asia [5].

Fig. 1. Geographical Map of Afghanistan [2].

REGIONAL BALANCE OF POWER

Afghanistan itself is a path which provides for super powers to control and put pressures on eastern giants and it makes the country important for major powerful empires.

All countries that we mentioned above are non-allied with each other, with no direct sequence geographically. This is evidenced by the competing political and strategic interests between the three nuclear weapon countries of the region viz: China, India and Pakistan. There is no question of sorting out Pakistan and India's issues with each other without the country featuring somehow in the discussion. The Cold War in Afghanistan and the US War on Terror have made sure of that [6].

Pakistan, India and Central Asian countries, as well Saudi Arabia and Iran, have been providing assistance to Afghanistan, especially in infrastructure and construction. However, this is more so because of their own interests rather than to meet the development needs of Afghanistan [7].

Afghanistan is already a member of some regional and economic forums like South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC), Economic Cooperation Organization (ECO), Shanghai Cooperation Organization (SCO) but the participation of Afghanistan has not been very effective.

Afghanistan became member of SAARC in 2007 in the 14th summit of SAARC which was held in New Delhi. Both political rivals India and Pakistan have shown their interest and welcome Afghanistan as a new member of SAARC [8].

India, Afghanistan, and Pakistan must understand that basing policy on illusions and supported by unrealistic rhetoric will deepen mistrust. Instead, they must pursue rapprochement by addressing differences between them, strengthening state-to-state partnerships, and further confidence building measures the US, Russia and China – which have had fluctuating

interests in Afghanistan and the Due to its location, Afghanistan serves as the epicenter of division of power. It clearly divides the powers of Russia, China and Pakistan, India and to its left, Iran and then the middle East [9].

PIPELINE ROUTES

Afghanistan's historical significance is due to its presence in the ancient silk route which was an important trade and commerce route on land. Though Afghanistan itself is not energy rich, but its position along with Iran and Turkmenistan makes it more important. As Turkmenistan has one of largest Gas reserves in the world. This gas can be marketed only via pipelines. These pipelines can easily connect South Asia to Central Asia. One example is the proposed Trans-Afghanistan Pipeline (or TAPI). It this pipeline sees the light of the day; it will be equivalent to a modern Silk Road.

Afghanistan is an important geographical trade passage for linking the middle East to South Asia Countries of the region seeking opportunities to complete massive regional energy connectivity projects. Some of these include:

1. The Central Asia-South Asia (known as CASA-1000), transmitting surplus electricity from the Kyrgyz Republic and Tajikistan to Afghanistan and Pakistan.
2. Turkmenistan, Afghanistan, Pakistan, India (TAPI) pipeline, supplying natural gas from the Central Asian country to the South Asian ones.
3. CASAREM, the Central Asia-South Asia Regional Electricity Market, whereby Afghanistan could effectively operate under the connectivity strictures of not only the FNRC, CASA-1000, and TUTAP, and TAPI, but many other connectivity initiatives on the horizon.
4. The Five Nations Railway (FNRC) Corridor, connecting China to Iran via Afghanistan, Tajikistan, and Kyrgyzstan [10].

NATURAL RESOURCES

Latest research shows that despite the large scales of Lithium, iron, copper, cobalt niobium and gold mineral deposits in Afghanistan, there are other potential undiscovered minerals such as cobalt, chromium, silver, barite, sulfur, talc, magnesium, salt, mica, marble, ruby, emerald and lapis lazuli. It's said that some known deposits of asbestos, mercury, lead, zinc, fluor-spar, bauxite, beryllium, and lithium deposits are also present in the country (Fig. 2).

The newly founded natural resources of Afghanistan will play a magnificent role in economic growth of the country. The latest study on mineral deposits found Afghanistan's potential lithium deposits as large as Bolivia Lithium deposits, which currently has the world's largest known reserves of the light-weight metal. Because of the long war in Afghanistan, Afghans were not able to use these natural resources, it's left underground. Now Afghan government is trying to invite foreign investors to invest in this field, but unfortunately security still remains the main challenge.

Afghanistan would become world's biggest exporter of iron and copper in the upcoming decade. Poverty and unemployment in the region cannot be eradicated without mutual cooperation. Security and stability will not be ensured until poverty is not addressed in Afghanistan and the region as a whole. One way to eradicate poverty in Afghanistan is to invest on natural resources and extract it [12].

WHY AFGHANISTAN' IS SO IMPORTANT FOR PAKISTAN?

Pakistan and Afghanistan two neighbors' countries in the south Asia with long history of conflict. Durand line is one of the main reasons of a conflict between these two countries, which still remain unsolved. Neighboring state widely considered most important, in this regard Pakistan, which playing double and a negative role in Afghan affairs for decades.

India and Pakistan two important countries of south Asia are having economic and trade relations with Afghanistan. As Pakistan was a training place for Mujahedeen in the past.

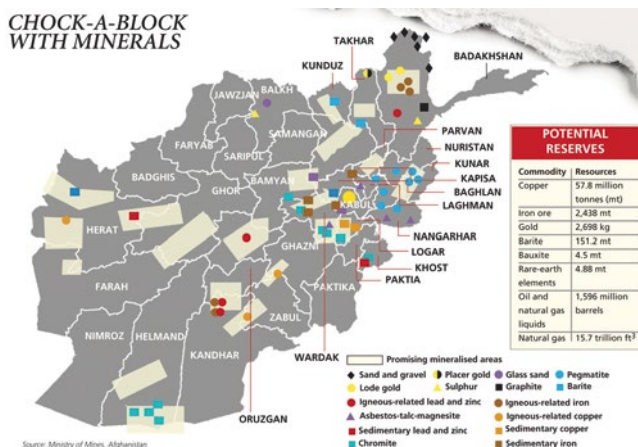

Fig. 2. Natural Resources Map of Afghanistan [11]

Now Pakistan security services maintain ties to Afghan insurgent groups, most notably the Haqqani Network and Taliban at all.

Pakistan can increasingly facilitate Afghan trade and get the opportunity of being a state that has maritime route towards the rest of the world. Such steps will further boost the economic development of both neighboring countries. In Pakistan, in fact, there is still a need of concentration on the internal development of different sectors in the Afghanistan and for the reason somehow; Pakistan has planned many projects to enhance its role in the social and economic development of the Afghanistan [13].

A stable Afghanistan presents several direct benefits to Pakistan.

1. Pakistan has hosted millions of Afghan refugees, fled during war against Soviet Union and civil war in Afghanistan. Over the years even more Afghans were born in Pakistan, which increased the economic burden on a country that was already struggling. In last few years Pakistani government has forced several hundred thousand refugees to return to Afghanistan. A stable Afghanistan will allow these refugees to return to Afghanistan and will be not further burden on Pakistan's economy.
2. Second, with an improving economic situation in Afghanistan, supplemented by enhanced security, the region could serve as a transit hub for countries like Pakistan to reap the benefits of trade.
3. Third, cooperating on economic development while also emphasizing security will be a win-win for both countries and allow for the improvement of cross-border relations. So, they need to focus on a win-win policy rather confronting each other and there is a need of a close cooperation between both countries' security forces, it will lay the groundwork for eliminating militancy along the

Afghanistan-Pakistan border (the Federally Administered Tribal Areas or FATA), which has been a militant haven [14].

WHY AFGHANISTAN IS SO IMPORTANT TO INDIA?

Relation between India and Afghanistan is not only relation between two countries, it is relation between two nations which have a long and deep historical and cultural root. It traces even back to the Indus Valley Civilization. India is a most reliable regional partner for Afghanistan and the largest contributor of development assistance in the region, including civil development projects such as the Afghanistan-India Friendship Dam and the Afghan parliament building.

India and Afghanistan share centuries-old rich heritage with deep-rooted linkages in the field of arts, culture, architecture, cuisine and language [15].

The only issue Afghanistan had with India is Pakistan's worry about the Indian presence in Afghanistan, in particular the misinformation regarding re-opening of consulates in Kandahar and Jalalabad bordered provinces with Pakistan and the «Indian agents» working from them. The Indians have a very limited intelligence activities in Afghanistan and has never asked Afghanistan to work with them against Pakistan in any way. India continues to worry about a destabilized Pakistan, and extremist Islamic movements within their own population.

In 2005, India proposed Afghanistan's membership in the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC).

In 2016, Afghanistan supported India's boycott of the SAARC summit hosted by Pakistan. This was a major diplomatic victory for India [16].

India has strategic Agreement with Afghanistan signed in 2011. This agreement shapes India overall engagement with Afghanistan. India agreed to help in the equipping and ca-

capacity building programs for Afghan National Security Forces.

The inauguration of the Dedicated Air Cargo Corridor in June 2017 between Kabul-Delhi and Kandahar-Delhi has provided a fresh impetus to bilateral trade [17].

WHY AFGHANISTAN'S STABILITY IS SO IMPORTANT TO CHINA?

China and Afghanistan have a long history of relations which involved both the movement of goods and ideas. Tea and fruit were traded across the border, and Buddhism and Islam spread into China from Afghanistan. China-Afghanistan has Strategic and Cooperative Partnership in which they agreed to cooperate in the political, economic, cultural and security fields, as well as on regional and international affairs. Afghanistan's instability affects China's own stability, particularly that of its terrorism-prone Xinjiang region. Members of the Turkistan Islamic Party, a Xinjiang-focused Islamic separatist group, have been apprehended in Afghanistan. China fears that an unstable Afghanistan will permit greater use of Afghan territory by the militants to plot attacks on Chinese territory and sustain the country's thriving drug industry. This can threaten social stability in China and the perceived ability of the Chinese government to protect the populace from harm. China is prepared to play a key role, and has sought great power status consistent with its own strength that can influence the international system [18].

Accordingly, Beijing's ultimate objective is to create an area of stability across its western territory, have a secure corridor into the energy rich Middle East region, develop comprehensive trade and investment opportunities, and spread the Chinese soft power to increase the country's overall strategic reach. In conclusion, Chinese policies in Afghanistan may be seen as part of a larger experiment [19].

CONCLUSION

Geo-strategic and Geo-political location of Afghanistan in Asia caused decades of war and misery for Afghans, it's still a center of conflict between super powers and some countries in the region. Afghanistan as heart of Asia playing important role in world politics, international relation, regional and international security. As we mentioned above Afghanistan is in great position to link the markets of South Asia, Middle East, Central Asia and China as a transit and transport hub.

Two neighbors' countries of Afghanistan in south Asia, India and Pakistan cooperation with Afghanistan will increase the prospects for peace and stability in this country and also in the whole region, it will facilitate the ground for better economic cooperation, regional integration. Further, Afghanistan, India and Pakistan should work for promotion of trade and economic relations rather than security issues in their foreign policy.

It is crucial for both Pakistan and Afghanistan to establish greater interactions at different levels specifically at the government to government level for border management, the revival of Afghan peace process and to enhance trade and commerce.

Relations between these three neighbors Afghanistan, India, and Pakistan in South Asia will have direct implications on the peace, security, prosperity, and stability of the broader region.

Further, the 2019 presidential elections and US-Taliban peace talk will shape the security environment in the near future. If the election results can be accepted by all parties, then attention can be placed on restarting on reconciliation efforts. These talks must be intra-Afghan in nature and offer concrete solutions to a range of issues including ceasefires, withdrawal of foreign troops and the Taliban ties with al-Qaeda and other terrorist groups.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Strategic Importance of Afghanistan. 2016. Oct 20. URL: <https://www.gktoday.in/gk/strategic-importance-of-afghanistan/amp/> (дата обращения: 04.12.2019).
2. Geographical Map of Afghanistan. URL: https://www.intelligencefusion.co.uk/storage/posts/May2018/581439_ec73fcaaf77745e0844f6d755f39e2b2~mv2.png (дата обращения: 04.12.2019).
3. Azim Wardak M. Infrastructure Connectivity in Afghanistan, Economic Cooperation Department. Ministry of Foreign Affairs of Afghanistan. 2018. Sep, 21 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Afghanistan_10.pdf (дата обращения: 04.12.2019).
4. Embassy of India. India – Afghanistan Relations. 2016. Dec. URL: <http://eo.gov.in/kabul/mea.gov.in>. P.1-3. (дата обращения: 04.12.2019).
5. Kangas R. Assessing South Asian security: challenges, opportunities and prospects. IISS, Arundel House, USA. 2019. Oct 16. URL: <https://www.iiss.org/events/2019/10/assessing-south-asian-security-challenges-opportunities-and-prospects> (дата обращения: 04.12.2019).
6. Москаленко В., Топычканов П. Сила и слабость Пакистана. Москва: Московский Центр Карнеги; 2013. 75 с.
7. Kireeva A.A. Regional Strategies and Military Buildup in East Asia and Indo-Pacific: A Russian perspective. Maritime Affairs. 2014;10(2):33-51.
8. Creighton J., Marchesoni E. Afghanistan Reconnected Businesses Take Action to Unlock Trade in the Region. (2010). P.3-4. URL: https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/Afghanistan%20Reconnected_Businesses%20Take%20Action%20to%20Unlock%20Trade%20in%20the%20Region.pdf (дата обращения: 04.12.2019).
9. United Nations Office on Drugs and Crime. (2011–2015). Regional Program for Afghanistan and Neighboring Countries. Vienna. United Nations. New York, 2015. 155 p. URL: https://www.unodc.org/documents/evaluation/indepth-evaluations/2015/RP_Afghanistan_Neighbouring_Countries_In-Depth_Evaluation_Report_April_2015.pdf (дата обращения: 04.12.2019).
10. Fazalrabi Sh., Rabia N. Investment in infrastructure and employment in Afghanistan: Review of past and present investment plans. International Alert. 2018. Feb. 43 p. URL: (дата обращения: 04.12.2019).
11. Natural Resources Map of Afghanistan. URL: <http://web.archive.org/web/20170718075940im>; URL: http://www.gumilev-center.af/wp-content/uploads/2016/05/mineral_resources.jpg; (дата обращения: 04.12.2019).
12. Lee R. The Strategic Importance of Chinese-Pakistani Relations. Al Jazeera Centre for Studies. 2016. Aug 3. P.9-10. URL: https://studies.aljazeera.net/sites/default/files/articles/reports/documents/9b022a8c6ca84fda83be016f0376d27f_100.pdf (дата обращения: 04.12.2019).
13. Shahab A.Z. Pakistan and Afghanistan relation and India factor. Pakistan: Pakistan Institute of International Affairs; 2007. Jan, P.165.
14. Harsh V. Pant. India's 'Af-Pak' Conundrum: South Asia in Flux. Orbis Journal. 2012;56(1)105-117. doi.org/10.1016/j.orbis.2011.10.008. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0030438711000901> (дата обращения: 04.12.2019).
15. Maqsood A. Moscow conference: Afghanistan is on the verge of collapsing or blossoming? South Asia journal. 2017. Apr. URL: <http://southasiajournal.net/moscow-conference-afghanistan-is-on-the-verge-of-collapsing-or-blossoming> (дата обращения: 04.12.2019).
16. Mosa A.M. Why did Afghanistan join SAARC? Afghanistan time. 2018. Jan 4.
17. Afghanistan, Regional Security and the Central Asia Republics. Stratfor. 2017. Sep 20. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/>

[afghanistan-regional-security-and-central-asia-republics](#) (дата обращения: 04.12.2019).

18. Serafettin Y. Afghanistan: China's New Frontier. E-International Relations. 2012. Dec. URL: <https://www.e-ir.info/2012/12/19/afghanistan-chinas-new-frontier/> (дата обращения: 04.12.2019).

REFERENCES:

1. Strategic Importance of Afghanistan. 2016. Oct 20. URL: <https://www.gktoday.in/gk/strategic-importance-of-afghanistan/amp/> [Accessed: 04.12.2019].
2. Geographical Map of Afghanistan. URL: https://www.intelligencefusion.co.uk/storage/posts/May2018/581439_ec73fcaaf77745e0844f6d-755f39e2b2~mv2.png [Accessed: 04.12.2019].
3. Azim Wardak M. Infrastructure Connectivity in Afghanistan, Economic Cooperation Department. Ministry of Foreign Affairs of Afghanistan. 2018. Sep, 21 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Afghanistan_10.pdf [Accessed: 04.12.2019].
4. Embassy of India. India – Afghanistan Relations. 2016. Dec. URL: <http://eo.gov.in/kabul/mea.gov.in>. P.1-3. [Accessed: 04.12.2019].
5. Kangas R. Assessing South Asian security: challenges, opportunities and prospects. IISS, Arundel House, USA. 2019. Oct 16. URL: <https://www.iiss.org/events/2019/10/assessing-south-asian-security-challenges-opportunities-and-prospects> [Accessed: 04.12.2019].
6. Moskalenko V., Topychkanov P. Strength and Weakness of Pakistan. Moscow: Carnegie Moscow Center; 2013. 75 p. (in Russ.).
7. Kireeva A.A. Regional Strategies and Military Buildup in East Asia and Indo-Pacific: A Russian perspective. Maritime Affairs. 2014;10(2):33-51.
8. Creighton J., Marchesoni E. Afghanistan Reconnected Businesses Take Action to Unlock Trade in the Region. (2010). P.3-4. URL: https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/Afghanistan%20Reconnected_Businesses%20Take%20Action%20to%20Unlock%20Trade%20in%20the%20Region.pdf (дата обращения: 04.12.2019).
9. United Nations Office on Drugs and Crime. (2011 – 2015). Regional Program for Afghanistan and Neighboring Countries. Vienna. United Nations. New York, 2015. 155 p. URL: https://www.unodc.org/documents/evaluation/indepth-evaluations/2015/RP_Afghanistan_Neighbouring_Countries_In-Depth_Evaluation_Report_April_2015.pdf [Accessed: 04.12.2019].
10. Fazalrabi Sh., Rabia N. Investment in infrastructure and employment in Afghanistan: Review of past and present investment plans. International Alert. 2018. Feb. 43 p. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Afghanistan_InvestmentInInfrastructureEmployment_EN_2018.pdf [Accessed: 04.12.2019].
11. Natural Resources Map of Afghanistan. URL: <http://web.archive.org/web/20170718075940im>; URL: http://www.gumilev-center.af/wp-content/uploads/2016/05/mineral_resources.jpg; [Accessed: 04.12.2019].
12. Lee R. The Strategic Importance of Chinese-Pakistani Relations. Al Jazeera Centre for Studies. 2016. Aug 3. P.9-10. URL: https://studies.aljazeera.net/sites/default/files/articles/reports/documents/9b022a8c6ca84fda83be-016f0376d27f_100.pdf [Accessed: 04.12.2019].

13. Shahab A.Z. Pakistan and Afghanistan relation and India factor. Pakistan: Pakistan Institute of International Affairs; 2007. Jan, P.165.
14. Harsh V. Pant. India's 'Af-Pak' Conundrum: South Asia in Flux. Orbis Journal. 2012;56(1)105-117. doi.org/10.1016/j.orbis.2011.10.008. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0030438711000901> [Accessed: 04.12.2019].
15. Maqsood A. Moscow conference: Afghanistan is on the verge of collapsing or blossoming? South Asia journal. 2017. Apr. URL: <http://southasiajournal.net/moscow-conference-afghanistan-is-on-the-verge-of-collapsing-or-blossoming> [Accessed: 04.12.2019].
16. Mosa A.M. Why did Afghanistan join SAARC? Afghanistan time. 2018. Jan 4.
17. Afghanistan, Regional Security and the Central Asia Republics. Stratfor. 2017. Sep 20. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/afghanistan-regional-security-and-central-asia-republics> [Accessed: 04.12.2019].
18. Serafettin Y. Afghanistan: China's New Frontier. E-International Relations. 2012. Dec. URL: <https://www.e-ir.info/2012/12/19/afghanistan-chinas-new-frontier/> [Accessed: 04.12.2019].
19. Chambers M.R. (Nov, 2002). South Asia In 2020: Future Strategic Balances and Alliances. Carlisle: U.S. Army War College; 2012. 500 p. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2002/ssi_chambers.pdf [Accessed: 04.12.2019].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Насратуллах Раван, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
nasrat.rawan@yahoo.com

Олег Е. Гришин, кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
grishin_oe@pfur.ru

Nasratullah Rawan, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;
nasrat.rawan@yahoo.com

Oleg E. Grishin, Ph.D. in Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;
grishin_oe@pfur.ru

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Будущее России и Украины в представлениях русских интеллигентов времен гражданской войны (по малоизвестным публикациям в крымских газетах 1919–1920 гг.)

Сергей Б. Филимонов

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,

filimonov.47@list.ru

Аннотация: Работа приурочена к 100-летию окончания Гражданской войны в Крыму, завершившейся осенью 1920 г. Русским исходом. Характеризуется источниковая значимость газет, выходивших в «белом» Крыму в 1917–1920 гг. и ставших в результате красного террора 1920–1921 гг., когда за их хранение грозил расстрел, библиографической редкостью, для истории отечественной интеллигенции, науки и культуры. Отмечается наличие в этих газетах значительного количества публикаций видных и выдающихся русских писателей и учёных, не значащихся в изданных библиографических справочниках и потому остававшихся малоизвестными. Републикуются остававшиеся малоизвестными статьи профессора Н. К. Гудзия «Конец украинской самостийности» и писателя С. Я. Елпатьевского «Взгляд в будущее», напечатанные в 1919–1920 гг., до образования СССР в 1922 г., и посвященные размышлениям о будущем России и Украины. После развала СССР в 1991 г. эти статьи вновь приобрели чрезвычайную актуальность.

Ключевые слова: Крым, Гражданская война, периодическая печать, Н. К. Гудзий, С. Я. Елпатьевский, будущее России и Украины

Для цитирования: Филимонов С. Б. Будущее России и Украины в представлениях русских интеллигентов времен гражданской войны (по малоизвестным публикациям в крымских газетах 1919–1920 гг.). *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(1):104-112. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-104-112>

Статья поступила 29.12.2019

Принята в печать 14.02.2020

Опубликована 24.03.2020

The future of Russia and Ukraine in the representations of russian intelligents of the civil war (on small-publications in crimean newspapers 1919–1920 years)

Sergey B. Filimonov

*the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky, Simferopol, Russia,
filimonov.47@list.ru*

Abstract: The work is dedicated to the 100th anniversary of the end of the Civil War in Crimea, which ended in the fall of 1920 with the Russian Exodus. The source significance of the newspapers published in the “white” Crimea in 1917–1920 is characterized and which became the result of the red terror of 1920–1921, when they were threatened with execution by bibliographic rarity, for the history of the domestic intelligentsia, science and culture. The presence in these newspapers of a significant number of publications of prominent and prominent Russian writers and scholars who are not listed in published bibliographic directories and therefore remained little known. The articles of Professor N. K. Gudzia, remaining little-known, “The End of Ukrainian Independence” and the writer S. Ya. Yelpatievsky, “Looking into the Future,” published in 1919–1920, before the formation of the USSR in 1922, and devoted to thoughts on the future of Russia, are being published. and Ukraine. After the collapse of the USSR in 1991, these articles again acquired extraordinary relevance.

Keywords: Crimea, Civil War, periodicals, N. K. Gudziy, S. Ya. Elpatievsky, the future of Russia and Ukraine

For citation: Filimonov S. B. The Future of Russia and Ukraine in the Representations of Russian Intelligents of the Civil War (on small-Publications in Crimean Newspapers 1919–1920 years). *Post-Soviet Issues*. 2020;7(1):104-112. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-104-112>

Received 29.12.2019

Revised 14.02.2020

Published 24.03.2020

ВВЕДЕНИЕ

В Крыму в период Гражданской войны, по воспоминаниям Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973), сына академика В. И. Вернадского, выдающегося русского историка, в 1918–1920 гг. — профессора Таврического университета, ушедшего в ноябре 1920 г. с армией Врангеля

из Севастополя в Константинополь и потому напрочь вычеркнутого из советской историографии, «был расцвет умственной и религиозной жизни» [1].

Это утверждение Г. В. Вернадского позволяют конкретизировать крымские газеты периода Гражданской войны, в великом

множестве (около 150 наименований!) выходивших в 1917–1920 гг. Из них явствует, что в Крыму в указанный период, наряду с многочисленными научными и культурными центрами, существовавшими ещё с дореволюционной поры (среди которых были и такие знаменитые, как Таврическая учёная архивная комиссия и Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы), возникли и энергично заработали новые. А именно: Таврический университет в Симферополе, Боспорский университет в Керчи, Народные университеты в Симферополе, Феодосии и Ялте, Религиозно-философские общества в Симферополе и Ялте, Народная филармония в Севастополе, Литературно-артистический кружок в Феодосии, Литературное общество имени А. П. Чехова в Ялте и др. В Крыму функционировало Временное высшее церковное управление на Юго-Востоке России, созданное в 1919 г. для управления епархиями Юга России, территории которых были отрезаны от высшего руководства Церковью в Москве фронтами Гражданской войны.

Газеты эти являются ценным малоизвестным источником по истории отечественной интеллигенции, науки и культуры. Они свидетельствуют, что в деятельности крымских вузов, других научных и культурных учреждений и организаций в 1917–1920 гг. живое участие принимали не только представители местной, крымской, интеллигенции, но и крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров бывшей Российской империи в «белый» Крым. (Добавлю, что многие из них впоследствии стали «белоэмигрантами»: помимо упомянутого выше историка Г. В. Вернадского, из Крыма в эмиграцию ушли геолог академик Н. И. Андрусов, биолог С. И. Метальников, правовед П. И. Новгородцев, филолог

В. А. Розов, философ Л. И. Шестов, а знаменитый философ и богослов профессор священник Сергей Булгаков с приходом в Крым в 1920 г. большевиков был изгнан из Таврического университета, а в 1922-м — и из страны.) На страницах крымской периодической печати времен Гражданской войны удалось обнаружить не только хроникальные заметки, рассказывающие о деятельности крымских научных и культурных учреждений и организаций, но и остававшиеся малоизвестными публикации (они не значатся в изданных библиографических справочниках) таких замечательных представителей отечественной науки и культуры, как «король смеха» фельетонист А. Т. Аверченко, крупнейший русский религиозный мыслитель о. Сергей Булгаков, писатель В. В. Вересаев, ученый-энциклопедист академик В. И. Вернадский, его сын историк Г. В. Вернадский, первый ректор Таврического университета профессор Р. И. Гельвиг, писатель Г. Д. Гребенщиков, будущий академик историк Б. Д. Греков, будущий академик филолог и литературовед Н. К. Гудзий, первый декан историко-филологического факультета Таврического университета А. Н. Деревницкий, «король фельетона» В. М. Дорошевич, писатель, мемуарист и публицист С. Я. Елпатьевский, член-корреспондент Академии наук историк И. А. Линниченко, историк искусства Г. К. Лукомский, историк искусства С. К. Маковский, будущий член-корреспондент Академии наук классик крымоведения А. И. Маркевич, драматург С. А. Найденов, классик русской литературы А. Н. Толстой, писатель и драматург К. А. Тренев, историк искусства Я. А. Тугендхольд, классик русской литературы И. С. Шмелев и др. Основная идейная направленность этих публикаций — тревожные размышления о прошлом, настоящем и будущем истерзанной Родины [2].

Будущему России и Украины были посвящены, в частности, остававшиеся малоизвестными статьи Н. К. Гудзия «Конец украинской самостийности» (1919) и С. Я. Елпатьевского «Взгляд в будущее» (1920).

Николай Каллиникович Гудзий (1887–1965) — этнический украинец, выпускник Киевского университета, выдающийся отечественный филолог и литературовед, с 1945 г. — академик Академии наук Украинской ССР, крупнейший специалист в области как древнерусской литературы (его учебник и хрестоматия по истории древнерусской литературы получили мировое признание), так и русской литературы XIX в. (труды Гудзия о творчестве А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого стали классикой). В годы Гражданской войны он жил и работал в Крыму. Здесь молодой ученый был профессором Таврического университета, одним из деятельнейших членов целого ряда научных обществ — Таврической учёной архивной комиссии, Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете, Литературного общества им. А. П. Чехова в Ялте.

На страницах крымских газет, издававшихся в 1919–1920 гг., мне удалось обнаружить 10 статей и заметок Гудзия, не значившихся в изданной в 1968 г. библиографии его трудов и остававшихся, таким образом, малоизвестными [3]. Особое внимание обращает на себя статья «Конец украинской самостийности», напечатанная в симферопольской газете «Южные ведомости» 20 сентября (2 октября) 1919 г. Статья эта, вызванная вестью о разгроме петлюровской армии армией Добровольческой, содержит размышления ученого об исторических судьбах Украины и представляет собой, по оценке современного российского ученого, «редкую по силе критику вульгарного национализма» [3]. Ниже вниманию читателей предлагаю ее републикацию.

СТАТЬЯ Н. К. ГУДЗИЯ «КОНЕЦ УКРАИНСКОЙ САМОСТИЙНОСТИ»

Газеты принесли весть о разгроме петлюровской армии. С этим разгромом связывается, несомненно, конец самостийной Украины. Конец ей пришел, впрочем, еще раньше, когда гетманская декорация, волею исторических судеб, сошла со сцены и когда рухнула та иноземная сила, которая самостийничество не только поддерживала, но и давала ему жизнь. Военный разгром Германии одновременно был разгромом и украинской самостийной державы.

Поступательное движение украинской идеи со времени февральского переворота шло вперед сказочно быстрыми шагами. От автономии через федерацию до полной самостоятельности — таковы основные этапы украинского движения. Первые успехи в деле обособления Украины от России в ее целом были обусловлены тем, что к «возрождению» страны привлечена была солдатская масса, для которой украинизация армии была лишь поводом и удобным средством избавиться от принудительной власти дисциплины. Развал России, слабость государства дали возможность осуществиться, по крайней мере, в теории, таким формам политического устройства страны, о которых и не мечтали незадолго до этого самые горячие головы украинских патриотов. Самостийность была провозглашена в ту пору, когда никому не возбранялось провозглашать все, что угодно.

В течение некоторого времени внешним стимулом для углубления сепаратных тенденций была большевистская опасность. И тогда сознанием этой опасности покрывались различные политические эксперименты вплоть до самостийности. В гетманском кабинете в пору якобы самостийной Украины почти все министры были настроены определенно русофильски и вряд ли кому

из них приходило в голову серьезно думать о возможности разрыва бывшей Малороссии с Россией. Как всякая дипломатия, и гетманская дипломатия оказалась неискренней. Это сказалось особенно ярко тогда, когда половина министров незадолго до кризиса гетманства ушла из кабинета, заявив о политической нецелесообразности разрыва с Россией.

Как ни страшна была большевистская угроза, но и она не смогла заставить тех, кто был у власти, уверовать в призрак. Тесная экономическая связь Украины с остальной Россией шла наперекор всем стремлениям к самостоятельности. Народные массы — это ведь известно всем, кто жил на Украине, — в лучшем случае пассивно созерцали те политические эксперименты, которые производились над Украиной. Телеграмма ПрессБюро сообщает о том, что в местах, освобожденных от петлюровской власти, крестьянство встречает Добровольческую армию самым радушным образом. Не верить этой телеграмме нет никаких оснований, т. к. подозревать малорусское крестьянство в сочувствии петлюровской армии не приходится. Нет сомнения, что для крестьянина малоросса украинская армия представляется чемто чуждым, почти что иноземным, тогда как в Добровольческой армии с ее трехцветным флагом, вместо желтоголубого, он видит армию свою, родную, национальную.

Украинское крестьянство вековым чутьем чувствует, что экономической выгоды от разрыва с Россией оно не получит; так же точно оно угадывает культурную связь со всеми русскими народами, с единой Россией. То, что оказалось непонятным и неприемлемым для теоретизировавшей кучки интеллигентов, было вразумительно и понятно для народной массы.

О самостийнической позиции малорусской интеллигенции в целом говорить, разумеется, не приходится. Самостийники и ко-

личественно и качественно в большинстве незначительны и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру. Огромной же массе малорусской интеллигенции культурная связь с великорусской Россией привита была органически и вытравить ее оказалось делом безнадежным. Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего.

Как характерно, что своя, родная, украинская культура не могла заполнить души таких видных украинофилов, как Драгоманов (Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) — украинский историк, фольклорист и общественный деятель, издатель и редактор журнала «Громада», сторонник культурно-национальной автономии Украины — С. Ф.) и его ученик, недавно трагически скончавшийся Науменко (Науменко Владимир Павлович (1852–1919) — украинский педагог, филолог, журналист, этнограф, общественно-политический деятель, в 1919 г. расстрелянный большевиками — С. Ф.). Драгоманов звал своих земляков к общению с русской культурой; он для родной литературы указывал недостижимые образцы в литературе великорусской, а восторженный и чистый сердцем Науменко вошел в кабинет гетмана тогда, когда он стал на путь обратной тяги к России.

Да, старая Россия во многом повинна перед своей младшей сестрой Украиной. Об этом много говорилось, и повторяться незначем. Но разве легче сберегла бы Украина и себя и свое культурное достояние, если бы она не пошла под высокую руку России? Почему не думают об этом идеологи самостийности, ослепленные ненавистью к тому, что часто бывало результатом лишь действия слепой исторической стихии?

Пусть научатся они объективному отношению к фактам истории у своего непризнанного ныне учителя Драгоманова, не раз становившегося защитником попрекавшей его собратями «Московии».

Мы не сомневаемся, что Украина в будущем вновь сольется с Россией, как автономная единица, но боимся, что за грехи своих неразумных вождей она, по закону исторического возмездия, на своем пути к автономии выдержит большую борьбу с теми, кто строит формы политической жизни по принципу «око за око, зуб за зуб».

Проф. Н. Гудзий

Имя Сергея Яковлевича Елпатьевского (1854–1933), народовольца, замечательно-го русского врача, общественного деятеля, писателя, мемуариста и публициста, друга А. П. Чехова и А. М. Горького, широко известно. Это ему Горький в 1910 г. писал: «Вы — русский литератор с головы до ног, как король Лир — король. Таких людей, как Вы, Русь не рождает больше...».

Поскольку четверть века (1897–1922) Елпатьевский провел в Крыму, для крымцев его жизнь и деятельность представляет особый интерес. В этой связи в 2004 г., к 150-летию со дня рождения Елпатьевского, Симферопольская Центральная городская библиотека им. К. А. Тренева подготовила и издала библиографический список «...Русский литератор с головы до ног...». Составителем списка предпринята попытка учесть как произведения Елпатьевского, на страницах которых отображен Крым, так и литературу о крымском периоде жизни и творчества Елпатьевского.

Изучение крымских газет периода Гражданской войны позволило обнаружить на их страницах произведения Елпатьевского, остававшиеся неизвестными исследователям его творчества. Таковы рассказ «Арест», статьи и очерки «Взгляд в буду-

щее», «Гонение на церковь», «Людотрясение», «Опять погромы», «Опять Советы...», «От реакции к реставрации», «Памяти Николая Константиновича Михайловского», «Чересполосица», напечатанные на страницах симферопольских и ялтинских газет в 1918–1920 гг. Из этих же газет известно, что в годы Гражданской войны Елпатьевский принимал живое участие в деятельности ялтинского Литературного общества им. А. П. Чехова: он был первым его председателем, на заседаниях Общества выступал с воспоминаниями и докладами о писателях В. Г. Короленко, Н. К. Михайловском, И. С. Тургеневе, А. П. Чехове.

7 (20) марта 1920 г., в разгар Гражданской войны, в обстановке полного государственно-политического раздора и хаоса, в симферопольской газете «Южные ведомости» появилась статья Елпатьевского «Взгляд в будущее». В ней автор задавался вопросами: «Что будет с Россией? Какова будущая судьба ее? Не явится ли свертывание и обособление отдельных кусков ее заключительным аккордом разрушения Российского государства, панихидой по бывшей России? Не уйдут ли навсегда отошедшие от России народности — государства и области? Вернутся ли они когда-нибудь к общим яслям, в общий дом, к общему старому очагу?»

Поскольку сегодня, после крушения в 1991 г. СССР, эти вопросы вновь остро волнуют миллионы бывших соотечественников, ниже публикую эту статью.

СТАТЬЯ С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКОГО «ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»

Что будет с Россией? Какова будущая судьба ее? Не явится ли свертывание и обособление отдельных кусков ее заключительным аккордом разрушения Российского государства, панихидой по бывшей России? Не уйдут ли навсегда отошедшие от России

народности — государства и области? Вернутся ли они когда-нибудь к общим яслям, в общий дом, к общему старому очагу?

Слишком различно историческое прошлое населяющих Россию народностей, слишком разнообразны географические, культурные, экономические условия их жизни и степень необходимой связанности их с Россией, чтобы делать общее предсказание, но не будет чрезмерным оптимизмом думать и верить, что большинство их вернется к России и что Россия возродится как государство, — иная, новая, заново переделанная великая Россия.

К этому приведет жизнь, логика ее. Россия, как бы ни отбивались теперь от нее крайние националисты, окажется нужна, жизненно необходима для многих, теперь отвернувшихся. Приведут к этому политические и социальные, экономические и культурные нужды их. Не повезут кавказцы хлеба из Индии и Аргентины, когда рядом есть хлеб в России, не повезут украинцы, как бы ни стремились к этому, науки, искусства, литературы из дальних стран, когда рядом существуют близкие по родству и давней связанностью сродные по языку наука, литература великорусская.

Слишком цепка экономическая связь, слишком живучи общекультурные традиции науки, искусства, литературы, на которых воспитались поколения культурных людей, под влиянием которых складывались местные культуры, искусство, литература, чтобы старые связи порвались окончательно, чтобы люди навсегда ушли от России. И, например, рабочее движение никогда не замкнется в узкие рамки малых национальностей и областей и неизбежно примет общерусский характер.

Мало этого. Россия будет нужна многим, как посредница, как третейский судья в их спорах и междоусобицах. Я беру для примера тот же Кавказ. Слишком велики и давни

национальные распри между грузинской, армянской и мусульманскими народностями Кавказа, чтобы можно было ожидать в близком будущем полного замирения и прекращения старой тяжбы, — и ближе и естественнее стать такой посредницей не далекой Англии и Франции, а близкой России, будущей свободной России с представительством всех национальностей.

И при чрезвычайной этнографической пестроте и череполосности населения России она нужна будет, как посредница, при всяких сношениях между собою разнородных и разноречивых групп. Понадобится общий язык, и таким языком будет русский, хотя бы в той мере, в какой французский язык был международным языком.

Повторяю уже однажды сказанное: было бы правильнее, разумнее, если бы общее размежевание совершилось в Учредительном Собрании, но и теперешнее, временное решение его не должно, насколько дозволено предвидение, знаменовать окончательного ухода от России целого ряда коллективов. И мудрое решение войскового круга в Екатеринодаре о свертывании и обособлении до созыва общерусского Учредительного Собрания — есть тот здоровый, правильный путь, который предсказывает будущее строительство России.

Да, отдельные явные обособления чрезвычайно затрудняют процесс воссоздания России, как целого. Нужно, чтобы забылись старые обиды и утеснения, нужно, чтобы прошел националистический и шовинистский угар и наступило мирное время и спокойное размышление, понадобится продолжительное время, чтобы опыт самостоятельной жизни, вскрытие интересов самих новообразованных государственных организмов привели их к решению о важности, полезности, необходимости воссоединения с Россией. Долго крайнее, повышенное националистическое настроение

будет стоять на пороге этого воссоединения, но оно будет, его не может не быть. Его потребует логика жизни.

Будет общий язык. Мне вспоминается знакомая мусульманская чета. Муж был из горских племен Кавказа, жена — из Башкирии. Они не понимали языка друг друга, и их общим языком, языком любви, был только русский язык.

Таким языком любви и согласия будет русский язык для будущей России, — свободной, не бранной, никому не грозящей и никого не угнетающей России...

Сергей Елпатьевский

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким представляли себе будущее России и Украины в годы Гражданской войны, разразившейся после крушения в 1917 г. Российской империи, профессор Н. К. Гудзий и писатель С. Я. Елпатьевский. Представления эти были частично реализованы в результате создания в 1922 г. нового государства — Союза Советских Социалистических Республик. Увы, сегодня, после крушения в 1991 г. Советского Союза, вышерепубликуемые статьи, вновь приобрели чрезвычайную актуальность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни...»: Г. В. Вернадский и его воспоминания о Крыме / предисл., подгот. текста к публикации В. В. Лаврова, комментарии А. В. Мальгина. *Крымский Архив. Симферополь*, 1994; 1:28–46.
2. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда; 2010. 408 с.
3. Муравьев В. А. [Рецензия] // Отечественная история. М., 2008. № 3. С. 196–198. Рец. на кн.: Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: «ЧерноморПРЕСС»; 2006. 232 с.

REFERENCES:

1. «In Crimea there was a flourishing of mental and religious life ...»: G. V. Vernadsky and his memories of Crimea / foreword., Preparation. text to the publication of V. V. Lavrov, comments by A. V. Malgin. *Crimean Archive. Simferopol*. 1994; 1:28–46. (In Russ.)
2. Filimonov S. B. From the past of Russian culture in the Crimea: searches and finds of a historian-source. Simferopol: N. Orianda; 2010. 408 p. (In Russ.)
3. Muravyov V. A. [Review] // Domestic history. M., 2008. № 3. P. 196–198. Retz. on the book: Filimonov S. B. The intelligentsia in the Crimea (1917–1920): searches and finds of a source. Simferopol: «ChernomorPRESS»; 2006. 232 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей Б. Филимонов, доктор исторических наук, Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295007, Россия, Республика Крым, Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4;
filimonov.47@list.ru

Sergey B. Filimonov, Doctor of Historical Sciences, the Tavricheskaya academy, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia;
filimonov.47@list.ru

